ФРАНЦУЗСКАЯ ОДНОАКТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Французская одноактная драматургия

Жан Ануй, Пьер-Жакез Элиас, Габриэль Ару, Андре Руссен, Марсель Митуа, Марсель Беркье-Мариньо, Ги Абекассис, Клод Фортюно, Мишель Фор, Ги Фуасси, Пьер Руди, Пьер Барийе, Жан-Пьер Греди

Аннотация
Французская одноактная драматургия
От составителя
Андре Руссен. Апрельской ночью
Марсель Митуа. Аккомпаниатор
Марсель Митуа. Странный мир театра
Жан Ануй. Оркестр
Марсель Беркье-Маринье. Любо-дорого
Ги Абекассис. Приезжий из Рангуна
Клод Фортюно. Жертва
Клод Фортюно. Учитесь водить автомобиль заочно!
Мишель Фор. Бес вселился
Ги Фуасси. Речь отца
Габриэль Ару. Альпинисты

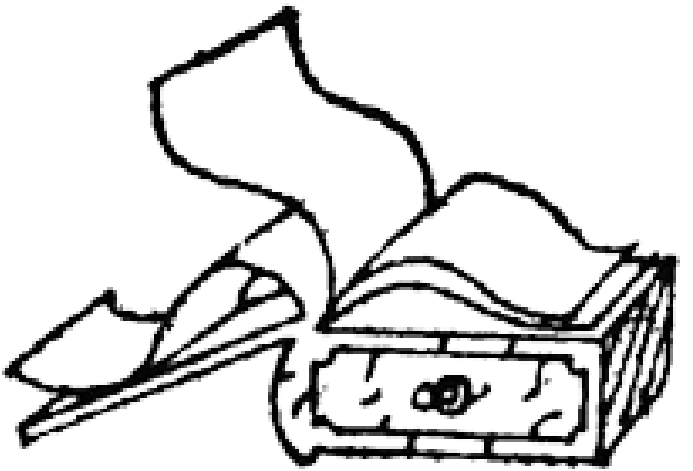
Пьер Руди. Омлет с горчицей
Пьер Барийе и Жан-Пьер Греди. Счастливого Рождества
Пьер Жакез Элиас. Одержимые морем
Сведения об авторах

Аннотация

Сборник состоит из произведений известных французских драматургов, работающих в популярном во Франции жанре одноактной пьесы. Среди них Ж. Ануй, Г.Ару, П.Руди, М. Митуа и другие.

Пьесы будут интересны режиссерам профессиональных и народных театров.

Французская одноактная драматургия



Paris. L’Avant Scène. 1959–1976
Перевод и составление С. А. Володиной
© Перевод на русский язык и составление Издательство «Искусство», 1984 г.

От составителя

В современной французской драматургии одноактная пьеса занимает своеобразное место. Исполняемая несколькими актерами (обычно от одного до четырех), она разыгрывается в одной, часто условной, декорации и длится от пяти до тридцати минут. Популярный французский драматург Рене де Обальдиа так охарактеризовал суть этого жанра: «Максимум три персонажа, не декорация, а скелет, продолжительность — мгновение ока».

Одноактная пьеса имеет свою аудиторию и свои сценические подмостки. Как и в других странах, французские одноактные пьесы исполняются любительскими труппами при «культурных центрах», показываются также по телевидению, исполняются по радио. Иногда профессиональные театры ставят спектакли, составленные из одноактных пьес, как это делала, например, «Компания Мадлен Рено — Жан-Луи Барро». На торжественном открытии своей «малой сцены» театра «Пти-Одеон» они показали две пьесы Натали Саррот — «Молчание» и «Ложь», долго не

сходившие с театральной афиши, а в сезоне 1971/72 года там же были поставлены пьесы Жаннин Вормс «Чаепитие» и «Сию минуту».

Традиционным для французского театра является исполнение одноактной пьесы в начале спектакля, перед основной пьесой. Во французской театральной терминологии существует специальное обозначение такой постановки «перед занавесом». В таких случаях одноактная пьеса играет роль пролога, намечающего тему всего спектакля, увертюры, в какой-то мере подготавливающей зрителя к восприятию основной пьесы, настраивающей его на определенную тональность. Чаще всего это характерно при постановке произведений французской классики. Иногда, наоборот, режиссер выбирает пьесу «перед занавесом» по другому Принципу — противопоставляет два различных психологических плана для. того, чтобы ярче воспринималась идейная направленность главной пьесы. Так, одноактная пьеса Анри Моньс «Похороны» в постановке А. Барсака в театре «Ателье» предшествовала «Балу воров» Жана Ануя, современную психологическую драму предваряла острая сатира, написанная более ста лет назад. А перед пьесой Ануя «Ловкость рук» шла его же одноакт-

ная пьеса «Оркестр». В этом конкретном случае мир ничтожных и жалких людей сменялся показом такой личности, как Наполеон, философская концепция драматурга выявилась яснее на фоне внешнего контраста событий, между которыми, несмотря на противоположность эпох и масштабов, обнаруживалась определенная психологическая аналогия.

Современные французские драматурги нередко сами пишут пьесы «перед занавесом» для своих спектаклей, что видно на примере Ш. Ануя. Еще более показательно творчество Рене де Обальдиа, вовлекающего своих героев в мир ирреальных ситуаций. По его словам, он часто писал одноактные пьесы экспромтом; под названием «Семь досужих экспромтов» они были опубликованы отдельной книгой.

В настоящем издании дана лишь одна пьеса из большого количества пьес «перед занавесом»: несмотря на их несомненные сценические достоинства и на то, что многие из них принадлежат перу крупных драматургов, они, выполняя в спектакле вспомогательную роль, не всегда имеют драматургическую законченность и отдельно от общего режиссерского замысла в чем-то проигрывают.

Пьесы «перед занавесом», в отличие от одноактных пьес, предназначенных для самостоятельного исполнения, имеют еще одну особенность. В большинстве французских театров нет постоянной труппы (даже если и существует некоторый актерский актив); актеры приглашаются по контракту на один сезон, в течение которого ежедневно идет один и тот же спектакль. Исполнители, занятые в основной пьесе, могут участвовать и в одноактной, поэтому дирекция, менее связанная финансовыми соображениями, не предъявляет к пьесе «перед занавесом» строгих требований о количестве действующих лиц. Их число может доходить даже до десяти-двенадцати, чем они резко отличаются от пьес, разыгрываемых на подмостках так называемых кафе-театров.

Возникшие в Париже, в Латинском квартале, в послевоенный период, который во французских литературных и театральных кругах называют «эпохой Сен-Жермен-де-Пре», кафе-театры явились новинкой, которая вызвала интерес публики. Они очень быстро заняли определенное место в театральной жизни французской столицы, и уже в 1972 году известный театральный критик Андре Камп задавал вопрос: «Не должны

ли газеты на страницах, посвященных театру, создать для кафе-театров специальную рубрику?»

Самый первый из кафе-театров — «Ля вьей грий» («Старая решетка») — существует до сих пор и работает в том же полуподвальном помещении около Парижской мечети, а два других, о которых вначале так много писали и говорили, — «Ля гранд Северин» и «Ле бильбоке» — вынуждены были закрыться. Своим началом кафе-театры считают 2 марта 1966 года, когда был поставлен первый спектакль антрепризы Бернара да Коста в «Кафе-Рояль», Французская критика тех времен, называя кафе-театр «браком по расчету между скоморохами и трактирщиками», добавляла: «но иногда бывает, думают — по расчету, а оказывается — по любви...» Тогда впервые на небольшой временной эстраде между столиками кафе организаторы спектакля поделились с публикой своими задачами. Они предполагали ознакомить публику либо с новым автором, либо с новой темой, либо с новой формой драматургии, а также приблизить актеров к публике, которая оказалась в пространстве, где происходит театральное действие, была втянута в развитие действия и иногда принимала в нем участие.

Одним из важнейших участников такого

спектакля является ведущий. Это актер или автор, часто и то и другое в одном лице. Иногда представления принимали даже форму «театра одного актера», французы называют это английским термином «уанмен шоу», — как, например, выступления Бернара Алле в «Мигаодьер» или Алекса Метайе в «Граммон». Крупные актеры в значительной степени обеспечивали успех всего зрелищного мероприятия, публика шла «на них». Их монологи, непременно включавшие блестящую импровизацию, находчивые ответы на реакцию публики, были основой злободневных скетчей, сочиненных порой самими исполнителями. Такими ведущими, например, были в течение двух лет в кафе «Карманьола» поэт и драматург Клод Фортюно, Фернан Рсйно и Реймон Девос, чьи скетчи выходили отдельными сборниками.

Заметим здесь же, что для собственных концертных выступлений сочиняли монологи и скетчи такие известные французские актеры, как Бурвиль («Десять монологов»), Жан Ришар («Мопо-логи и анекдоты»), Робер Ламуре («Монологи и стихи» в пяти выпусках).

Но кто же еще писал для кафе-театров? Какие авторы отдали дань одноактной пьесе? Самые

разные. Кафе-театры, которых в настоящий момент только в Париже более пятнадцати (шесть из них в Латинском квартале, два на Монпарнасе, пять на бульварах), не связанные с большими постановочными затратами, могут гораздо легче осуществить эксперимент на публике с пьесой начинающего автора. Но часто и маститые писатели, если у них рождается сюжет для одного акта, не стремятся «растянуть» его, а пишут короткую пьесу зная, что для нее найдется и своя публика, и свои залы. Прозаик, драматург и поэт Жан Тардье писал в предисловии к своему сборнику одноактных пьес под названием «Камерный театр»: *«…иногда приоткрываю дверь моего творческого чердака — моего „камерного театра“. До меня доносятся реплики комедий, бессвязные отрывки драм. Я слышу смех, вскрики, перешептывания, и под лучом света оживают существа смешные и трогательные, приветливые и добрые, пугающие и злые. Кажется, что они пришли из какого-то более значительного мира, чтобы меня поманить, заинтриговать и обеспокоить, донеся только слабое эхо предчувствуемых воображением событий. Я записываю эти обрывки фраз, я гостеприимно встречаю эти мимолетные персонажи, предлагая им мини-*

мум еды и крова, не копаюсь в их прошлом и не загадываю будущего, и не стремлюсь, чтобы эти гонимые ветром семена пустили более крепкие корни в моем саду».

На афишах кафе-театров соседствуют имена Дидро и Лорки, Теннесси Уильямса и Ги Фуасси, Стриндберга и Чехова. Признанные актеры, такие, как Рене Фор, Жюльен Берто, Луи Арбео сье, Габи Сильвиа, Анни Ноэль и другие отнюдь не считают ниже своего достоинства выступать в кафе-театрах.

Может быть, большая заслуга кафе-театров заключается в том, что они являются «взлетной площадкой» для начинающей молодежи. Так, например, известный парижский кафе-театр «Фаналь» только за четыре года существования показал двадцать шесть пьес молодых авторов, в них приняли участие более ста начинающих актеров, и поставили их двадцать молодых режиссеров.

Не все кафе-театры равны по значению, и программы их составляются по-разному. Иногда это можно назвать «вечером поэзии», иногда сольным концертом актера, где монологи перемежаются с песнями под гитару, иногда выступают мимы, но чаще всего ставятся одноактные пьесы,

в подавляющем большинстве — современных авторов.

Они охватывают все жанры: от водевиля до психологической драмы, от фарса до трагедии. Одноактные пьесы включаются в собрания сочинений писателей, публикуются специальными сборниками, выходят отдельными брошюрами.

Динамизм современной жизни обуславливает и стремление театра к лаконичности. В этом отношении показательный итог подвел театральный фестиваль 1982 года в Софии. Большинство пьес по размеру не превышало одноактовки. Во Франции лучшим одноактным пьесам присуждаются специально учрежденные премии; наиболее популярные из них составляют репертуар театральной антрепризы «Гала одноактной пьесы», руководимой режиссером и драматургом Андре Жилем.

Чем же привлекают эти пьесы французского зрителя и чем, по существу, можно объяснить то место, которое они занимают в сегодняшнем французском театре? В первую очередь тем, что они, являясь наиболее быстрореализуемой формой театральной постановки, в кратчайший срок, по горячим следам отражают в форме сценического действия самые актуальные и жи-

вотрепещущие темы, события и веяния времени. Кроме того, злободневность отклика сочетается в одноактной пьесе с другим ценным качеством — способностью отражать жизнь в предельно сгущенном, сжатом, концентрированном виде. Эти качества, сливаясь в произведении, вышедшем из-под пера талантливого драматурга, обеспечивают одноактной пьесе своеобразную силу художественного и идеологического воздействия.

При подготовке настоящего издания составитель руководствовался принципом отбора среди огромного количества произведений таких, в которых отточенное мастерство формы сочеталось бы с социальным содержанием, а отшлифованное веками искусство сценического построения служило бы раскрытию познавательного и этического смысла. Поэтому, естественно, в стороне остались как чисто развлекательные, легковесные, порой плоские однодневки, так и пьесы для снобистской «интеллектуальной элиты», близкие к так называемому «антитеатру», «театру абсурда» и другим модернистским течениям, ведущим к оскудению человеческого и социального начала и утрате сценичности.

Предлагаемые нашему читателю пьесы разно-

образны и по объему, и по тематике, и по жанрам. Среди них есть комедии и фарсы, водевили и мелодрамы; есть пьесы с детективным и научно-фантастическим сюжетом и даже одна трагедия, что является, с одной стороны, свидетельством высокого профессионализма драматурга, чье мастерское владение приемами построения сценической интриги позволило достичь высокого накала борьбы человеческих страстей не на протяжении двух-трех часов спектакля, как в многоактном произведении, а всего за тридцать-сорок минут, а с другой стороны, свидетельством широких возможностей одноактной драматургии. Предлагаемые пьесы могут быть разбиты на ряд тематических циклов.

Тема искусства. Открывающая книгу пьеса одного из ведущих французских комедиографов, члена Французской Академии Андре Руссена, «Апрельской ночью» является как бы заявкой на характер издания в целом; ее можно назвать программным произведением, разоблачающим модернистские тенденции современного буржуазного театра.

Пьесы Марселя Митуа «Аккомпаниатор» и «Странный мир театра» раскрывают внутренние драмы жизни людей искусства, дают картину

нравов современной индустрии развлечений, где правит жестокая конкуренция, определяющая стремление к дешевой популярности.

Социально-нравственная тема. К ней относится самая крупная но объему пьеса — «Оркестр» Жана Ануя. Выдающийся драматург, признанный глава современного французского театра, видимо, очень дорожил найденной в этом произведении формой раскрытия человеческих отношений. Впоследствии он развил «Оркестр» в трехактную пьесу, сохранив полный текст одноактной и вынеся ее действие на просцениум, в то время как на большей части сцены разыгрывалось действие античной трагедии.

Трагедия некоммуникабельности, социального одиночества, распад человеческих связей, присущие современному капиталистическому миру и являющиеся ведущей темой сегодняшней реалистической литературы во Франции, раскрываются также в, казалось бы, обычных бытовых эпизодах пьес Габриэля Ару «Альпинисты» и Пьера Руди «Омлет с горчицей». Хотя в сборнике преобладает комедийно-сатирическое решение темы, что в принципе закономерно для одноактной драматургии, пьесам этого цикла свойственна зачастую другая тональность. Уны-

лость, бездуховность буржуазного образа жизни, глубокое отчуждение даже близких людей придает ноту истинного трагизма пьесам Пьера Руди «Омлет с горчицей» и Ги Фуасси «Речь отца».

Политическая сатира. В высшей степени злободневно звучит пьеса Мишеля Фора «Вес вселился», фантазия, рассказывающая о продаже частным гражданам атомных бомб для «личного пользования». Приобретающий бомбу персонаж по недомыслию поддается на уговоры коммивояжера — особенно прельщает покупателя та власть, которую он, имея бомбу, получит над своими соседями. Не учитывает он только одного: что другие могут в свою очередь обзавестись таким же оружием…

Особенно широко распространенные во французском театре пьесы водевильно-сатирического характера представлены в сборнике классическим смешным водевилем Марсель Беркье-Маринье «Любо-дорого» и остроумным скетчем Клода Фортюно «Учитесь водить автомобиль заочно!». В обоих случаях развлекательная нацеленность пьес подкрепляется их сатирической направленностыо, выявлению которой способствуют четкие социальные характеристики действующих лиц.

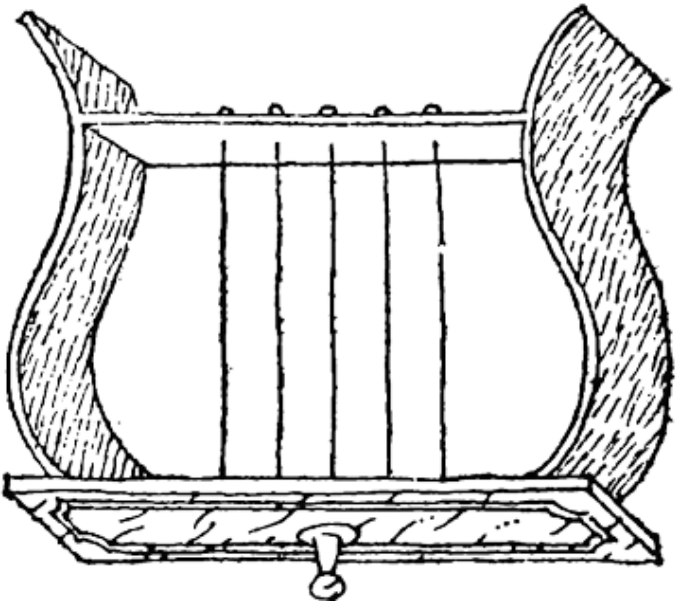
Не менее популярны пьесы детективно-сатирического характера. Преступление или попытка его совершить играют роль своеобразного «фокуса» отрицательных сторон буржуазной действительности и порожденных ими характеров. Когда детективный сюжет используется не как самоцель, а как средство наиболее острого разоблачения социальных недостатков, психологический эффект произведения возрастает; это хорошо видно на примере включенных в сборник пьес Клода Фортюно «Жертва», Ги Абекассиса «Приезжий из Рангуна», Пьера Барине и Жан-Пьера Греди «Счастливого рождества!». В них в остросюжетной форме разоблачается мир чистогана и насилия, а в пьесе «Жертва» затрагивается еще одна важная проблема, волнующая прогрессивные слои французского общества: обилие низкопробных произведений полицейско-шпионско-детективной тематики стимулирует рост преступности в капиталистических странах.

Панорама французской одноактной драматургии дополняется романтической трагедией Пьер-Жакеза Элиаса «Одержимые морем». Эта пьеса, полная сильных драматических страстей, вызывающая в памяти произведения Виктора Гюго, может быть также определена как драма из

народной жизни — жанр, получивший в последнее время большое распространение.

Сюжетное и жанровое разнообразие предложенных пьес, выявляя специфичность интересов и творческого почерка их авторов, дает широкое представление о диапазоне проблем современной французской одноактной драматургии — от глубоких философских размышлений до животрепещущих откликов на проблемы, которые не только волнуют сегодняшнюю Францию, но и представляют интерес для советского читателя. Это борьба за мир против угрозы атомной войны, борьба трудящихся против эксплуатации и угнетения, борьба за права человека, защита окружающей среды, воспитание будущего поколения, проблема отношений в семье и т. д. Основной мотив лучших произведении — глубокое беспокойство за судьбу рядового человека, находящегося под губительным влиянием буржуазных общественных отношений. Героями большинства пьес являются простые французы. Прогрессивные французские писатели, стремясь ответить на вопрос, к чему идет мир, общество, история, возлагают надежды на добрую волю людей, на их стремление к миру.

С. Володина



Андре Руссен
Апрельской ночью

André Roussin — LA NUIT D’AVRIL (1972)

Действующие лица:
Муза,

Писатель.

Стук в дверь.

Писатель. Кто там?

Громкий голос. Твоя муза!

Писатель. С голосом пьяного биндюжника? Приходится верить! Входи!

Входит стройный человек, веселый и жизнерадостный.

Я никогда не представлял свою музу в прозрачной кисее, хоть и люблю прозрачные покровы, и особенно то, что сквозь них просвечивает. Поэтому согласен на музу с усами.

Муза *(теперь уже нормальным голосом).* Хотел бы, наверно, иметь мои, пышные? Я строго слежу, чтобы они совпадали с линией горизонта. На моем лице это как росчерк аристократа. Хорошо, когда нищий выглядит как принц. Я забочусь о своей внешности. Как поживаешь?

Писатель. Что тебя привело?

Муза. Мое любопытное сердце и моя неизлечимая филантропия. Я существо, живущее по ночам, — прогуливаюсь и с угла площади замечаю твое освещенное окно. И думаю: «Этот несчастный пробует засадить себя за работу.

Что ему может быть сейчас приятнее всего? Разумеется, чтобы ему помешали!» И, повинуясь милосердному чувству, взбираюсь на пятый этаж.

Писатель. А к твоему милосердию не примешалось некоторое чувство жажды?

Муза. В момент принятия решения — абсолютно нет. Оно было продиктовано чистейшим альтруизмом. Но после крутого подъема, тебе знакомого, если бы у тебя был коньячок… я бы не поклялся, что…

Писатель. У меня есть что выпить. Естественно! Поскольку я сам не пью. Наливай сколько хочешь. Ты из тех, кому алкоголь придает легкость настроения и оптимизм. Вот почему я тебя и впустил. Мне не хватает оптимизма. Откуда ты шел?

Муза. Оттуда, где пили. Естественно! Поскольку я сам пью.

Писатель. Весело?

Муза. Тоска! Как всюду, где пьют. За исключением твоего кабинета. Ты серьезно трудился?

Писатель. Серьезно? Не знаю. Концепция труда так несостоятельна, а мое представление о нем так несамостоятельно, что я никогда в точности не знаю, работаю или нет. Я снял и обставил эту

комнату именно как место работы, но мне случается ловить здесь мух, как все мы это делали в восемь лет, или просто сидеть, бессмысленно уставившись круглым глазом в чистый лист бумаги, подобно курице, перед клювом которой провели мелом черту. И в мозгу моем не шевелится ни слова, ни намека на идею. Если бы кто-нибудь застал меня в эти минуты, он вышел бы на цыпочках, приняв меня за Гете, озаренного высшим вдохновением. «Ничто так не похоже на думающего человека, как человек, имеющий этот вид». Это единственная забавная фраза у Сюлли Прюдома. Он подписал ее под собственной фотографией. И точно, когда видишь его огромную голову, кажется, что там роятся миры мыслей. За вычетом большой головы, это — мой случай… Мышление — не моя сильная сторона.

Муза. Над чем ты работал?

Писатель. Над пьесой, как и всегда.

Муза. Комедия?

Писатель. Вероятно.

Муза. Теоретически ты прав. Но в конкретный момент — нет. На это смотрят косо.

Писатель. Публика?

Муза. Нет, интеллектуалы. И они ошибаются не всегда.

Писатель. А критики?

Муза. Тоже!

Писатель. Ну и пусть!

Муза. Не «пусть». Они пишут.

Писатель. Ну и что?

Муза. А другие читают. Достаточно, чтобы один дурак написал, что ты идиот, и двести тысяч людей решат, что ты кретин.

Писатель. Я не могу никому помешать иметь такое мнение.

Муза. Можешь! Не пиши комедий. Пиши пьесу о тревоге.

Писатель. Какой?

Муза. Любой. О тревоге жить — во-первых. Ну, это напрашивается само собой. Затем о тревоге — не жить. Нужно время от времени в театре, как в литературе вообще, совершать открытие, что человек смертен. Конечно, все всегда имели об этом более-менее смутное представление… Но привлекателен сам факт открытия. Это ценится очень высоко. Итак, в первом акте: ты открываешь, что ты смертен; во втором акте: ты не понимаешь, как ты можешь быть смертным. Третий акт самый щекотливый: ты принимаешь это или не принимаешь. Я тебе советую, скорее, не принимать. Мы живем в эпоху протеста. Итак,

третий акт: ты отказываешься признать себя смертным. Эпилог — ты умираешь. Я утверждаю, что, если ты напишешь такую пьесу, ты не получишь ни одного отрицательного отзыва! Критики уважают две вещи: тревогу и смерть. Значит, ты должен — при непременном усложняй ни в какой момент не насмешничать — тяжелым, полным грусти взглядом воззриться на бескрайнее болото человечества, в котором, ты чувствуешь, погрязаешь сам. Ты пробуешь вытащить одну ногу, замечаешь, что другая прогрузилась еще глубже, ты бьешь руками по тине, она забрызгивает тебе лицо, ты корчишься под зловонной грязью и кричишь, что все в этом мире грязь! Грязь! Грязь! Обязательно надо подтвердить, что все грязь, грязь, грязь! (Если чувствуешь прилив красноречия, время от времени вставляй слово «дерьмо».) А потом, воздев к небу кулак, ополчись на Судьбу, Рок, мерзость твоего состояния, — состояния человека, попавшего в выгребную яму. И чем больше ты орешь, что ты его не принимаешь, тем больше ты погружаешься и тем яростней протестуешь! И даже с полным ртом ты все еще кричишь: гр… гр… гр… Ты погружаешься еще — и вот уже только твоя кулак грозит, но постепенно замирает: ты достиг дна. И луч прожектора

освещает этот крепкий, неподвижно замерший вечный кулак, который и в самой твоей смерти продолжает говорить смерти «лет». Занавес не падает, потому что занавеса нет. Вот и вся твоя пьеса. Только если где-то подмигнешь — все пропало! Никогда не улыбайся! Это основное условие, чтобы все заговорили о твоем юморе. Я в тебе очень разочаруюсь, если ты этого не усвоишь. Это докажет, что ты думаешь только о деньгах и ни капли не заботишься о своей репутации.

Писатель. Короче говоря, ты «бичуешь пороки времени»?

Муза. Я всегда бичую всяческие пороки. Вот почему я решительно, яростно за театр тревожный, метафизический, протестующий, апокалипсический и сексуальный. Я за театр, который выявляет, изъявляет, объявляет, обличает, подтверждает, пересматривает, ставит вопрос ребром, думает, передумывает, привносит и выносит на обсуждение, воздвигает и выдвигает, шокирует и просвещает. Пойми, я — старый парижанин, я знал еще знаменитую труппу варьете (Ги, Иране, Лавальер, ты знаешь припев), я застал время, когда люди ходили в театр, как дети в цирк, ради развлечения… но это было в исторический период, протухший от гнилого мещанства.

Сегодня, в моем возрасте, я полноправно вхожу в авангард — это единственный способ поддерживать молодость духа. Я же понимаю, что в наши дни у интеллигентных и культурных людей устремления более благородные, чем у их отцов. Мы живем в эпоху, в которую, я не говорю, что нет рогоносцев, но их удел интереса не вызывает. Рогоносец утратил свое магическое достоинство — вызывать смех. Не забывай, что мы расщепили атом! Куда уж тут рогоносцам! Нужно шагать в ногу со временем. И театр тоже должен забросить человека ради сверхчеловека и комическое ради космического. Как называется твоя новая пьеса?

Писатель. «Безюке».

Муза. Ну, горбатого могила… Ты абсолютно не воспринимаешь человека в схватке со своей судьбой. Низко летаешь. «Безюке»! И это о чем?

Писатель. О любви.

Муза. Опять?

Писатель. Разве это скучно?

Муза. Банально. А что происходит?

Писатель. Мужчина любит женщину.

Муза. И дальше?

Писатель. Она его тоже любит.

Муза. Умоляю тебя, не говори мне, что кто-то или что-то препятствует их любви.

Писатель. Вот именно!

Муза. Ну и что?

Писатель. Все.

Муза. Они умирают?

Писатель. Нет.

Муза. Лучше бы уж умерли.

Писатель. Почему?

Муза. Тогда бы ты смог говорить о смерти. Я же тебе повторяю: смерть — это сейчас то, что нужно, отлично, превосходно. И вообще, любовники, которые не умирают, — это рискованно. Можно предположить, что им вместе будет хорошо.

Писатель. Что касается моих, все поймут, что счастье невозможно.

Муза. На это ты способен. Но, в конце концов, ведь не с этим ты попадешь в струю! Кстати, пьеса забавная?

Писатель. Нет.

Муза. Нужно знать, чего хочешь! Если пишешь ради денег, надо писать смешно! А если ради искусства — будь любезен, придумай что-то другое!

Писатель. Но любовь-то существует.

Муза. Открыл!

Писатель. Когда мужчина и женщина любят друг друга, это же интересно.

Муза. Хорошо! Но тогда — никакого текста.

Писатель. Одни диалог?

Муза. Нет! И без диалога. Во-первых, они у тебя должны быть голые.

Писатель. Кто?

Муза. Твои мужчина и твоя женщина.

Писатель. Почему?

Муза. Потому что ты пожертвуешь частностями ради главного. Голые! Причем оба! Договорись обязательно, чтобы в театре хорошо топили. И потом, все, что ты хочешь, чтобы они сказали, они не должны говорить.

Писатель. А что же они будут делать, голые, молча?

Муза. Самовыражаться.

Писатель. Как?

Муза. Или выражать.

Писатель. Что?

Муза. Все.

Писатель. Танцуя?

Муза. Если тебе угодно. Они могут и танцевать.

Писатель. Но это не балет, это пьеса.

Муза. Что это значит — пьеса! Клянусь, только ты один и остался. Никто не употребляет это давно вышедшее из моды слово. Нужно, чтобы ты «выражал», и все! Не ищи ничего другого!

Добейся того, чтобы без обветшалого диалога, без набивших всем оскомину слов твои персонажи «самовыражались» жестами, движениями плеч — можно и задов, ведь они голые, — криками, вздохами, взглядами.

Писатель. Короче говоря, мимическая пьеса?

Муза. Нет. Тотальный театр. Зрелище, я тебе говорю. Зре-ли-ще. Пьеса? С ними покончено! Долой пьесы! Зре-ли-ще! Я знаю, о чем говорю! Я знаю, что сейчас делается! Я каждый вечер хожу в театр.

Писатель. Я никогда не хожу.

Муза. Поэтому ты и закоснел. Это неизбежно. Театр умер, как мне тебе это втемяшить!

Писатель. Театр всегда умирал. Эсхил изобрел диалог. Беккет любил монолог, но нормальным состоянием театра всегда была агония.

Муза. На этот раз, конечно, он помрет. Ты сам сказал: со времен Эсхила театр говорит.

Писатель. Ну и что?

Муза. Пора уж замолчать! Пять тысяч лет болтовни, ты не находишь, что это перебор?

Писатель. Во всяком случае, это подтверждение в его пользу!

Муза. Пять тысяч лот подтверждений?

Писатель. Лучшее доказательство.

Муза. Настало время изобрести новую формулу.

Писатель. Чтобы лучше понимать друг друга?

Муза. Чтобы самовыражаться.

Писатель. Без слов?

Муза. Без слов.

Писатель. Как дикари вокруг костра — кричат, размахивают руками.

Муза. Вот именно. Будущее в руках тех, кто вновь ощутит чувство ритуала, врожденную дикость и раскроет подспудные страсти примитивного человека.

Писатель. Зачем же тогда была нужна цивилизация?

Муза. Именно затем, чтобы убить в человеке человека! Разве не ясно? Вот почему нужно вдохнуть в него животворящие силы, чтобы, пройдя через культ физического, он снова изобрел метафизику, а обновив свои идеалы, пришел к чувству священного.

Писатель. Ты увлекаешься философией?

Муза. Я тебе говорю о театре!

Писатель. Сначала я хочу узнать, что такое театр сегодня.

Муза. Я тебе о нем и рассказываю. А ты мне отвечаешь только представлениями о театре

позавчерашнем.

Писатель. Позавчерашний театр — всегда театр послезавтрашний.

Муза. Мы — типичный пример некоммуникабельности.

Писатель. Ты видишь — мы оба авангард, как господин Журден говорил прозой.

Муза. Я говорю тебе о том, что должно быть, раз уже наступает то, что будет.

Писатель. Голые люди, которые перестали разговаривать? И которые выражают тревогу, шевеля пальцами ног?

Муза. Почему ног?

Писатель. А почему не ног?

Муза. Ты прав. Нога не хуже слов может выразить протест против общества.

Писатель. Уже тысячи лет, как нога нашла свою форму протеста. Она всем известна: это — пинок под зад.

Муза. Вот именно! Нужно отталкиваться именно от ноги, чтобы совокупность действия и драматического выражения нашего времени стала здоровенным пинком во все предшествовавшие формы мысли и искусства. Ты это понимаешь, ты это чувствуешь, и ты сам это придумал! Я бы только хотел, чтобы ты не ограничился этой ге-

ниальной интуицией, но чтобы ты вошел в круг, чтобы ты первый отвесил сам себе огромнейший пинок, так чтобы лязгнули зубы и глаза выскочили из орбит. И если ты сам его себе не влепишь, это сделают другие, но такого эффекта не будет. Нужно уметь пинать самого себя ради спасения искусства и с ним — личного спасения.

Писатель. Видишь, ты сразу же требуешь от меня невозможного.

Муза. Ничего невозможного нет.

Писатель. Есть. Посмотрю я, как ты поддашь самому себе! По своей природе пинок под зад альтруистичен. И себя пинать откажется лучший акробат.

Муза. Ты топишь суть в каламбуре и легковесной шутке, потому что знаешь, что я прав, и это тебе не по нраву. Это противно всему, что для тебя привычно. Однако я верю, что ты поразмыслишь как следует, и то, что я посеял, даст всходы. Ради этого я и приходил. Я выдержал во всем свою роль музы, я взял тебя за руку и наставил на путь истинный, я попытался снять с твоих глаз шоры… хоть я и не болтун, не знаю, что бы я мог еще добавить… разве что «спасибо» за твой коньяк — он превосходен, я еще заскочу. Но скажи же мне по крайней мере перед уходом, что мои слова не

остались для тебя пустым звуком, что ты что-то понял, что ты сделаешь над собой усилие, хотя бы для того, чтобы тебя немного больше ценили. Для писателя очень важно чувствовать, что его уважают. Скажи мне хоть слово, обнадежь меня. Теперь, после всех моих речей, как ты поступишь со своими дяденькой и тетенькой?

Писатель. Буду слушать, что они говорят.

Муза. И, конечно, записывать?

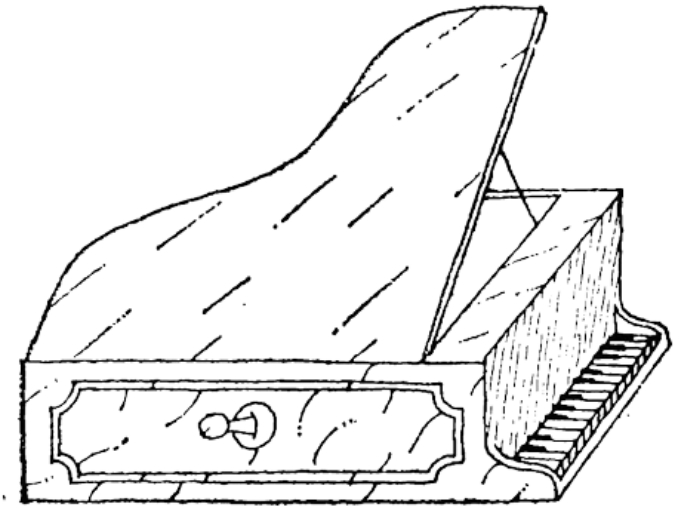
Писатель. Конечно.

Муза. И все это по-прежнему будет называться «Безюке»?

Писатель. Это хорошее название.

Муза. Тем хуже для тебя! Я сделал все, что мог! Никогда тебе из этого не выкарабкаться…

Выходит с гримасой отвращения.



Марсель Митуа
Аккомпаниатор

Marcel Mithois — ACCOMPAGNATEUR (1960)

Пьеса-монолог

Три удара гонга. Занавес закрыт. Еще три удара. Занавес поднимается.

Сцена погружена в полумрак, но луч прожектора освещает место у микро-

фона. В глубине справа за роялем сидит аккомпаниатор.

Пауза.

Аккомпаниатор как бы рассеянно берет несколько аккордов, неожиданно захлопывает крышку, медленно выходит из темноты. Его освещает луч прожектора. Резко отставляет микрофон в сторону и начинает говорить:

Медам и месье… Нет, умоляю, не аплодируйте. И, пожалуйста, потом не свистите и не кричите, хотя вы будете недовольны тем, что я вам объявлю. Вообще это не моя роль — объявлять… Но я сейчас один… Директор, режиссер мечутся за кулисами… Да, кстати, не пойму, кто распорядился дать три удара и поднять занавес? Я, конечно, сидел на своем месте, мне за это деньги платят… Но правда не понимаю, кто мог поднять занавес. Да, медам и месье, придется наконец решиться и объявить вам: сегодня он петь не будет. Нет-нет, прошу вас, ничего не говорите, сейчас вы все узнаете… Это не очередной каприз избалованного кумира: он умер. Да, он умер. Всего десять минут тому назад… а может быть, семь или восемь. Вот почему они там в панике. *(Указывая за кулисы.)*

Да, он мертв. Надеюсь, дирекция вернет вам деньги… *(Как бы отвечая на вопрос.)* Сердечный приступ! Пфф! Вы же знаете, как это случается: переутомление, гастроли за гастролями, поезд, автобус, поезд, автобус, остывшие ужины в вокзальных закусочных, которые подают полусонные дежурные, еще не перемывшие дневной посуды, постели, в которых никак не уляжешься и засыпаешь с трудом, утренние репетиции в выстуженном зале, на сквозняках, в пыли, когда вместо публики — уборщицы с тряпками… Вот кто виноват. Короче, он умер. Да! Я чуть было не забыл! Виноваты и вы, медам и месье! Вы тоже в этом виноваты. Страх. Страх перед выступлением. Перед вами. Сжимается сердце, сначала слегка, а чем больше лет и чем больше славы — все сильнее и сильнее, пока оно — крак! — как воздушный шарик. В один прекрасный вечер — в такой, как этот. Вы прожорливое чудовище с сотнями глаз и ушей, которое надо кормить все новым и новым, хотя иногда — наоборот: старыми успехами и пережитой славой. С какой ноги с вами танцевать? Этого никто не знает. Отсюда и страх. И — крак! Потому что страшно: вы, медам и месье, с таким аппетитом пожираете своих идолов, что иногда, если они встают вам. поперек

горла или вам кажется, что они вышли из моды, вы заглатываете их одним глотком. Глотком, который длится пять минут, иногда одну минуту, мгновение свистка или перешептывания, или просто секунду, когда вы забыли похлопать в ладоши. Да-да! Это быстро. Ваш восторг понемногу остывает… и конец! Из города в город, еще до нашего появления, нас мучает мысль «Как наши акции — идут на повышение или на понижение?» Мы выезжаем из Парижа, занимая на афише второе место, но незаметно, по мере удаления сбрасывается балласт, и в Ницце мы уже на афише после жонглера. Проклятая профессия! Как быстро можно спуститься по парадной лестнице мюзик-холла! Кубарем! В мгновение ока! Однажды у публики плохое настроение, нам кажется — это легкий щелчок, но… все кончено, бесповоротно, возврата нет… и — крак! Не воображайте себе, что директора, импресарио и журналисты дадут нам возможность отыграться после матча… У них навалом других идолов, карабкающихся на ту же лестницу, с которой мы сброшены пинком под зад… в оркестровую яму… в помойную яму всех развенчанных кумиров.

Я тоже один из них, медам и месье. Один из бывших. Да. Да… Это вас удивляет? Не припо-

минаете? О, не извиняйтесь, это естественно… Нет-нет, не расходитесь, прошу вас… Останьтесь, и вы не пожалеете. Я вам сейчас скажу такое, что вас развлечет… Задержитесь на минуту… ради меня — дайте мне возможность… ведь я в первый раз за десять лет выступаю перед публикой… один перед публикой… и этого, может быть, больше никогда не случится до самого конца, до этого — «крак!». Да, позвольте мне снова принадлежать вам, дорогие, дорогие зрители… Постарайтесь, напрягитесь, вспомните;., это было десять лет тому назад… Ну? Не узнаете? Ровно десять лет… О! Это продлилось всего шесть или семь месяцев… У меня был номер с чечеткой. *(Показывает.)* С легкими песенками, с имитацией… Люсьен Люк — «певец-танцор»… Не вспомнили? *(Пауза.)* Нет? Конечно, я не был «звездой», но все же… Пятнадцатого августа в Эвиане меня выпустили сразу перед Шарлем Трене. Хотя, если говорить правду, на рождество я выступал уже в Каркасоне, и мне еще повезло — из жалости меня поставили заменять в антракте иностранного акробата, которому не дали визы. Это — мюзик-холл! И вот, с тех пор уже десять лет, как я аккомпаниатор. Ведь даже одинокому как перст надо на что-то жить. Аккомпаниатор! Нет, такой профессии не

позавидуешь. Разделять страх — можно ли выйти на сцену без страха? — но никогда не разделять ни аплодисментов, ни гонораров. Вы считаете — это справедливо? И вот уже десять лет, как я — в тени, на сцене справа. Не освещаемый прожектором. А прожектор — это прекрасно, если бы вы знали, как сладостно ощущать его теплый луч, его ласку, он придает уверенность в себе… Показывает, что ты существуешь, что ты что-то из себя представляешь.

Нет-нет, не уходите, дайте мне постоять хоть минуту под прожектором… Минуту… Не бойтесь, я не буду показывать вам мой старый номер, нет, даю слово. Я не выжил из ума. Но все эти десять лет я так тосковал по вас, так мечтал, чтобы снова быть с вами, один на один… Просто стоять одному на сцене перед пустым залом — это совсем не то. Это со мной иногда случается, когда мы попадаем в город с хорошим театром… Часа за два-три перед спектаклем, когда все еще в ресторане, я прихожу под предлогом проверить, как настроен инструмент. И тогда, на темной сцене, я закрываю глаза и говорю… говорю, как сейчас с вами, или играю, вернее, воображаю себе, что играю… не на фортепьяно, нет. Я играю по-настоящему. Мне кажется, что я неплохой актер.

Да, я знаю, что уже поздно все начинать сначала. Я умру аккомпаниатором… где-нибудь в Лилле, на детском утреннике, или в Монреале, за дверью, во время антракта. Он-то умер кумиром, это великолепная смерть. Умереть молодым — это вершина карьеры. Я-то умру аккомпаниатором, аккомпаниатором кого-то другого, другого идола. Клавиши всюду одни… Не беспокойтесь, где-нибудь я да пристроюсь. Аккомпаниатору ведь легче устроиться, чем примадонне! Вы уходите? Нет, не уходите… но уходите. Слушайте, что я вам скажу: это я его убил. Да! Я его убил, десять минут тому назад… Задушил собственными руками. Крак! Ах! Я был уверен… Я был уверен, что после этого вы вернетесь. Это вас по-потрясло! А ведь чтобы потрясти вас, нужно, чтобы… Нужно убить! Ох! Можно надрываться месяцами — и не выжать у вас ни улыбки, ни слезы… Я убил, это обычная бытовая драма, но в этом вы что-то находите, раз вы снова рассаживаетесь по местам. Э! Мне кажется — сегодня я буду иметь успех. Так вот, я его убил. И говорю вам об этом не потому, что фиглярничаю. Мне кажется, я испытывал потребность признаться. Перед вами, потому что вы разделяете со мной вину в этом убийстве. Да, медам и месье, мы сообщники! Неужели вы не по-

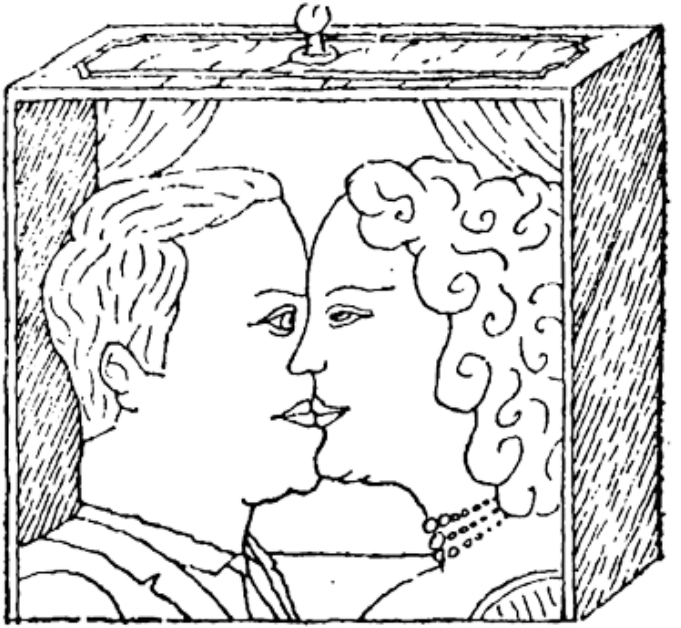
нимаете, что я убил его только из-за вас? Теперь у вас мурашки по спине? Вы знаете, что, если бы из-за вас меня не бросало из Эвиана в Каркасон, а из Каркасона сюда, если бы вы не заставили меня аккомпанировать ему все эти десять лет, из этого темного угла справа, никогда бы я не стал убийцей… *(Смеется.)* Я вижу — угрызений совести у вас нет! Да и у меня тоже… в конце концов, мы убили его в зените славы. Поверьте моему слову — ему невероятно повезло! Он умер после десяти лет сплошного триумфа! Это исключительный случай. В мюзикхолльных кругах его будут приводить в пример, и вы увидите, как журналисты скоро напишут, что он имел бы успех еще лет тридцать… если бы жил. Вот так! Он умер «звездой», а я ею стану… на суде присяжных… О! Я не строю иллюзий, мне. выпадет всего неделя славы… педеля, не больше: одно убийство влечет за собой другое, и очень быстро! Но года через два-три, когда будет суд, мое имя напечатают в газетах крупным шрифтом, а под ним — моя биография… а потом — бац! Небытие, из которого я и вышел. Правда, славу не выбирают… Я бы предпочел другую — славу Люсьена Люка. Вы не захотели. Вы меня загнали в тупик, озлобили, вынудили прислуживать идолу мюзик-холла. Тень в тени.

В чем была моя роль? Пичкать его вкуснейшей едой, которую он потом предлагал вам… но уже остывшей. Потому что, между нами, я считаю, что у него не было и капли таланта. Я говорю со знанием дела — достаточно я проработал с ним, для него. Все, что он делал, было фальшиво: я это хорошо знаю, потому что помогал ему. В трех моих притопах *(делает два-три на чечетки)* больше вдохновения, чем во всем его концерте. Но вам-то как раз нравилась его посредственность, ее вы возвели на пьедестал. Высшая несправедливость. И тогда я его убил. Почему? Да потому, медам и месье, что я был сыт по горло тем, что он ездил в спальном вагоне, а я в сидячем, тем, что он жил в роскошных отелях, а я в плохих, тем, как он представлял меня свысока — «мой аккомпаниатор!». Я больше не мог вынести его театрального жеста, которым он лицемерно на меня указывал, когда его вызывали на «бис», его спеси, его тупости, его бесцеремонности, его постоянного успеха… Не мог, не мог, не мог!.. И вот, когда он только что мне сказал: «Постарайся быть в лучшей форме, чем вчера вечером… Нам меньше аплодировали только из-за тебя, темпа не было», — я его убил, потому что он вызывал во мне отвращение… Вот теперь вы все знаете. Теперь можете расходиться.

Убирайтесь. Убирайтесь же, говорю вам. Ну? Вы не уходите? Почему? Все кончено, вы уже все знаете… Уходите, прошу вас. Вы слышите? Я прошу вас, умоляю…

Или тогда аплодируйте мне, или свистите… Делайте что-нибудь… Не сидите так передо мной… Расходитесь, расходитесь же… *(После паузы вдруг внезапно выпрямляется. Лицо его напряжено.)* Эй! Там… Постойте! Подождите минутку… когда я вам говорил, чтобы вы уходили, это было так, ради красного словца! Вот именно! Сядьте на места! Даже если вам противно на меня смотреть. Даже если я вас пугаю… Да… *(Смотрит на часы.)* Мне нужно вас еще задержать. *(Как бы по секрету.)* Потому что он не умер. Нет, он не умер. Клянусь вам. Это правда. Он как вы и я… И он сейчас к вам выйдет. Да-да, даю слово. Медам и месье, он будет сейчас петь. Забудьте то, что я вам говорил… Это были мои старые грезы, об этом я всегда мечтал в темных залах. А сегодня, не знаю почему, слова сами слетели у меня с языка… Хотя я знаю почему… Потому что он… опаздывал… У него было плохо с сердцем, и он мне сказал: «Выйди на сцену, что-нибудь им сыграй, задержи их». И вот я оказался здесь, в свете прожектора — прожектора, направленного на меня, и это пришло само со-

бой. Вы сердитесь на меня? Конечно, сердитесь… Тем хуже, не прощайте меня, просто забудьте. Забудьте, прошу вас, не говорите ему ничего, не заставляйте его расплачиваться за мою дурную шутку, особенно его, это было бы несправедливо. Мюзик-холл — это тяжело, гораздо тяжелее, чем театр. Пожалейте его, дайте ему выступить. В конце концов, он не виноват, если на его аккомпаниатора нашел приступ безумия… и не совсем моя вина тоже… и не совсем ваша вина, что мы из-за вас теряем разум. Вы не знаете… Тихо, мне кажется, он идет… Будьте великодушны, медам и месье… Я полагаюсь на вас… Договорились, да? Вы обо всем забываете, думаете только о том, что перед вами ваш любимец… Вы увидите, сегодня он будет в особом ударе… А я покидаю вас. И очень жалею, что покидаю… Но покидаю… Улыбайтесь же… Аплодируйте. Он идет. Вот он. Вот… *(Уходит из луча прожектора, садится за инструмент и в темноте берет несколько аккордов, как бы предваряющих выход певца на сцену)*



Марсель Митуа
Странный мир театра

Marcel Mithois — LES COUPS DE THEATRE (1964)

Действующие лица:
Федра — Сюзанна.

Арикия — Николь.
Ипполит — Жан.
Драматург.

Гримерная Сюзанны. Жан в костюме Ипполита и Николь в костюме Арикии слушают транслируемый со сцены по внутреннему динамику голос актера, играющего Тесея:

«Недавно был уверен я вполне…

Теперь встают сомнения во мне,

И мысли будто катятся по склону…

Еще раз должно расспросить Энону.

Что было, знать мне надо навсегда!

Эй, страж! Энону привести сюда!»[1]

Жан. Нет, выключаю! *(Выключает динамик.)* Этот Мирель в Тесее просто возмутителен!.. А

---

[1] Примечания: 1

Все стихотворные отрывки из «Федры» Расина даются в переводе В. Брюсова.

странно, генералом у Ануя он был великолепным. Не знаю почему, но он все время хочет показать Тесея маразматиком.

Николь *(убеждающе).* Жан, чего ты ждешь? Почему ты ничего не говоришь?

Жан. Ты с ума сошла! Я, молодой актер, пойду вдруг и скажу этому патриарху, что он плохо играет Тесея?.. Прежде всего, мне на это наплевать, а потом, через две недели спектакль снимут независимо от сборов. Зачем мне зря наживать врага?

Николь *(с силой).* Жан, чего ты ждешь? Почему ты прямо не говоришь Сюзанне, что мы любим друг друга?

Жан *(удивленно).* Как — чего жду?.. Да удобного случая.

Николь. Их каждый вечер — сто.

Жан *(с иронией).* Конечно, недостатка в них нет. Почему бы, например, столкнувшись в дверях, при смене картин, не сказать ей: «Я тебя оставляю». Удобных случаев много! Но мне нужны благоприятные обстоятельства. Чтобы она отдохнула, расслабилась или, наоборот, была очень радостной или огорченной, но не по этому поводу. Я хочу, чтобы в тот момент, когда она меня потеряет, она могла за что-то уцепиться.

Николь. Мне кажется, ее успех в «Федре» — внушительный спасательный круг.

Жан. Нет, это уже в прошлом. Два месяца, как она открыла на бульварах моду на Расина. Я лучше подожду, когда я буду с ней наедине…

Николь. Ты смеешься надо мной? Ты что, по ночам не остаешься с ней наедине? Неужели ты думаешь, что я не знаю, что ты проводишь у Сюзанны все те вечера и ночи, которые не проводишь у меня?

Жан *(выведенный из терпения).* Неужели ты думаешь, что я не знаю, что ты это знаешь? Нет-нет… У нее дома я никогда не решусь. «У нее дома», пойми, — это ведь так долго было «у нас дома». И она все делала для того, чтобы это было «у меня дома». Мне будет казаться, что я брошу ей в лицо, как пачку старых писем, всю ее любовь и ту роскошь, которой она меня окружила… Нет-нет, нужно куда-то уехать.

Николь *(с иронией).* Например, на гастроли. Ничего себе! Предупреждаю: я больше ждать не буду. И если нужно, я ей сама скажу.

Жан. Моя любимая, ты этого не сделаешь! Ты понимаешь…

Николь. Что я понимаю?

Жан. Ну… что уже больше десяти лет, как я

ее любовник, что она сделала из меня актера… что она меня выбрала, полюбила, поддержала, устроила мне и дебют, и карьеру, и любит меня с каждым днем все больше и больше.

Николь. А я, Жан, значит, тебя не люблю?

Жан. Конечно, любишь. И именно поэтому и должна меня понять. Ты должна сделать усилие, потому что ведь тебя я люблю. Ты и я… перед нами будущее…

Николь. Нет, спасибо. В любви важно только настоящее… И я хочу, чтобы оно у меня… у нас было. Я ни за что не соглашусь ждать из-за какой-то шестидесятилетней старухи…

Жан. Не преувеличивай. Сюзанне сорок три года.

Николь. Шестьдесят. Я видела ее паспорт.

Жан. Ну и что?

Николь. А то: тебе тридцать пять, мне тридцать. Мы уже вышли из возраста, когда любовные свидания проходят под присмотром дуэньи!

Жан. Как ты резка!

Николь. Когда речь идет о моем счастье… о нашем счастье — то да!

Жан. Но если я причиню ей боль, это будет для меня большим несчастьем.

Николь. Ничего! Поскорее покончи с этим раз

и навсегда. Я тоже страдаю, что делю тебя… пусть даже с самой великой актрисой века… великой Сюзанной! Сознайся, в глубине души именно это для тебя главное: насколько меньше пришлось бы тебе страдать, если бы речь шла о продавщице из галантерейного магазина. А вот бросить примадонну — тут у тебя угрызения совести… Что за народ мужчины! Впрочем, ничто не разубедит меня, что ты думаешь и о своей карьере… Конечно! Без Сюзанны придется вкалывать, зарабатывать себе имя в ноте лица. Прощайте, золотые роли героев-любовников… Прости, Ипполит. Прощайте, триумфальные гастроли в фарватере мадам Сюзанны! И чередование премьер как в новых пьесах, так и в классике перед публикой, заранее готовой аплодировать… *(С иронией.)* Я этого не боюсь, мой любимый. Мы будем участвовать в конкурсах. Не так уж мало театральных директоров. По крайней мере мы будем уверены: если нас ангажируют, то за наш талант. Ты будешь знать, что играешь Ипполита не потому, что ты любовник Федры, а я — что приглашена на роль Арикии не потому, что нравлюсь Ипполиту. И ты увидишь — не так уж это будет неприятно.

Жан. Это будет лучше.

Николь. Тогда скала! ей сегодня же.

Жан. Николь! Ты прекрасно знаешь, что, когда она играет Федру, ей нужно несколько часов, чтобы прийти в себя… В конце концов, я не хочу ее убивать!

Николь. Где ты думаешь провести ночь?

Жан. У тебя. То есть, нет! В моей квартирке.

Николь. Ладно! Я отпускаю тебя. Но чтобы завтра утром…

Жан. Я тебе уже сказал, что у нее дома я не смогу.

Николь. Позови ее к себе.

Жан. Она забеспокоится. Она почувствует что-то неладное.

Николь. Ну тогда… Жан, что же тогда? Неужели мы всегда будем скрывать свою любовь? Что нам, до самой смерти придется ее обманывать? У меня нет больше сил. Я не могу вечно притворяться.

Жан. Нет, не вечно…

Николь. Но, Жан, я тебя люблю. И хочу открыто любить — и сейчас и всегда, хотя, может быть, это глупо. Я не прошу тебя жениться на мне, но я хочу, чтобы наша любовь стала праздником. Веселым, радостным. Я не хочу ловить косые ревнивые взгляды, я хочу делить с тобой все мелочи жизни, я хочу, чтобы ты был рядом, когда я накрываю на стол, я хочу видеть, как ты бре-

ешься по утрам, как ты пишешь письма, как ты репетируешь роль в костюме… Пусть это глупо! Но я хочу любить тебя весь день, каждый час без тебя будет бесконечно долог, а с тобой пролетит мгновенно… Пойми, я хочу чувствовать себя так, как будто иду, держась за руку, по освещенной дороге. Я хочу не только любви, но и дружбы. Что, я требую слишком многого?

Жан. Нет, любовь моя! Я этого тоже хочу.

Николь. Обними меня.

Жан. Осторожно, она может войти… Включи радио, чтобы слышать… на чем они там…

Николь включает динамик.
Слышен голос Сюзанны:

«Я к нему пылала грешной страстью.
Боги разожгли то пламя.
Остальное свершено Эноной».

Жан. Выключи, Николь.

Николь *(выключает).* Финал. Любимый, скажи ей все сегодня вечером. Решись!

Жан. Что ж, прямо так и выложить, как только она вой-дот?

Николь. Я считаю, что так даже лучше. Шквал аплодисментов после рыданий на сцене — она на

крыльях радости и триумфа — удар, который ты ей нанесешь, воспримется не так болезненно.

Жан. Ты думаешь? Несчастная! Если бы ты знала, как она меня любит!

Николь *(печально).* Если бы ты знал, как я тебя люблю!

Жан. Она может умереть!

Николь. Это по театр. В жизни от этого не умирают.

Слышны аплодисменты.

Осторожно, она идет!

Из-за кулис слышно, как Сюзанна, приближаясь, во весь голос с разными интонациями несколько раз произносит последние слова своего монолога:

«Все клянут! Хоть каплю сожаленья!..

Смерть, скорей! Кончай мои мученья!»

Сюзанна *(входя).* «Смерть, скорей! Кончай мои мученья!» Вы меня ждете, детки?

Пауза.

Что с вами? Плохо сыграли? А! Пока я не забыла: Николь, котенок, в пятом акте в твоей сцене с Мирелем не теряй ритма, умоляю тебя. Вопросы

идут быстро *(Читает.)*

«А как ты можешь верить в клятву,
Чернящую его печальный образ?
Ужели ты его так мало знаешь?»

Все это быстро.

«Ужели несколько коварных слов довольно было?..» Уловила?

Николь. Да, мадам.

Сюзанна. А ты, Жан, ради бога, в десятый раз тебе повторяю, не поворачивайся к публике, а смотри на меня, когда говоришь: «Ты позабыла:

Тесей — отец мне, а тебе — супруг».
Не могу же я отвечать в твою спину:
«О нет! Я ничего не позабыла!»

Слышишь?

Жан. Да, Сюзанна.

Сюзанна. Извините, дети мои, я буду разгримировываться… Да что вы, потеряли дар речи? Сегодня, кажется, прошло неплохо.

Жан. О да, отлично!

Сюзанна. Это все, что вы хотите мне сообщить? Встретили как заговорщики, я жду какой-нибудь новости… Что-нибудь вроде того, что вам предлагают сниматься в кино и вы не едете на гастроли.

Неужели никаких тайн?

Николь *(быстро).* С тайнами скоро будет покончено. До свиданья, мадам. До завтра. *(Выходя, хлопает дверью.)*

Сюзанна. До завтра, котенок. *(Жану.)* Что с ней?

Жан. Ничего.

Сюзанна. Ну тогда с тобой. Посмотри на меня. Смотри мне в глаза. Встань на колени. Туда. Ты, мой милый, что-то хочешь мне сообщить. Да-да. Ну говори.

Жан *(очень взволнованно).* Ты знаешь, Сюзанна, как я, тебя люблю…

Сюзанна. Иными словами, мой милый, ты хочешь сказать, что ты меня больше не любишь.

Жан *(возмущенно).* Сюзанна! Как я могу не обожать тебя до последнего вздоха!

Сюзанна. В жизни всякое бывает.

Жан. Ты знаешь, что ты для меня — все… Поэзия, театр, величие…

Сюзанна. И любовь?

Жан *(с трудом).* И любовь.

Сюзанна. Всегда?

Жан. В определенном смысле… всегда.

Сюзанна. А та любовь, которая не «в определенном смысле», к кому ты ее питаешь?

Жан. Дорогая, мне нужно тебе объяснить…

Сюзанна. Ну не будешь же ты мне, в конце концов, объяснять, почему ты влюбился? Я сама знаю, как это происходит. Кого же ты любишь?

Пауза.

Ну! Отвечай!

Молчание.

Неужели не хватает храбрости признаться, что ты любишь Николь? Ну Жан, будь мужчиной, скажи, что вы любите друг друга. Ведь ты ее любишь?

Жан. Да, но…

Сюзанна. Почему «но»? Она очаровательна, и я прекрасно понимаю, что ее можно полюбить. С каких пор ты ее любовник?

Жан *(уклончиво).* О-о!

Сюзанна. Так давно? Насколько я понимаю, когда ты привел ее ко мне на роль Арикии, это уже случилось. Ну же! Скажи громко! Не съем же я тебя! Значит, вы любите друг друга, и очень сильно. Потому что иначе она бы не смогла заставить тебя это мне выложить. Видно, она тебе очень дорога. Но почему ты так тянул?

Жан *(с рыданием).* Боялся.

Сюзанна. Меня?

Жан. Боялся причинить тебе боль.

Сюзанна *(громко смеясь).* Боль? Честное слово, ты, по-моему, много о себе понимаешь!

Жан. Послушай, Сюзанна, я не хочу, чтобы ты считала себя покинутой… Я всегда буду рядом с тобой… По первому зову…

Сюзанна *(иронично).* А сейчас, милый Жан, ты уже импровизируешь… Подобных вещей она тебя говорить не просила… Да, впрочем, ты и сам так не думаешь. К счастью. Ты знаешь, что я не позову тебя провести со мной ночь после возвращения из свадебного путешествия… Потому что, как я себе представляю, вы поженитесь.

Жан. О нет!

Сюзанна. Почему? Вы будете прекрасной парой… II по возрасту подходите…

Жан. А ты?

Сюзанна. А я на пятнадцать лет тебя старше, и мы все трое давно это знаем.

Жан. Я не это хотел сказать. Я хотел сказать: а что будет с тобой?

Сюзанна. Успокойся, я буду жить и играть на сцене.

Жан. Ты бесподобна! Все же я боюсь, я знаю, что, как только я уйду, ты сломишься… А я, при одной

мысли о том, что моя Сюзанна несчастна, что она оскорблена… Мне кажется, я этого не смогу вынести… Я думал, что ты разрыдаешься, бросишься к моим ногам… но эта видимость спокойствия… еще хуже. Я чувствую, как ты взваливаешь на себя эту ношу, как ты сгибаешься под ней! Скажи, ты очень на меня сердишься?

Сюзанна *(материнским тоном).* Да нет, мой родной, совсем не сержусь. Она твоих лет, вы поженитесь, у вас будут дети. Разве это сюжет для трагедии? Ты думал, раз я старше, то больше эгоистична? Это смешно. Я хочу только одного, мой милый, — чтобы вы были счастливы.

Жан. Ты прекрасно знаешь, что не могу быть счастлив… Как только вспомню о тебе, такой одинокой перед толпой зрителей. О тебе, моей Сюзанне, такой беспомощной без моей любви, без опоры…

Сюзанна. Жан, не смеши.

Жан. Нет! Нет, я тебя не оставлю… Пойду скажу Николь. Прости меня, забудь все, что я тебе сказал…

Сюзанна *(раздраженно).* Я просто выхожу из себя. *(Берет себя в руки.)* Я хочу сказать, мой дорогой, что ты не должен приносить себя в жертву… Единственное, чего я хочу, — это твоего счастья…

Послушай! То, что было между нами, было чудесно, было сказочно, но я никогда не думала, что это на всю мою жизнь. Ты молод, красив, пользуешься успехом, и, со мной или без меня, он тебя не оставит. Так люби же, и у тебя будет еще больше красоты, больше молодости и больше славы.

Жан. Я тебя люблю.

Сюзанна. Да нет, ты меня любил. Непосредственной любовью, в которой вмещались все героини, которых я играла, и сама великая Сюзанна, с ее материнской добротой, с ее организаторскими способностями директрисы театра, с ее талантом. Ты любил мой успех примадонны, и свой тоже… Люби Николь, у тебя будет и успех и Николь. А она прелестна.

Жан. Я только что ясно понял, что люблю ее недостаточно… не так, как тебя… моя любовь.

Сюзанна *(сердито).* Оставь меня. Что сказано, то сказано.

Жан. Можно подумать, что ты рада, что оставляешь меня.

Сюзанна. Я тебя оставляю? Да я обожаю тебя… Ты восхитителен! Никакой драматург не выдумает.

Жан. Сюзанна, прошу тебя, забудем все!.. Начнем сначала. Сюзанна!

Сюзанна. Нет.

Жан. Даже если я дам тебе слово, что все это была только шутка… чтобы испытать твою любовь, даже если я…

Сюзанна. Нет.

Жан. Если ты меня оставишь, я буду очень страдать.

Сюзанна. И это не так.

Жан. Так, значит, ты меня не любишь?

Сюзанна. Видишь ли, я тебя любила.

Жан. Из-за того, что я упомянул про Николь, твоя любовь вдруг угасла?

Сюзанна. Нет.

Жан. Значит, ты меня уже раньше не любила?

Сюзанна *(уклончиво).* Любила, но… меньше.

Жан. Но почему? Почему? Что я такого сделал?

Сюзанна. Да ничего, мой любимый, ничего. Надо признать, что для любви десять лет — достаточно долгий срок… Мелочи, пустяки — и любовь превращается в привязанность. Хотя ты это знаешь лучше меня! Неужели ты думаешь, что я не знала, что ты любишь Николь, что ты ее любовник… И тем не менее я была очень привязана к тебе… и всегда буду привязана, мой милый Жано…

Жан *(не веря своим ушам).* Как, ты это знала? И

ничего не сказала?

Сюзанна. Зачем? Я ждала, пока ты сам скажешь. Теперь ясно, все прекрасно.

Жан. «Все прекрасно»! Но, честное слово, ты, кажется, в восторге оттого, что больше меня не любишь… Сюзанна, Сюзанна… Ты любишь другого?

Сюзанна *(уклончиво).* Возможно… Но это не имеет никакого значения. Подумай о собственном счастье…

Жан *(перебивая).* Кто он?

Сюзанна *(уклончиво).* Один человек…

Жан. Я его знаю?

Сюзанна *(улыбаясь).* Конечно…

Жан. Кто?

Сюзанна. Прекрати эти бессмысленные выкрики… Он твоя полная противоположность… Это доказывает, что я хорошо встречаю старость. У него нет ни твоей молодости, ни твоей красоты, ни твоего таланта. Но у него нет и твоей хрупкости, беззаботности, плохого характера… Можно сказать, что у него амплуа «благородного отца», которое меня устраивает, или, если хочешь, супруга…

Жан. Неужели ты сейчас скажешь, что это Мирель?

Сюзанна. Да.

Жан *(в ярости).* Пфу!.. Мирель… Мирель… Так вот: в Тесее он невозможен.

Сюзанна. Что правда, то правда! *(С иронией.)* Но, может быть, возможен в другом!

Жан. Ах! Как ты меня разочаровала… И давно это длится?

Сюзанна. Не знаю… Я не считала дней.

Жан. Значит, ты мне изменяла?

Сюзанна. Да, как и ты.

Жан. Ты мне изменяла… с этим стариком!

Сюзанна *(перебивая).* Он моих лет… И раз уж ты хочешь все знать, скажу тебе самое смешное… Мы собираемся пожениться, как порядочные буржуа.

Жан *(ледяным тоном).* Примите сердечные поздравления. Ах! Как ловко вы все скрывали. Но зачем? Раз вы полюбили друг друга, почему было мне не сказать?. Чего ты ждала?

Сюзанна. Чтобы ты мне сказал сам.

Жан. Но почему?

Сюзанна. Сама не знаю… Чтобы не иметь угрызений совести. Я думала, ты все еще нуждаешься во мне… Мне казалось, что ты еще не встал на ноги, еще не завоевал себе положения в театре… Одним словом, думала, что я тебе нужна и

полезна. Но сегодня ты набрался храбрости и заявил, что больше меня не любишь, в то время как считал, что я тебя люблю до безумия… Так вот, ты повзрослел достаточно. Я думаю, что могу пустить тебя летать на собственных крыльях… У тебя хватило сил преодолеть в себе жалость к своей старой любовнице. И ей больше не нужно жалеть своего молодого любовника… Все к лучшему!

Жан *(подавленно).* Мирель!

Сюзанна. Оставь Миреля в покое… Он просто подвернулся в тот момент, когда я решила сменить безумие на благоразумие. Беги же к Николь, Жано, она, наверно, с тревогой ждет тебя, бедняжка, воображаю себя на ее месте. Желаю вам доброй ночи, завтра у нас утренник… Живи улыбаясь, в «Федре» это, правда, трудно — ну, с улыбкой в сердце. Будем играть и радоваться, что играем вместе. Без всяких историй и не третируя бедного Миреля.

Жан. Во всяком случае, можешь передать ему от меня, что он отвратительный Тесей!

Сюзанна. И не подумаю. А в следующий раз дам ему роль Терамена.

Жан. А кто будет Ипполитом?

Сюзанна. Театр — это странный мир, полный

неожиданностей. Как знать, может быть, и ты. Хотя не думаю… Николь и ты составите такую прекрасную актерскую пару, что режиссеры и в театре и в кино будут рвать вас из рук.

Жан *(удивленно и восхищенно).* Ты правда так думаешь?

Сюзанна *(смеясь).* Уверена. И потом, я ведь вам всегда помогу, если нужно…

Жан (*радостно).* Сюзанна, дорогая!

Сюзанна. Ну? Друзья?

Жан. Друзья.

Сюзанна. Поцелуемся на прощание.

Жан. Дорогая!

Николь *(внезапно врываясь в комнату).* Я так и знала… Ты трус… *(Плачет.)*

Жан. Да нет. Спроси Сюзанну.

Сюзанна *(с иронией).*

«Перед другой свою гордость он клонит несмело,

И, быть может, идет он не к первой любимой…

Для него я одна, я одна нестерпима!

И его-то, его я безумно спасаю!»

Жан. Послушай, Сюзанна, объясни ей…

Николь. Трус, трус… что это за мужчины — бо-

ятся жизни, молодости, любви! Цепляются за юбки матерей, своих старых любовниц…

Сюзанна. Николь, не теряйте достоинства. Успокойтесь, он ваш. Все прекрасно и завершается двумя свадьбами. Я выхожу замуж за Мирея, а вы вскоре поженитесь с Жаном. И он будет принадлежать вам каждый день и каждую ночь. От всего сердца желаю вам, чтобы ваше счастье продлилось больше, чем десять лет.

Николь. Не верю…

Сюзанна. Даю вам слово, моя крошка. Это был прощальный поцелуй.

Николь. Опять ложь, опять игра…

Сюзанна. Но посудите сами. Я говорю вам, что больше его не люблю.

Николь. Его?

Сюзанна. Да, его. И уж если хотите все знать, то уже очень давно жду, когда вы его заберете.

Николь. Как? Вы его бросаете?

Сюзанна *(с усмешкой).* В каком-то смысле — да!

Николь *(разочарованно).* Почему?

Сюзанна *(раздраженно).* Ну хватит! Не начинать же мне по второму разу… Вы любите его, он — вас. Вы его добились. Что вам еще нужно? Радоваться, что отняли его у меня? К сожалению,

не получится. Я позволяю себе роскошь вам его передать.

Жан. Я чувствую себя забытым пакетом в бюро находок или велосипедом напрокат.

Николь. Не понимаю, как вы можете так легко расстаться с Жаном. Ведь он молодой человек, который…

Сюзанна *(перебивая).* Вот именно, что молодой. А я уже в том возрасте, когда мне нужен зрелый мужчина… Вот и все. Он восхитительный молодой человек, и вам очень повезло, Николь.

Николь. Я как-то разочарована…

Сюзанна. В чем вы разочарованы, моя крошечка?

Николь. Как можно так легко расстаться с Жаном? И как можно не страдать…

Сюзанна *(смеясь).* Как тебе повезло!.. Как она тебя любит! Когда я смотрю на твою малышку, я молодею ровно на те же десять лет! Спокойной ночи, детки, до завтра.

Жан. Спокойной ночи, Сюзанна! Ну Николь! Ты идешь? А что за тон, чем огорчена? Чем ты недовольна?

Николь *(мечтательно).* Ничем… Я думала, что… знаешь, мне кажется… я бы предпочла, чтобы она тебя любила. Странная вещь любовь.

Пауза.

Сюзанна. Занавес! Что он, заснул? Занавес! Да, правда, сегодня нет машинистов… Уф!

Входит драматург.

Драматург. Браво, браво, браво.

Сюзанна. Да это наш дорогой автор! Где вы были?

Драматург. Прятался в зале. Я хотел послушать вас, не перебивая, и чтобы вы меня пс видели. Ну что сказать! Я очень доволен! Всеми вами тремя! Моя пьеса — это уже другой разговор!

Сюзанна. Ну нет, мой дорогой, не нагоняйте на нас панику за три дня до генеральной.

Драматург. Если о панике, то ее на меня нагнал один журналист. Он мне сказал: «Пьеса об актерах? И вам не страшно? Это верный провал».

Сюзанна, Жан и Николь *(вместе).* Не сглазьте, не сглазьте… Как можно говорить на сцене такое! Теперь за вами угощение.

Драматург *(смеясь).* Да, вы правы, вино за мной… Но прежде позвольте мне сказать, что все трое вы были великолепны, удивительны… *(Колеблясь.)* Только мне кажется, моя малышка, у вас Николь получается жестковатой… Ведь это страстно любящая женщина, защищающая

свою любовь! Не может она быть рациональной. Больше шарма, девочка… Понимаете, что я хочу сказать? А вы восхитительная, Сюзанна. Но я бы на вашем месте играл ее совершенно иначе… Менее по-матерински, менее свысока… Пусть она будет больше женщиной. Что касается вас… одним словом, вы — Жан. И это чудесно.

Жан *(с улыбкой).* Благодарю вас. Он в самом деле бедняга…

Драматург. Но это, мой дорогой, ваша ошибка. Вы его так играете, но я его вижу не так… На вашем месте я бы глубже вскрыл его психологию, дал бы больше нюансов… *(Поучительно.)* Вы понимаете, пьесой «Трио» я хотел сказать…

Сюзанна *(сухо)*. Что именно?

Николь и Жан *(вместе).* Да, что?

Драматург *(растерянно, меняя тон).* Что мы все нервничаем понапрасну. А нам нужно всего лишь набраться терпения и ждать, когда критики объяснят нам, что я хотел сказать своей пьесой… Не будем ничего менять. Однако, мне кажется, в начале «Трио» я сокращу голос Тесея… это затягивает… *(Колеблясь.)* И вообще я думаю: не изменить ли конец? Как бы мне не поставили в вину, что получилась такая святочная развязка. Как вы считаете? А если и Николь разочаруется

в Жане… и он останется совсем один? Это будет, может быть, очень…

Сюзанна. Рискованно. За три дня до генеральной. Поверьте мне, не трогайте ничего, вы только ухудшите. Ну, по домам. Спокойной ночи, и примите снотворное. Пойдем, дорогой… где наша машина?

Жан. У газетного киоска.

Драматург. Да, дети мои, не забудьте: завтра в два часа в костюмах. Я хочу прогнать вместе с основной пьесой.

Николь. Извините, но я с вами прощаюсь. До завтра. Я очень спешу, у моего мальчика ангина. До свиданья. *(Уходит.)*

Сюзанна. А как муж, все в порядке?

Николь *(издалека).* В порядке, завален работой в своей газете. До завтра.

Сюзанна. До завтра, дорогая.

Драматург. А по бокалу? Пойдемте, я угощаю…

Сюзанна. Спасибо, это очень мило с вашей стороны, по мы хотим скорее лечь спать… Пока доедем до нее, переоденемся, разгримируемся… Как ты считаешь, моя любовь?

Жан. Как ты, мой ангел…

Сюзанна. Дорогой автор, ваше угощение откладывается до завтра…

Драматург. Тогда, мои голубки, я вас провожу хотя бы до машины. Я хочу сказать, что мои критические замечания, которые я сейчас высказал…

Сюзанна *(прерывая его).* Вы были совершенно правы. За исключением того, что касалось тебя, мой дорогой… Я нахожу, что в роли Жана он проявил и силу, и глубину… поистине исключительные. Что касается Стоваины, не могу судить… Может быть, вы и правы, что слишком много материнского… Но знаете, что я скажу? Только, пожалуйста, не обижайтесь! Если я буду играть иначе, до публики не дойдет. Поверьте моему опыту, дорогой: я играю эту роль единственным приемлемым для публики образом. Во всяком случае, уж в чем вы не можете упрекнуть меня — что я мельчу свою героиню… Мне думается… Я это говорю не потому, что напрашиваюсь на комплименты, вы прекрасно понимаете, что я выше этих мелочей… Мне думается, что я привнесла в роль какое-то третье измерение, если хотите, элегантность, артистическое достоинство… Вы понимаете меня? Вы создали роль, я создала женщину… Вы уловили смысл…

Драматург *(ошеломленно).* О! Да-да… Вы просто изумительны…

Сюзанна. А вот что касается девочки… я думаю, вы отчасти правы. Она суховата. Я никогда не критикую своих партнеров, вы знаете. Я это говорю в ваших же интересах… Вам бы, может быть, не мешало с ней уединиться еще до генеральной и объяснить, в чем заключается женское обаяние, широта души… Что значит играть нутром, обнажаться, душу вкладывать, всю себя… Ах! Я знаю, это нельзя сымпровизировать… Заметьте, она очаровательна и играет верно… Но одной струны ей не хватает… чувствительности! Никогда публика не поверит, что она может играть Арикию… Пет, большой актрисой ей не быть…

Жан *(робко).* Не сгущаешь ли ты краски…

Сюзанна *(саркастически).* Ну для тебя, конечно, она просто молода, красива, прелестна и, следовательно, гениальна… Ты думаешь, я не вижу! Стоит ей открыть рот — и ты млеешь. Смотреть смешно… В конце концов, мой дорогой автор, вы — психолог, скажите откровенно: что вы о ней думаете?

Драматург *(в затруднении).* Мне кажется, что опа…

Сюзанна. Молода, это ясно. Но кроме…

Драматург *(снисходительно).* Приятна.

Сюзанна. Приятна… приятна. Из чего вы делае-

те этот вывод? Из того, что у нее ребенок? Я могла бы их иметь дюжину, если бы захотела…

Драматург. Но я и вас тоже нахожу очень приятной.

Сюзанна. Меня? *(Нервно смеется.)* Это все, что вы могли сказать? Браво! В полете воображения вам не откажешь! За тридцать лет критики называли меня потрясающей, гениальной, бесподобной, щедрой… И это еще не самое хвалебное… Меня сравнивали с великой Сарой, с Элеонорой Дузе… А вы… вы находите меня «приятной»!

Драматург *(огорченно).* Я хотел сказать, что вы тоже приятны… то есть, приятны… сверх всего остального.

Сюзанна. Мой дорогой, вы нас убиваете. Мы играем вашу пьесу, которая и гроша ломаного не стоит, которую даже «приятной» нельзя назвать, мы готовы отдать ей все наши силы, весь наш талант, и единственное, что вам приходит в голову, — отпускать комплименты статисточкам, которых не взяли бы в толпу даже в оперетте! Так что ж! Раз уж она так хороша, отдайте ей все роли… Мы оба не будем играть. Уступим ей дорогу. Заявляю категорически, что я не считаю себя достаточно «приятной», чтобы играть вашу пьеску! И ради того, чтобы быть «приятной»,

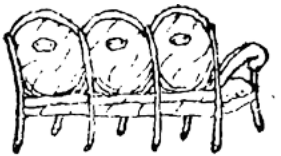
не хочу выглядеть идиоткой! «Приятная»! Это переходит все границы! Если бы вы сказали, что она талантлива или красива, ну, это я, на худой конец, допускаю! Но — «приятна»!.. Это слишком, мой любимый… Оставим нашего дорогого автора, ему есть над чем подумать… Перед ним еще целая ночь, чтобы подобрать других актеров… среди «приятных» ему. Прощайте, мсье. Ну пошли, я спать хочу.

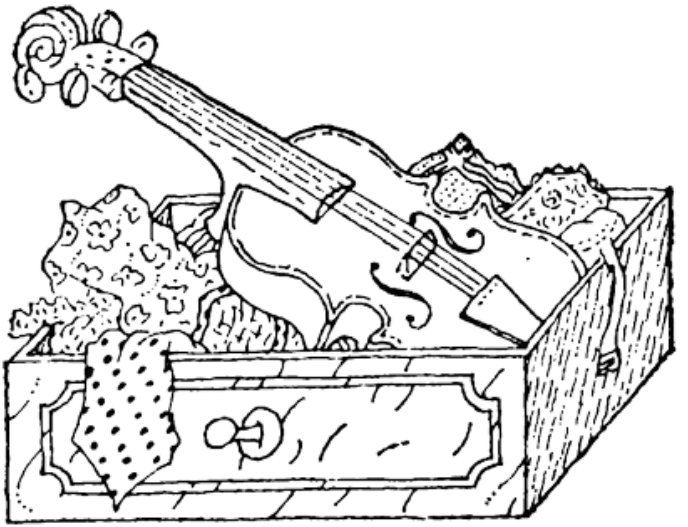
Драматург *(на ухо Жану).* Вы считаете, это окончательно?

Жан *(полушепотом).* Не сходите с ума! Берегите нервы! Завтра она и не вспомнит, о чем говорила. В субботу вечером мы обычно ссоримся, чтобы все воскресное утро мириться. Эта игра уже традиция. Вы подвернулись под руку и попали в нашу игру. Значит, завтра в два, в костюмах. Спито спокойно! И заранее постарайтесь смириться с выходками актрис, ода без этого не могут… Иначе, поверьте, вам будет трудно на драматическом поприще…

Сюзанна. Ну? Ты идешь?

Жан. Бегу.





Жан Ануй
Оркестр

Jean Anouilh — L’ORCHESTRE (1962)

Пьеса-концерт

Действующие лица:
Патриция, *первая скрипка.*
Памела, *вторая скрипка.*

Мадам Ортанс, *контрабас и директриса оркестра.*
Сюзанна Делисиас, *виолончель.*
Эрмелина, *альт.*
Леона, *флейта (она немного горбата).*
Пианист.
Мсье Лебонз.
Официант.
Доктор.

Из-за занавеса доносится веселая музыка. Занавес открывается. Перед нами — женский оркестр, выступающий на эстраде кафе курортного городка. Зал не виден. Оркестрантки одеты в полувечерние платья; их стремление принарядиться выдает дурной вкус.

Спиной к зрителям, за роялем, сидит худощавый невзрачный Пианист — вначале его даже трудно заметить. У края эстрады на пюпитре выставлена планшетка с цифрой «3».

Музыка смолкает. Оркестрантки тут же начинают разговаривать.

Патриция. Потом я мелко рублю лук и ставлю его тушить. Но не больше чем на десять минут!

Когда подливка готова, рожу телятину на мелкие кубики…

Памела. Я кладу лярд.

Патриция. Позвольте вам заметить: в пуатвинскую запеканку лярд никогда не кладут.

Памела. А я кладу.

Патриция *(поджимая губы).* Тогда это не запеканка, а варево для кошек. Я родилась в Лудене!

Они отдают свои ноты подошедшей мадам Ортанс.

Памела. Чем гордиться! Я родилась в Батиньоле!

Патриция *(едко).* О! Париж!

Мадам Ортанс, собирая ноты, проходит перед Сюзанной Делисиас, которая украдкой вяжет, пряча вязанье за своей виолончелью.

Мадам Ортанс *(тоже продолжает прерванный разговор).* Три нет ли лицевые, две изнаночные, потом три спускаете и повторяете снова.

Сюзанна Делисиас. Это японская резинка.

Мадам Ортанс. Нет. В японской резинке, моя дорогая, одна нет ля изнаночная, а у меня две лицевые.

Сюзанна *(с ядовитым смешком).* Вы меня из-

вините, конечно, но если вы делаете один накид, то в вашей резинке остаются просто-напросто две изнаночные нет ли! И для мужского свитера это совсем но подходит.

Мадам Ортанс. Это уж как кому нравится. Но японская резинка — слишком избито.

Эрмелина *(заканчивая разговор с Леоной).* Тогда я ему говорю: «Эдмон, безнаказанно так мучить женщину нельзя!»

Леона. А он что?

Эрмелина. Выругался.

Мадам Ортанс *(заигрывает с пианистом, продолжая свой обход).* А вы, мсье Леон, как всегда, витаете в облаках! Ну! Где ваша «Игра сновидений», а то мы опять запутаемся с партитурами! Вот мечтатель! Мне кажется, у вас стало больше перхоти.

Пианист. У артистов всегда перхоть.

Мадам Ортанс. Почему вы не попробуете «Папский бальзам», как я вам советовала?

Пианист. У него какой-то пряный запах. Мне кажется, мужчине не идет.

Мадам Ортанс *(с улыбкой).* Когда я познакомилась с мсье Ортансом, он им пользовался. А я могу похвалиться, что за двадцать лет замужества никакую женщину так не любили, как меня! Ах!

Женщине о большем нечего и мечтать!

Пианист *(скромно).* Он был скрипач. А скрипачи…

Мадам Ортанс *(значительно).* Встречаются и пианисты с огненным темпераментом…

Пианист *(по-прежнему скромно).* Пианисты реже.

Мадам Ортанс относит ноты к столику в глубине эстрады, на котором лежат стопки партитур.

Сюзанна Делисиас *(откладывает вязанье и отставляет виолончель, встает и подходит к пианино).* Она опять за свое?

Пианист. Да мы просто поговорили.

Сюзанна Делисиас. Если вы не скажете ей, чтобы она замолчала, я сделаю это сама.

Пианист. Не могу же я запретить ей говорить, мы на работе… Ведь она— директриса оркестра!

Сюзанна Делисиас *(возвращаясь на место).* Трус! Жалкий трус!

Патриция *(продолжает разговор с Памелой),* Я протираю шерстяной тряпочкой и беру чуть-чуть полироля.

Памела. А я считаю — лучше капля нашатыря.

Патриция *(сердито).* Нашатырь не выводит

пятна, а снимает весь лак!

Памела *(тоже агрессивно),* У каждого свой метод!

Патриция. Это, конечно, так, но ведь бывают плохие методы. И вообще есть женщины, которые ничего не смыслят в домашнем хозяйстве!

Памела. У меня дома не хуже, чем у вас! *(Хохочет,)* Правда, салфеточек меньше!

Патриция. Не всем же иметь изысканный вкус! Я люблю свое теплое и уютное гнездышко, и все мои сувениры… А кружевные салфеточки как раз и создают уют!

Памела. Зато и пыли в таких гнездышках! У меня обстановка современная, и я этим горжусь. Мебель из металла и пластика. Все светло и чисто. Ничего лишнего.

Патриция *(с нервным смешком).* Представляю себе: как в операционной! Нет, увольте! Я не больная!

Памела. По-вашему, я больная?

Патриция. С такими глазами, как у вас!

Памела. Может быть, моя дорогая, у меня под глазами круги, но это оттого, что у меня есть мужчина, и он меня, безумно любит, чего уж, конечно, нельзя подумать о вас! И кроме того, мои глаза не смотрят в разные стороны!

Патриция. О! Намекать на физический недостаток! Впрочем, совсем незаметный! Вы самая низкая женщина, какую я только знаю. Что же касается вашего любовника, но тут нечем хвастаться. Работает вышибалой!

Памела *(добродушно смеется).* Каждый работает, как может! Главное — хорошо работать. Я люблю людей, которые делают хорошо то, за что берутся! *(С вызывающим видом что-то напевает.)*

Патриция. Какая мерзость! Не понимаю, как в приличных оркестрах терпят таких, как вы!

Мадам Ортанс *(которая тем временем сменила номер и раздает ноты).* Дамы, дамы! На эстраде не скандалить! Публика смотрит на нас, даже когда мы не играем. Улыбки… очарование… Можно прекрасно говорить друг другу все, что думаешь, и при этом улыбаться. Памела, ваш цветок!

Памела. Что — мой цветок?

Мадам Ортанс. Завял! Я требую, чтобы розы всегда были свежие!

Патриция *(смеется).* У розы была ночь любви!

Памела с яростью наступает ей на ногу.

Ай!

Мадам Ортанс. Мадам!

Патриция. Дрянь! Она наступила мне на ногу!

Мадам Ортанс *(строго смотрит на женщин, но по-прежнему улыбается).* Что бы ни случилось, сохраняйте пристойный вид. Это ваш долг, перед вами публика! Патрон сказал мне, когда выбрал нас после прослушивания с известными оркестрами «Маг-Стар» и «Симфони-банд»: «Я беру вас, потому что мне нужны женственность и обаяние! Я хочу, чтобы оркестр вызывал у посетителей приятные мысли».

Памела. О каких приятных мыслях можно говорить здесь, где лечатся от запоров! И вы думаете — они нас слушают? Они только и говорят о болезнях. Сравнивают!

Мадам Ортанс *(строго).* Нас не касается, о чем думают посетители и запор у них или понос. Элегантность и изящество — для этого нас наняли. И женственность. Сейчас мы играем «Осенние мелодии» Шандуаси в обработке Гольдштейна. Больше чувства и вибрато, пожалуйста. *(Проходя мимо пианиста, засовывает палец ему за воротник.)* Как вы вспотели, мсье Леон! Воротник совсем мокрый!

Пианист. У меня всегда есть запасной. Я сменю в антракте. После марша из «Тангейзера».

Сюзанна Делисиас (*возмущенно*). Прекратите! Прекратите! Или я ухожу из оркестра!

Пианист *(жалким тоном).* Умоляю, без скандалов. Она сказала, что мне жарко. Ну не могу же я ей сказать «не жарко»!

Сюзанна Делисиас. Чудовище! Мучитель!

Мадам Ортанс *(командирским тоном).* Обратите внимание на диез в репризе в вашем соло, мадемуазель Делисиас!

Эрмелина *(заканчивая разговор с Леоной).* Все! Все! Я ему все выложила. На одном дыхании! За квартиру не уплачено, бедная мать болеет, и костюм плохо сидит.

Леона. Ну и что он?

Эрмелина. Ничего. Заснул.

Леона. Какое хамство! Я бы Андре такого никогда не позволила!

Мадам Ортанс тихо стучит смычком по контрабасу.

Начинается следующий отрывок.

Во время исполнения в удобные моменты оркестрантки переговариваются между собой.

Патриция. Я — женщина! И, может быть, гораздо больше женщина, чем вы, хотя и не вешаюсь на шею первому встречному! Я жду человека, в

котором своими глазами увижу душу!

Памела *(прыскает, не переставая играть).* Обоими сразу — для вас затруднительно!

Патриция *(при этом намеке еле сдерживает рыдание).* О! Опять…

Памела. Или ему нужно метаться из стороны в сторону.

Патриция *(сдерживая рыдание).* О! Я не вынесу!

Мадам Ортанс слегка ударяет ее смычком но голове. Патриция, превозмогая себя, играет с исступлением. Музыка.

Эрмелина *(продолжает).* Так вот, мы входим в ресторан, его друзья нас пригласили. Такое шикарное место, и я ему говорю: Эдмон, куда мне сесть?

Леона. А он что?

Эрмелина *(возмущенно).* «Садись, куда хочешь, только нам мозги не…».

Ударяя Эрмелипу смычком по голове, мадам Ортанс останавливает последнее слово, которое, кстати, заглушается музыкой. Патетическими аккордами с блеском заканчивается отрывок. Когда музыка прекращается, мадам Ортанс проходит, собирая ноты, и снимает планшетку

с цифрой.

Патриция. Что этот официант тянет? Уже время обслуживать оркестр. Умираю, хочу пить. Нам положено!

Памела *(стремясь примириться).* Посетители прежде всего, а на наше пиво, простите за грубое выражение, ему наплевать!

Патриция. Конечно, артисты всегда на последнем месте.

Мадам Ортанс *(меняя цифру).* В антракте, мадам! Вы же знаете, какой порядок. Мы имеем право на бесплатный напиток, но в антракте.

Патриция. Вчера он нам принес в двенадцать ночи. А вот по субботам, когда оп ждет от нас чаевых, он торопится! За эту неделю я дам двадцать су. Ах, жить среди этого хамья!.. Есть люди, которые считают это нормальным! Но я воспитана по-другому. Я дочь офицера! И попасть в эту клоаку!

Мадам Ортанс *(оскорбленно).* Это первоклассное заведение. И вы были очень рады, моя милая, когда вас сюда взяли. Не плюйте в колодец.

Патриция. С моим талантом! Я же концертировала! Я была солисткой! Однажды на благотворительном празднике в зале был Массне, великий Массне! Когда концерт окончился, он поцеловал

мне руку. Я исполнила переложение для оркестра из «Миньон» и вложила всю душу. У маэстро на глазах стояли слезы! Он был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова! Вам, конечно, этого не понять!

Мадам Ортанс. У всех были свои успехи! Господин Ортанс был первой скрипкой в трактире Цурки в Петербурге… Это было до революции — он играл перед коронованными особами. Но кроме взлетов бывают и падения. Тем не менее он к музыке относился очень серьезно. Он говорил мне: «Зелия, музыка — это как суп: он всегда хорош».

Патриция. Душу вкладывать — помогать лечить поносы и запоры!

Мадам Ортанс. Запор не мешает ценить музыку! Больше скажу — наоборот! У нас здесь много тонких знатоков. Вчера, например, один крупный бельгийский промышленник рассыпался в комплиментах. Он и о вас говорил.

Патриция *(внезапно преобразившись).* Правда? Как забавно! А что он сказал?

Мадам Ортанс. Он спросил, не из Гента ли вы. Там вроде бы одна женщина на вас похожа. Гардеробщица в курзале.

Эрмелина *(продолжая говорить с Леоной).* И

тогда я ему сказала: «Эдмон, может быть, тебе это и не нравится, но не порть другим настроение!»

Леона. Бац!

Эрмелина. Бац! В точку! И добавила: «Я женщина, а женщине не запретишь чувствовать себя и относиться к жизни по-женски». И, моя милая, я поняла, что удар попал в цель.

Леона. И что он?

Эрмелина. Ничего. Продолжал чистить зубы.

Леона. А ты что?

Эрмелина. Положила ножницы — я стригла ногти — и вышла из ванной!

Леона. Взяла и вышла?

Эрмелина. Понимаешь, как я ему врезала? Я надела пояс, чулки. Опять ничего, моя милая, рот полощет! Тогда я надела платье, я была готова на все — ты меня знаешь — и вышла, хлопнув дверью! Во мне все кипело. Я бы пошла с первым, кто мне попался бы навстречу, с первым, кто бы сказал мне ласковое слово! По внизу был только ночной сторож, старый негр, а в этом городе, ты знаешь — на улицах ни одной собаки. Я болталась сколько могла, чтобы он как следует испугался. Я даже до собора дошла, говорят, он очень красив, но ночью ничего не было видно. В четверть третьего я вернулась. Я еле держалась на ногах.

На мне были розовые туфли — те, которые я тебе потом отдала, потому что они жмут, — и я натерла ногу. И потом, я боялась. Я ведь сказала, уходя, что с этим надо кончать раз и навсегда, и он мог заявить в полицию, из-за Алье. А мне совсем пи к чему неприятности.

Леона. А кто этот Алье?

Эрмелина. Господи! Река в этом Мулене. Всем известно, что, когда женщина в таком состоянии, ей может прийти в голову неизвестно что, скажем река. Кстати, ник реке ходила, но было очень темно. Я повернула обратно.

Леона. А! Понимаю! Он подумал, что ты умерла? И что он сказал, когда тебя увидел?

Эрмелина. Ничего. Он меня не увидел. Он тоже ушел из дома.

Леона. Побежал в полицию?

Эрмелина. Нет. Пошел играть в карты с друзьями в бар на вокзале.

Сюзанна Делисиас *(стоя у рояля).* Я все сносила! То, что мы встречаемся тайно и редко и в паршивой гостинице, где хозяин обращается со мной, как с проституткой, со мной, которая мечтала ходить с высоко поднятой головой, рука об руку с любимым человеком! Но есть одно, Леон, с чем я не могу мириться, — это заигрывания этой

ужасной женщины с моим избранником, с человеком, которому я принадлежу! Когда речь идет о вашей несчастной калеке-жене, я молчу, я понимаю чувство жалости, пусть даже я считаю вашу жену низкой и ее ухищрения отвратительными… Но здесь, на моих глазах, выставлять напоказ свои вожделения! Перед всем оркестром!

Пианист. Наши отношения не выходят из чисто служебных рамок, моя любовь.

Сюзанна Делисиас. Совать вам палец за воротник? А гладить вас по голове — это тоже служебные рамки?

Пианист. Она указала на то, что на воротнике перхоть. Это ее обязанность и законное право.

Сюзанна Делисиас. Законное право на ваш воротник имею только я! Так же, как на ваши волосы! Я вам все отдала, мою девственность, мои мечты, доброе имя моей семьи, пожертвовала всем, даже сестрой-монахиней, которая умрет, если узнает. Все ваше — отныне мое! Я выцарапаю когтями, как львица!

Пианист *(смиренно).* Львицы кусаются, а царапаются тигрицы, я вам говорил, любовь моя!

Сюзанна Делисиас. Отлично! Тогда вырву зубами!

В это время мадам Ортанс проходит мимо

нее. Сюзанна оскаливает зубы и рычит, как бы собираясь укусить ее.

Мадам Ортанс *(останавливаясь).* Вам плохо?

Сюзанна Делисиас разражается рыданиями.

Пианист *(бормочет).* Это чисто нервное. Чисто нервное.

Мадам Ортанс. Чистое или грязное, милочка, но оркестра это не касается. Только не здесь! Мы лицо всего заведения. *(Леону.)* Похлопайте ее по спине, ну! Пусть думают, что она закашлялась. Никаких скандалов на эстраде!

Пианист *(хлопая Сюзанну по спине).* Мой зайчонок, мой мышонок, моя козочка, моя лапочка…

Мадам Ортанс. Баснями Лафонтена займетесь потом! Я вас не спрашиваю, как вы проводите свободное от работы время!

Сюзанна Делисиас *(раздраженно).* Да перестаньте же, наконец! Мне больно! *(Вызывающе выпрямляется перед мадам Ортанс.)* Я люблю и любима, если хотите знать, мадам!

Мадам Ортанс. Нет, мадемуазель Делисиас! Нет! Я не хочу этого знать! Здесь мы в храме музыки!

Сюзанна. О, это слишком легко — заткнуть мне рот во имя искусства! Вы думаете, я стыжусь?

Нет, я хожу с высоко поднятой головой! Да, с высоко поднятой! *(Высоко подняв голову, делает несколько шагов по крохотному пространству перед ней на эстраде.)*

Мадам Ортанс *(вырывает у нее из рук партитуру и потрясает ею).* Единственное, о чем я вас прошу, — это беречь мои ноты! Вы не представляете, во сколько обходится составление программы! Посмотрите только! «Кокарды и кукареку» все измяты. А эти ноты редкость!

Сюзанна Делисиас *(разражаясь высокомерным смехом).* Разрешите заметить, мадам Ортанс: со вкусом у вас дело обстоит весьма плачевно! Не музыка, а треньканье! Редкость! Композитор Дюверже!

Мадам Ортанс. В аранжировке Бенуассо, милочка! А этот человек знал толк в своем деле! Сожалею, что для вас это новость. Я его знала еще по казино в Руане — вот был расцвет симфонической музыки! Да, это был музыкант с большой буквы!

Сюзанна Делисиас. Я всосала классику с молоком матери. О Бетховен! О Сен-Санс!

Мадам Ортанс. В заведения, подобные нашему, приходят играть в карты и в домино, чтобы отвлечься от мыслей о болезнях. Единственное, что

посетителям нужно, — приятный музыкальный фон. Этот отрывок веселый, вибрато, с подъемом. Он вызывает мысли о Франции. А в кафе это то, что нужно.

Сюзанна Делисиас. Ах, как низко я пала! Какая пошлость! Какие унижения! Я умираю, я задыхаюсь! Я не буду петь арию из Весталки. У меня пропал голос.

Мадам Ортанс *(строго).* Ариозо Весталки напечатано в программе. Черным по белому. А изменения в программе всегда производят плохое впечатление. Мсье Лебонз нам это категорически запретил. Это выбивает слушателей из колеи. Вы будете петь!

Сюзанна Делисиас *(падает на стул и стонет).* Нет! Нет! Это слишком! Слишком для моих нервов! На помощь, Леон! Эта женщина попирает меня ногами!

Мадам Ортанс. Вы жалкое существо, и мсье Леон, как мужчина и как артист, обязательно придет к такому выводу. *(Величественно шествует, раздавая ноты.)*

Эрмелина. Я, конечно, молчу, это не моя забота, но если бы кто-нибудь хоть на десятую долю так заигрывал с Эдмоном, как она с этим бедным мальчиком, я бы дошла до белого каления. Одна-

жды в казино в Палавасе я в антракте выхожу на минуточку. Возвращаюсь — его на эстраде нет. И знаешь, с кем я его нахожу?

Леона. Нет.

Эрмелина. С девушкой из туалета.

Леона. Не может быть!

Эрмелина. Да! Крашеная блондинка, о которой такое рассказывали! Представляешь себе? С уборщицей из туалета!

Леона. И что он делал?

Эрмелина. Говорил, будто разменивал у нее франк на мелочь. Но меня не проведешь! Знаешь, что я ему сказала?

Леона. Нет.

Эрмелина. Ничего не сказала! Только так посмотрела на них, вошла в туалет и спросила: «А где бумага?»

Леона. Бац! А что он?

Эрмелина. Вошел в свой туалет, не говоря ни слова! Но поверь мне — бледен как полотно. Я увидела, что он понял, что попался!

Леона. Ты правильно сделала. Их надо время от времени осаживать.

Мадам Органс *(неожиданно из глубины сцены).* Мужчины! У меня их было навалом! Высоких, красивых, с античными фигурами! После смерти

мсье Ортанса я отдыхаю. Но я хочу сказать, к вашему сведению, что если я только пожелаю мужчину…

Сюзанна Делисиас. Разрешите полюбопытствовать: что же будет?

Мадам Ортанс. Я найду себе что-нибудь получше!

Сюзанна Делисиас *(выпрямившись).* Я вам не позволю!

Пианист *(пытается не дать разгореться скандалу; он смешон и жалок).* Сударыни!

Сюзанна Делисиас. Леон прекрасен! У него греческий нос!

Мадам Ортанс. При чем тут нос! Вся сила в груди!

Пианист. Сударыни!

Мадам Ортанс. Мсье Ортанс был как зеркальный шкаф. Вот это любовь!

Сюзанна Делисиас. Как это примитивно, мадам!

Пианист. Сударыни!

Сюзанна Делисиас. Я презираю ваших официантов, грузчиков! До тошноты! Я скорее умру, чем позволю этим животным до меня дотронуться. У Леона тело херувима, нет и намека на живот. Леон! Покажите ей! Я не допущу, чтобы говорили,

что вы не прекрасны! Пианист *(в ужасе).* Сюзанна! На сцене!

Сюзанна Делисиас *(в запале).* А почему нет? Я горжусь нашей любовью. Я брошу вызов каждому, я брошу вызов общественному мнению. Я брошу вызов всему земному шару!

Мадам Ортанс *(смотрит в зал, испуганно),* Сюзанна Делисиас, патрон на нас смотрит! Вы же знаете, он не выносит разговоров на эстраде. А контракт наш возобновляется каждые две недели! *(Угодливо кричит.)* Сейчас, мсье Лебоиз! Сейчас! Начинаем! Вы готовы, сударыни? «Кокарды и кукареку». Быстро. Очень приподнято. Один такт для счета. Раз, два, три, четыре…

Оркестрантки быстро занимают свои места и начинают играть бравурный музыкальный отрывок.

Сюзанна Делисиас *(шепчет, яростно ударяя по струнам виолончели).* Я наложу на себя руки!

Пианист *(стонет, играя).* Сюзанна!

Музыка.

Сюзанна Делисиас. Отравлюсь снотворным!

Пианист *(опять стонет, но с другой интонацией).* Сюзанна!

Музыка.

Сюзанна Делисиас. Утоплюсь!
Пианист *(не своим голосом).* Сюзанна!

Музыка.

Сюзанна Делисиас. Брошусь под поезд!
Пианист. Сюзанна!

Музыка.

Сюзанна Делисиас *(разражаясь злорадным смехом),* Впрочем, нет! Не доставлю ей этого удовольствия. Не толкну вас в ее объятия! Знаете, что я завтра сделаю? Куплю себе новое платье. Самое дорогое, в «Парижаночке». На всю получку. У меня будет осиная талия, а для нес эго — нож в сердце!
Пианист. Сюзанна!

Музыка.

Сюзанна Делисиас. Леон, вы меня любите?
Пианист. Я обожаю вас. Кроме вас, я никого никогда не буду любить.

Музыка.

Сюзанна Делисиас. Вы не боитесь умереть?
Пианист. Вместе с вами?

Сюзанна Делисиас *(экзальтированно).* Да!

Пианист *(уступая).* Нет!

Сюзанна Делисиас. Умрем же вместе, если будем очень несчастны! Мы им покажем!

Пианист *(вяло).* Вот именно!

Музыка.

Сюзанна Делисиас *(играет с самым мрачным видом, в то время как музыка становится все веселей и веселей).* Смерть— это прекрасно!

Пианист *(вяло).* Восхитительно!

Конец патетического отрывка. В зале раздаются редкие аплодисменты. Мадам Ортанс, сияя от радости, встает и сдержанно кланяется. Жестом руки она приказывает поклониться и всему оркестру. Затем идет собирать ноты.

Мадам Ортанс. Вы слышали, как нам аплодировали? Так что же, «Кокарды и кукареку» в аранжировке Бенуассо — это, по-вашему, треньканье? Какой эффект, дети мои, какой эффект! Вы видели? Этот отрывок берет за душу! Француз чувствует, что это написано для него! *(Бросает в сторону Сюзанны Делисиас.)* Нужно иметь рыбью кровь и не любить свою родину, чтобы не чувствовать пафоса этой музыки!

Сюзанна Делисиас. Отвечаю вам полным презрением!

Мадам Ортанс. Патриотизм у меня в крови! Во время войны, при полной безработице, я отказалась от контракта на целый сезон в Виши! А я знаю кое-кого, в ком совесть молчала, кто даже играл для оккупантов!

Сюзанна Делисиас. Ваши инсинуации разбиваются о каменную стену! Это верно, что в сороковом году я играла в Париже в пивной, но весь оркестр был как бы в Сопротивлении. Мы дали друг другу слово играть фальшиво, если в зале будут немцы. Для этого нужно было иметь мужество! Мы жили как под дамокловым мечом — ведь немцы разбираются в музыке.

Мадам Ортанс *(хохочет).* Насколько я вас знаю, играть фальшиво вы можете без труда!

Сюзанна Делисиас *(выпрямляется).* О! Это слишком! Раз уж дело дошло до моего мастерства, раз меня здесь не ценят — я удаляюсь! *(Встает и спускается с эстрады.)*

Пианист догоняет ее у самого выхода.

Патриция *(Памеле).* Это она напрасно! Сама она, может быть, и не играла в Виши, но на радио работала.

Пианист *(внизу, Сюзанне, стараясь ее удержать).* Эта ссора нелепа, как вообще любая ссора. Разве речь о вашем таланте? Сюзанна!

Сюзанна *(горько хохочет).* Мой талант! Я смеюсь над ним! Вполне возможно, что и у меня его тоже никогда не было. Я-то думала, что отдаю всю душу музыке! Как все смешно! Вы не находите, что смешно? Значит, ничего я не дала ни искусству, ни Франции, ни вам.

Пианист *(все происходящее ему очень неприятно).* Разумеется, нет! То есть, разумеется, да! Умоляю вас, Сюзанна, не надо скандала!

Сюзанна Делисиас. Я выше скандалов! Леон, сколько я страдала! О меблированные комнаты! *(Кричит как безумная.)* Меблированные!

Пианист *(жалко бормочет).* Успокойтесь, Сюзанна, успокойтесь. Гостиница не бывает без мебели. Во всяком случае, в Европе… Да и во время путешествий…

Сюзанна Делисиас *(нервно смеется).* О каких путешествиях вы говорите! Разве мы куда-нибудь с вами ездили? Только пешком, на другой конец города! «Путешественники». Даже без чемоданов! Довольно мучений! А взгляд хозяина, когда мы спрашивали номер… Он мысленно был на вашем месте…

Пианист. Сюзанна, что вы придумываете, оп порядочный человек, женатый…

Сюзанна Делисиас *(горько смеясь).* Все вы порядочные и женатые… Мы любили друг друга, Леон, глядя на часовые стрелки, чтобы ваша дорогая и несчастная больная жена не забила тревогу из-за ваших постоянных опозданий… А я, я — разве я не более несчастна и обездолена, чем она?

Пианист *(бормоча).* Сюзанна, это разные вещи…

Сюзанна Делисиас *(продолжает, не обращая на него внимания).* Мы путешествовали без чемоданов, по зато часы никогда не забывали! Каждый клал свои на столик у кровати. Любящие слушают, как бьются в унисон их сердца, а мы слушали, как тикают часы. Вдруг отстают… Ах! Эти часы, эти часы, ненавижу! *(Снимает с руки часы и топчет их ногами.)* Я их бросаю оземь! Я их топчу ногами! Дайте мне ваши!.. *(Пробует сорвать у него с руки часы.)*

Пианист *(закрывает рукой свои часы, поднимает с земли часы Сюзанны).* Любовь моя… Нас все видят!.. К счастью, стекло цело… Вы слишком принимаете все близко к сердцу, Сюзанна. В наше время все живут по часам. Современный человек не сводит глаз с циферблата!

Сюзанна Делисиас. Ха! Знаю я эту современную жизнь! Ха! Я была свободной женщиной, как говорится, без предрассудков. Какие цепи висят на современной женщине! Какие гири! И самые тяжелые — от часов. Я была свободной женщиной, сгибавшейся под тяжестью цепей часовых гирь! Разве это не забавно?

Пианист. Я с самого начала сказал вам, что не могу оставить мою несчастную больную жену. Это ее убьет. И вы мне ответили, что наша любовь так велика, что вынесет все.

Сюзанна Делисиас *(трагически-искренне).* Нет, она не была так уж велика! Мы положили нашу любовь под гильотину часовых стрелок. Десятки раз я предлагала вам умереть вместе, Леон! Умереть вместе — это было бы достойно. Это был бы лучший выход!

Пианист *(бормочет).* Это на словах только выход, моя любовь… Я не имею права ее оставить…

Сюзанна Делисиас *(кричит).* А меня, меня вы имеете право оставлять каждый день? После отведенных мне ежедневных сорока пяти минут? Смейтесь над старой девой, прождавшей годы, чтобы отдать свое сердце, свою любовь — на сорок пять минут в день! Быть замужем в день всего три четверти часа! Ни минутой больше! По

хронометру! Но двум хронометрам!

Пианист *(поправляет ее).* Час! Даже полтора часа! Вы же отлично знаете, что я сказал жене, что выступление начинается на час раньше.

Сюзанна Делисиас *(она тоже смешна, по вместе с тем глубоко трогательна).* Да, но какие концы! Я имела право быть вашей женой на другом краю города. Не дай бог увидят! Идти рядом, делая вид, что мы незнакомы.

Пианист *(пробует перейти на поэтический тон).* Разве это важно? Ведь мы друг друга любим! И какое значение имеет время?

Сюзанна Делисиас *(серьезно и строго).* Решающее. Вся жизнь слагается из времени. *(Констатирует.)* А я упустила свое время. Потеряла его. Какое смешное выражение, правда? Потерять свое единственное время! *(Внезапно патетически спрашивает.)* Который час на ваших, Леон? У нас одинаковое время? На моих без четверти одиннадцать.

Пианист *(машинально смотрит на часы).* На моих без двенадцати. Самая середина программы, Сюзанна. Вернемся на сцену. Объяснимся в антракте, моя любовь. У нас будет больше четверти часа.

Сюзанна Делисиас *(высокопарно).* Благодарю.

Моя программа окончена.

Мадам Ортанс *(спускается к ним с эстрады; разъяренным шепотом).* Этому скоро будет конец? Хозяин на нас смотрит! Хотите, чтобы всех нас выгнали? Вы этого хотите, ведьма?

Сюзанна Делисиас *(благородно).* Нет, мадам. Впрочем, что касается меня, вопрос решен. Я окончательно отказываюсь фальшиво играть. Прощайте, мадам, я вам его оставляю. Да, вы правы: он жидковат. *(Высокомерно оборачивается и спрашивает.)* А часы у вас точные? *(Разражается нервным смехом и выходит.)*

Мадам Ортанс *(кричит вслед).* Я вам влеплю пятьдесят франков штрафа, деточка! И предупреждаю, что в субботу возьму вам замену!

Пианист *(с поникшей головой поднимается на эстраду).* Она страдает, мадам Ортанс. Вы злоупотребляете своей властью. *(Со стоном, усаживаясь за рояль.)* Как вам не стыдно?

Мадам Ортанс. Это вам должно быть стыдно, мсье Леон, с вашей бедной больной женой. Она ненормальная — еще пойдет и все ей выложит, чтобы облегчить себе душу!

Пианист *(в отчаянии).* Перестаньте, перестаньте!

Мадам Ортанс. О мсье Леон, я знаю, что такое

мужчина. Я дрессировала и почище вас. Мужчине нужно, чтобы он получал удовольствие. И в вашем положении никто вам этого в вину не поставит. Но вы доверьтесь женщине, которая разбирается в жизни. Я сейчас покривила душой: совсем я не думаю, что вы такой уж тощий. Вы немного хрупкий, но меня это только привлекает, потому что у меня развито материнское чувство. О! Как ему жарко, как ему жарко, безобразнику! И он еще не хочет, чтобы его приласкали! А ему так нужно, чтобы его кто-то взял под крылышко!

Пианист *(плачет, опустив голову на руки).* Эти сцены терзают мне душу. Я артист. Я не создан для такой жизни.

Мадам Ортанс. Ничего, деточка, найдутся люди, которые вас поддержат. Я вас так понимаю. Разве можно устраивать сцены из-за каждого пустяка? Разве немножко радости, втайне от всех, — это не счастье? Вы как мышь. Смените воротничок, моя лапочка.

Пианист *(повержен, но героически сопротивляется*). Только после марша из «Тангейзера». *(Хнычет.)* Не думайте, что я не люблю свою жену. Двенадцать лет не перечеркнешь. Я мог бы положить ее в больницу. Она неизлечима, меня бы никто не упрекнул. Но я оставил ее дома,

несмотря на ее болезненную ревность. Я нанял прислугу, женщину, на которую могу положиться. Но сколько это стоит! Иногда я чувствую себя таким одиноким!..

Мадам Ортанс. Вам нужна родная душа, которая бы вам помогла, а не прибавляла терзаний. Вот и все! Нужен кто-то, кто разделял бы ваши чувства.

Пианист *(стонет).* Я как арфа. Любое неосторожное прикосновение может меня разбить.

Мадам Ортанс. Вы артист. А артист вне искусства не должен иметь никаких переживаний. Маленькие удовольствия — да, но не больше. Все остальное — музыка. Вы обратили внимание, что в нашем оркестре все неприятности — только из-за этой тронутой?

Пианист. Она тоже арфа!

Мадам Ортанс. Да, но с испорченными струнами! Уйти из оркестра — так, по капризу! И как раз перед «Кубинской негой»... Леона, деточка, будьте добры, пойдите посмотрите, что там с этой дурой! Наверно, слезами весь туалет залила!

Леона встает и уходит.

Чувство — это, конечно, прекрасно, но нельзя же срывать программу. Ведь каждый из нас в лю-

бую минуту может потерять свое место. Патрон всюду рыщет. Но знаю, что с ним сегодня, словно чует что-то. *(Начинает торопливо разбирать партитуры.)*

Патриция *(Памеле, продолжая разговор, неожиданно принявший дружеский оборот).* Все-таки она гнусно ведет себя. Во-первых, война, о таких вещах вообще не нужно вспоминать. Я тоже, как и все, была за Сопротивление. Каждый вечер слушала передачи из Лондона. Словом, делала, что могла. Ведь у меня на руках старая мать. Надо же было ей жизнь скрашивать!

Памела. Она все еще живет с вами?

Патриция *(с хихиканьем, в котором слышатся железные нотки).* Конечно! Бедная клянча! Это я ее так ласково называю. Она теперь мой грудной ребенок. Я решила посвятить ей свою жизнь. Ей и моему искусству — кроме этого, да еще моего уютного гнездышка, для меня в жизни ничего не существует.

Памела. А вот я, представьте себе, ни за что бы так не смогла! Когда я езжу к своей в Батиньоль — она неплохо живет, она консьержка — вначале я рада. «Здравствуй, мамочка! Как поживаешь, мамочка?» Мне кажется, что я опять стала маленькой. Она готовит мне баранину с фасолью

— фасоль — ее любимое блюдо, — но уже на третьей ложке мы начинаем орать друг на друга. Тарелки летят в воздух, и я выскакиваю из дома.

Патриция *(хитро).* Не надо думать, что у нас с клянчен все тишь да гладь! На старости лет она стала совсем как маленькая! По любому поводу капризы. Но я с ней строга-а-а! Вижу — хочет, мошенница, стащить конфетку, сразу по пальцам — бац! Она, конечно, ничего, похнычет-похнычет, зато потом как шелковая. Самое трудное — это, конечно, с «пипи» и «ка-ка»: сколько пи заставляю ее проситься, никак не хочет слушаться.

Памела. Ничего, надо перетерпеть. Со временем перестанет.

Патриция. Да ей скоро восемьдесят, вряд ли успеет научиться. Но и в этом отношении я решила быть железной. Переодеваю ее три раз в день. И если она в промежутке забудется — тем хуже для нее. Но иногда можно подумать — она делает нарочно. Я уже при полном параде, в перчатках, выхожу на работу — а она просится!

Памела. С ними надо быть строгой. Когда моя дочка жила у меня…

Патриция *(перебивая).* Представляете себе, что она придумала прошлой зимой? Стала большой палец сосать!

Памела. Моя мать мазала мне горчицей. Но как со стариками — я не знаю.

Патриция. Горчицей, еще чего! Да для нее это лакомство! Она обожает горчицу! Она обожает все, от чего ей плохо! Что бы было, если бы я разрешала ей есть все, что она хочет! Но я, если вижу, — сразу по рукам! И за обедом без десерта! Это для нее самое страшное! Да у меня бы все деньги только на сладкое и уходили, если бы я ей разрешала!.. Но тут у меня принцип. Чтобы в доме — ни конфетки! Если кто-то приходит в гости и приносит, я прячу коробку и даю по одной, раз в неделю, в воскресенье — и то, если хорошо себя ведет! Вы бы послушали, как она хнычет перед буфетом, где они лежат, если она наказана. «Конфетку!.. Конфетку!» Совсем дитя малое!..

Памела. Да это все для их же пользы! У них от сладкого зубки портятся!

Патриция *(с такой же злобной усмешкой).* Бедная клянча! У нее они все давно выпали! Но здесь, вы понимаете, дело принципа. Только начни им уступать…

Памела. Все-таки не так уж легко вам приходится!

Патриция *(торжественно).* Сознание выполненного долга дает глубокое удовлетворение.

Мамочка — для меня все в жизни, кроме, конечно, искусства. Я приношу себя в жертву, но приношу с радостью. Поверьте, я могу, не хвастаясь, сказать, что я образцовая дочь. Только нужно, чтобы она не вытворяла фокусов.

Памела. Я свою дочь отдала в деревню. С мужем я рассталась, потому что при моей работе невозможно иначе. И потом, я женщина. А мужчину никогда но устраивает ребенок в доме. И даже если случайно попадется такой, который может примириться, вы же знаете — в один прекрасный день появится новый. Но все, что я зарабатываю, идет на ее наряды! Ах! Я хочу, чтобы она была нарядной, моя кисонька! Хочу, чтобы она была совсем как маленькая женщина. В пять лет на день рождения я подарила ей костюм маркизы — настоящий, из шелка, с фижмами и бантами… Обошелся мне в двенадцать тысяч франков. Видите, ради нее я ни перед чем не останавливаюсь. Я перевела по почте деньги, чтобы ей сделали в парикмахерской завивку, и послала лак для ногтей и губную помаду — в гарнитуре. Это было чудо! Глаз нельзя было оторвать, и эти красненькие ноготочки, и губки накрашенные, и вся такая прелесть! Вылитая я, моя крошка! Потому-то я ее и обожаю! К сожалению, остаться я не могла, я

поссорилась с Фернаном, он не захотел выйти из машины, не переставая гудел. «Мамочка! Мамочка! — Она прямо рыдала, малютка. — Ты меня даже не поцеловала!» *(Вздыхает.)* Хотелось бы с ней почаще видеться, но что вы хотите — жизнь есть жизнь. В конце концов, она получила костюм маркизы. Вырастет — вспомнит.

Патриция. У настоящих артистов доброе сердце. Мне вот друзья говорят, что я должна ее отдать в специальный дом, где за пей будет полный уход и у нее будет все, что ей нужно, у бедной клянчи! Конечно, ей там было бы лучше, чем дома, где она почти все время одна — я-то ведь на работе! Но я, честное слово, не Смогла бы… Лучше я буду ее наказывать со всей строгостью, когда она не просится, зато я знаю, что выполняю свой долг. Друзья говорят: «Патриция, вы — святая!» Я отвечаю: «Такой родилась!»

Памела. И вы знаете, лучше оставаться такими, какими родились! Даже если бы мы и захотели перемениться, вряд ли стали бы лучше. Возьмите меня: ведь я могла бы остаться с се отцом и она жила бы дома. Он меня застал с Жоржем, но, в конце концов, он поверил, что это в первый раз. В каких семьях такого не бывает; потом все налаживается, худо-бедно, особенно если есть

ребенок. Жорж мне сказал: «Я уезжаю в Канны!» Я от него была без ума. Вначале я вообще думала, что без этого мужчины не смогу жить. Так я дочку и оставила. Кстати, с Жоржем мы тоже расстались через два месяца, но откуда мне было знать! Жизнь есть жизнь!

Патриция. А ваш муж — он, может быть, согласился бы, чтобы вы вернулись?

Памела. Я вообще-то думала… конечно, ради ребенка… развод еще не состоялся, а он был такой человек, что стоило бы ему меня увидеть — и все бы сразу уладилось. Я собрала чемоданчик и поехала. Но в поезде встретила одного… Я была при деньгах, заказала себе рюмочку, в купе мы были одни. Знаете, как это бывает! *(Вздыхает,)* А ведь я купила дочке такой красивый каннский костюм, со шляпкой и корзиночкой из соломы! Все в тон! Словом, я послала его по почте… Она все же, наверно, была очень рада, моя лапочка… Подружки ее в школе полопались от зависти. Она мне написала, что они говорили: «Везет же, у тебя такая мать!» Еще бы! Вы подумайте — я купила самую красивую модель, фартучек из настоящего шелка… Я ради своего ребенка ни перед чем не остановлюсь!

Патриция. Так же, как я ради своей матери: я

все отдаю, всем жертвую, и единственное, что мне нужно, — чтобы она слушалась, а иначе — бац! — и потом без десерта. Мы себя приносим в жертву, так будьте любезны, платите благодарностью!

Входит Леона.

Леона. Я ее всюду искала, и в туалете ее нет. Там вообще-то одна кабинка была занята, но я побоялась стучать.

Мадам Ортанс. Дрянь! Тем хуже. Начнем без нес «Кубинскую негу». Мсье Лебонз уже смотрел на часы — наверно, не понимает, чего мы тянем. Леона, скорей на место! Шляпки! Скажем, что она отравилась. На прошлой неделе отравился же один посетитель — грибов поел.

Леона устраивается на своем месте, в то время как мадам Ортанс раздает ноты.

Эрмелина. Она же страдает! Ты знаешь, я могу понять, что любовь убивает. Однажды я так и сказала Эдмону прямо в лицо: «Эдмон, чувство — страшная вещь. Если я тебя застану с другой, я закрою глаза и нажму на гашетку! Женщину, которая столько выстрадала, сколько я, — есть во Франции законы — оправдают без суда».

Пианист. И что он тебе ответил?

Эрмелина. Ничего. Он хотел было зевнуть, но остановился и взял газету.

Пианист. Бац!

Эрмелина. Бац! Я поняла, что попала в цель.

Мадам Ортанс. Начали! Очень горячо, очень страстно. *(Тихонько стучит смычком по пюпитру, отсчитывает один такт вступления.)*

Оркестрантки надели шляпки. Оркестр начинает играть «Кубинскую негу» — синкопированный отрывок. Все играют с подъемом. Леона сменила флейту на экзотический инструмент. Мелодия содержит припев, все напевают под сурдинку:

«Кубинская нега,
Кубинская нега,
Кубинская нега, нега, нега!
Кубинская, кубинская,
Нега, нега, нега-а-а!»

Памела *(шепотом Патриции).* Как на меня действует эта мелодия! Сразу наводит на мысли…

Патриция *(сухо, играя).* Да ведь это музыкой нельзя назвать.

Памела. Но заставляет думать о любви. Вы, моя милая, меня не поймете. Но если женщина, как я, например, без мужчины жить не может… Ну са-

ми посудите, этот мой Жорж. Как я о нем жалела! А он меня бил, и глуп был… Просто придурок. Но ночью… В конце концов, ну что можно сказать друг другу днем?.. Неужели вы правда ни разу не были с мужчиной?

Патриция. Есть вопросы, которые даже женщины не должны задавать друг другу. Я вам уже сказала, что посвятила всю себя искусству и бедной кляпче!

Все поют:

«Кубинская нега,
Кубинская нега,
Кубинская нега, нега, нега!
Кубинская, кубинская,
Нега, нега, нега-а-а!»

Музыка.

Мадам Ортанс *(шепотом пианисту).* Начать с того, что она щепка. Небольшим мужчинам, как вы, мсье Леон, нужно, чтобы женщина о них заботилась, окружала вниманием, чтобы с ней было тепло. Нужна женщина в теле и знающая жизнь. Для любовника такая женщина — настоящая мать!

Пианист *(неожиданно со стоном).* О-о-ох! Ма-

мочка! Только мамочка меня и любила.

Мадам Ортанс. Я буду тебе вместо матери, мой птенчик! А щепки только о себе и думают. У них ничего нет лишнего, чтобы предложить другому.

Пианист *(снова со стоном).* О! Мамочка!

Музыка.

Все поют:

«Кубинская нега,
Кубинская нега,
Кубинская нега, нега, нега!..»

Патриция *(неожиданно глухо).* Вы думаете, я не страдаю? Иногда я разденусь и смотрю на себя в зеркало в шкафу. Я красивая. Да, красивая! Но я не могу!

Памела *(простодушно-доброжелательно).* Однако это совсем нетрудно!

Музыка.

Все поют:

«Кубинская нега,
Кубинская нега,
Кубинская нега, нега, нега!..»

Эрмелина *(Леоне, тем же топом, что и рань-*

ше). Теперь ты понимаешь, что Эдмон — хам! Большего негодяя не найти. Никогда ли одного ласкового слова, И вообще ни слова. Нем. Как рыба!

Леона. Медведь!

Эрмелина. Но вот в чем дело: он — часть меня. Когда он уходит, как будто уходит моя часть, я вся — ожидание, когда он соизволит вернуться и когда я снова стану целой. Не знаю, ты понимаешь, что я хочу сказать?

Леона. Яснее ясного. Дело не в нем, дело в тебе.

Эрмелина. Именно поэтому он и получит всю обойму, если попробует приударить за другой. Паф! Паф! Паф! Паф! Паф! Паф!

Леона. И — бац!

Эрмелина. Это и есть любовь!

Все поют:

«Кубинская нега,
Кубинская нега,
Кубинская нега, нега, нега!
Кубинская, кубинская,
Лога, нега, нега-а-а!»

Конец отрывка. Бурные аплодисменты.

Пианист *(вдруг поворачивается и восклицает с*

надрывом). И вообще, наплевать мне на все! Жена все плачет в кресле… а эта — тоже со страстями и слезами. Плевать мне на них. *(Кричит.)* Плевать! Что за крест: я с ними плачу, с обеими, два раза в день! Первый раз — в гостинице, и второй раз — дома. Один раз — одетый, второй — раздетый. Я худею, извожусь, мучаюсь. У меня рези в желудке, но в глубине души, совсем в глубине, на самом дне, я вынужден признать, что мне на все наплевать. Иногда я сбегаю от них и один, совсем один, иду на берег реки, туда где пляж и бассейн, и смотрю на женщин, которые купаются или лежат на солнце. Я делаю вид, что просто гуляю или ищу кого-то, но это не так, я никого но ищу. Я сам — солнце! И все они мои! И я могу менять! То я с блондинкой, то с рыжей, то с крашеной, то с тощей, то с толстой! Все — мои! Все мне повинуются. И совсем молоденькие, которые еще ничего не умеют, и матери, которые, если отдаются, то наслаждение — наверняка! Мне предлагается все самое лучшее, самое сокровенное — распластанное и обнаженное, чтобы не упустить ни единого лучика! Им вдолбила реклама, что нужно обжариваться со всех сторон! *(С циничным хохотом.)* Обжарено! Зажарено! Пережарено! На вертеле! Шашлык! И повар — я! Я Нерон! Я Тиберий! Все!

Веемой! И с одними я ласков — поцелуйчики, сантименты, а других я — плеткой. Некоторых я вообще потом приказываю казнить. *(У него не хватает дыхания, он выбился из сил и добавляет лирическим топом.)* Все знают, что есть проститутки, но к ним нужно пойти, и они дорого стоят, и потом страшно — можно заразиться, а тут, представьте, порядочные женщины все мои, самые красивые, все до одной! И бесплатно! *(Внезапно кричит как безумный)* Да здравствуют курорты! *(Добавляет отрывисто и четко.)* Огромный пляж — и все голые! Все! Закон. Под страхом смерти.

Мадам Ортанс *(испуганно).* Мсье Леон! Птенчик мой! Нельзя так вести себя в оркестре! Ну, успокойтесь же! Патрон на нас смотрит!

Внезапно раздается звук отдаленного выстрела. Оркестрантки обеспокоенно поднимают головы. Приглушенный говор толпы. Через сцену пробегают Лебонз и официант.

Мсье Лебонз *(через некоторое время возвращается, вне себя).* Кто послал вас на мою голову? Что, свиньи, я вам за это плачу, да? За то, чтобы вы стрелялись у меня в туалете! И еще в часы пик! Чтобы всех посетителей распугать! Какие у вас тут драмы, мне наплевать! Завтра нанимаю

другой оркестр! Ну, музыка! Играйте же, идиотки… Живее! И чтобы все заплясали! Чтоб было весело! Чтобы никто ничего не заметил!

Мадам Ортанс. Она умерла?

Мсье Лебонз. Не знаю! Сейчас взломают дверь. Послали за врачом. Музыка же! Черт побери! Музыка-а! Зрителям сказали, что это прожектор лопнул. *(Быстро убегает.)*

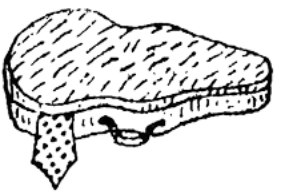
Мадам Ортанс в панике мечется между оркестрантками, заменяя ноты. Все они сталкиваются друг с другом, роняют пюпитры.

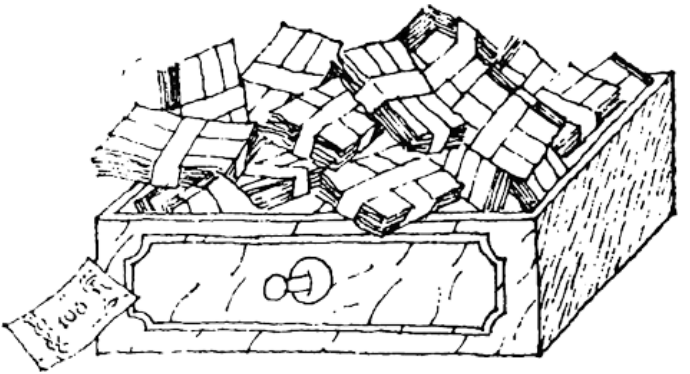
Мадам Ортанс. Скорее, дети, скорее! Ариозо весталки пропускаем. Номер шесть! Меняйте номер! Играем «Гавот маленьких маркиз»! Ах дура! Я говорила — она нам принесет несчастье! Для чего ей вздумалось покончить с собой — только чтобы насолить другим! Всем шляпки! И с подъемом!

Оркестрантки в сутолоке рассаживаются по местам. Все надевают на головы маленькие смешные картонные шляпки по моде времен Людовика XIV.

Считаю один такт! Ну! Раз, два, три! Грациозно!

Оркестр начинает играть «Гавот маленьких маркиз», легкий и грациозный отрывок. Все в забавных маскарадных шапочках, играют весело, с комическими жестами под строгим взглядом возвратившегося Лебонза. Официант снова пробегает через сцену, за ним торопится врач. Оркестр продолжает, веселая музыка сопровождается шутливыми жестами и мимикой.





Марсель Беркье-Маринье
Любо-дорого

Marcelle Berquier-Marinier — AMOUR, DÉLICES ET OR (1959)

Действующие лица:
Мишлин.
Доминик.
Клуд.
Деде Шапокляк.

Столовая-гостиная. В глубине — окно. Справа — дверь, выходящая в коридор. Между дверью и окном — пианино. Слева

— две двери: одна — в прихожую, другая — в спальню. Секретер, кресла, столики, низкий буфет, диван.

При поднятии занавеса Мишлин сидит за пианино и разбирает по нотам песенку, напевая и ошибаясь. Дверь из коридора внезапно распахивается, и в комнату врывается Доминик.

Доминик. Здравствуй, золотко!

Мишлин *(вздрагивая от неожиданности).* Ах! Как ты меня напугал! Я не слышала, как ты вошел. Здравствуй, золотко!

Доминик *(бросается к пей и обнимает ее).* Ах! Золотко, золотко!

Мишлин *(смеясь и пробуя вырваться).* Ты меня задушишь!

Доминик. Золотко мое, если бы ты знала, какая у меня новость! Какая новость!

Мишлин *(смеясь).* Ну отпусти же меня! Что это за новость?

Доминик. С ума можно сойти! Вот видишь? *(Потрясает перед ней каким-то листком.)*

Мишлин. Дай-ка! Дай посмотреть!

Доминик *(размахивая листком перед ее лицом).* Ты не знаешь? Не знаешь, что это такое?

Мишлин. Ох! Да остановись же! *(Хватает его за руку и разглядывает листок.)* Ну и что? Твой лотерейный билет.

Доминик *(торжествующе).* Да, золотко, я выиграл!

Мишлин. Ты что-то выиграл?

Доминик *(презрительно).* Что-то!.. Нет, мадам, не что-то. Посмотрите на меня внимательно: перед вами— богатый человек. *(Берет ее за плечи и кружит.)* Богатый, богатый, богатый!

Мишлин. Доминик… Ник… постой… постой. Сколько же ты выиграл?

Доминик. Сначала сядь, чтобы в обморок не упасть. *(Подводит ее к креслу и усаживает.)*

Мишлин. Ох! Ну, скорей!

Доминик. Так вот: я выиграл шесть миллионов.

Мишлин *(внезапно выпрямляясь)*. Что?

Доминик. Да, кисонька. Шесть миллионов!.. Шесть и шесть нулей!

Мишлин. Нет, ну… это точно?

Доминик. Точнее быть не может, мое сокровище. Теперь ты понимаешь, как я рвался скорее тебе об этом рассказать! Ах! Я думал, что твой дурак муж сегодня не уйдет никогда из дома. Я уже полчаса стою у окна и караулю его.

Мишлин. Доминик! Шесть миллионов! Фантастика!

Доминик. Кому это ты говоришь?

Мишлин. Нет, правда, ты уверен, что не ошибся? Не может быть, это как в сказке! Все цифры точно совпадают?

Доминик. Я не ошибся, моя красотка. На, вот смотри газету, сама смотри. *(Берет со столика газету, разворачивает ее, отыскивает страницу с таблицей выигрышей.)* На, смотри. *(Кладет газету на стол и на нее кидает билет.)*

Оба склоняются над таблицей.

Двести двадцать шесть тысяч семьсот девяносто три, серия А. *(Сравнивает цифры в таблице с цифрами на билете.)* Два — два… два — два… шесть — шесть… семь — семь… девять — девять… три — три… Ну-у? Мне кажется — все точно!

Мишлин. Да, правда! *(Обнимает его за шею.)* Ах, мой любимый, мой дорогой!

Доминик. Билет номер двести двадцать шесть тысяч семьсот девяносто три выиграл шесть миллионов. Вуаля!

Мишлин. Помнишь, мы его купили, когда ездили гулять в Сен-Луи? Мы как раз проходили мимо лотерейного киоска, и у меня как будто что-то

внутри ёкнуло, как предчувствие какое-то: надо купить билет. Помнишь, ведь я сама его выбрала, помнишь?

Доминик. Да, моя красавица, правда, выбрала ты.

Мишлин. Киоскерша мне еще сказала: «Выбирайте!» Я закрыла глаза и сказала: «Вот этот!»

Доминик. Она еще добавила: «Ну, голубки влюбленные, вы вытянули счастливый билет».

Мишлин *(восхищенно).* Шесть миллионов! Мы — миллионеры!

Доминик *(поправляет ее).* Я — миллионер.

Мишлин. Пик, мой Пик, как я рада!

Доминик. А я как! Конец этой комнатушке на шестом этаже без лифта, вечной яичнице на спиртовке, рваным носкам, тайным встречам *(обращаясь к ней)* с моей дамой сердца. Как подумаю, что с тех пор, как мы познакомились три месяца тому назад, я каждый день должен ждать, когда твой дурак муж уберется на работу, чтобы подняться к тебе, что я должен караулить его уход, стоя у своего окна, как на часах, затем красться по этой отвратительной задней лестнице и входить к тебе через черный вход, открывая этим ключиком, как вор! С этим теперь покопчено! Даешь роскошную квартиру, всю в мягкой мебели, с

мраморной ванной!..

Мишлин. У нас все это будет?

Доминик. У меня все это будет!

Мишлин *(бросаясь в объятия Доминика и ероша ему волосы).* Это просто чудо!

Доминик. Вот я каков! В первый раз в жизни покупаю лотерейный билет — мимоходом, небрежно, не задумываясь, — и — бамс — с неба на меня валятся шесть миллионов!

Мишлин. Тебе в жизни везет. *(Смеется.)* Не то что бедному Клуду!

Доминик *(с презрительным жестом).* Твой муж! Пф! Недотепа!

Мишлин. Подумать, сколько лет он покупает билеты к каждому тиражу и до сих пор ничего не выиграл!

Доминик. Не умеет жить! Ничтожество!

Мишлин *(смеясь).* Не издевайся, золотко. Кстати, он ведь тоже, может быть, выиграл. Постой-ка, я посмотрю… *(Выдвигает ящик секретера, достает один билет и берет еще несколько билетов из вазы. Смеясь.)* Куда ни ткни, они всюду валяются. Мания!

Доминик. Напрасный труд!

Мишлин *(достает еще билеты из шкатулки на маленьком столике).* Видишь, еще два! Бедняга,

он разоряется на лотерейных билетах. Все, что сэкономит, на них тратит. *(Бросает билеты на лежащую на столе газету.)* Посмотрим…

Оба склоняются над таблицей.

Постой… Номера, начинающиеся на пять… на девятьсот десять… па… Ох! Это целая работа!

Они сдвигают в сторону билеты по мере того, как проверяют, и убеждаются, что они не выиграли.

Доминик. Нет… Ой! Почти что!.. В корзину! Нет… Нет…

Мишлин. Этот тоже нет. Ничего. Нуль! Бедняга Клуд, вот уж действительно не везет!

Доминик *(целуя ее в шею).* А в деньгах ему должно было бы везти!

Мишлин *(вставая).* Молчи, негодяй.

Доминик *(с громким смехом).* Ох! Да, я забыл тебе сказать: знаешь, что я сейчас сделал?

Мишлин. Нет, золотко.

Доминик. Пока я ждал, когда твой властелин соблаговолит освободить мне поле действия, для того чтобы я воссоединился с его неверной супругой…

Мишлин. Ник, дорогой…

Доминик. Я позвонил к себе в контору, попросил директора — или, вернее сказать, этого мерзкого кретина, занимающего у нас директорскую должность, — меня соединили, я назвал себя и обозвал его всеми словами, которые только смог придумать!

Мишлин. Ох! Неужели ты ему позвонил?

Доминик. Еще бы! Буду я теперь стесняться! Этот идиот с высоты своего величия изрекал: «Мсье Ленорман, позвольте напомнить вам, что работа у нас начинается в девять часов, а не без двадцати десять!» Я ему все высказал! Облегчил душу как мог! Он был зеленого цвета… По крайней мере предполагаю!

Мишлин. Правда, ты же теперь бросишь эту работу.

Доминик. Пф! Работа! *(Делает презрительный жест,)* Клетушка на шестом этаже! *(Такой же жест.)* Даешь роскошную жизнь!

Мишлин. А я как же?

Доминик. Я беру тебя с собой!

Мишлин *(радостно).* Правда? Ты на мне женишься?

Доминик. Э-э! Не будем торопиться. Пока что я везу тебя путешествовать.

Мишлин. Но ведь ты всегда говорил: «Ох, зо-

лотко, если бы я был богат, я женился бы на тебе с закрытыми глазами!»

Доминик. С закрытыми глазами… может быть. Не будем углубляться. Говорю тебе — мы отправимся путешествовать.

Мишлин. А Клуд, как же он?

Доминик. О, Клуд, Клуд… Неужели у тебя нет какой-нибудь тетки при смерти где-нибудь в провинции, в глуши?

Мишлин. Да нет!

Доминик. Упущение! Прелестные женщины, слегка неверные своим мужьям, как ты, всегда должны иметь в запасе старую тетушку, готовую с минуты на минуту покинуть наш бренный мир в какой-нибудь богом забытой дыре. Поскольку ты оказалась особой непредусмотрительной, мы просто скроемся по-английски.

Мишлин. О! Правда, любимый Ник? Но потом ты на мне женишься?

Доминик. Да-да, вот именно… потом… потом… *(Неопределенный жест.)*

Мишлин. Куда же ты повезешь меня, мое сокровище? *(Обнимает его.)*

Доминик. В Монте-Карло.

Мишлин. Нет, дальше, дальше.

Доминик. В Сан-Ремо.

Мишлин. Дальше, дальше.

Доминик. На Капри?.. Да, давай на Капри.

Мишлин. На Капри! *(Порывисто целует его.)*

Смеясь, оба падают на диван.

Доминик. Даешь Капри! Даешь земной рай…

Мишлин *(внезапно перебивая его).* Тс!

Доминик. Что?

Мишлин *(зажимает ему рот рукой).* Ключ в замке… Муж!

Доминик. Как?

Мишлин. Да-да, скорее-скорее уходи… Иди к себе… Слышен шум в прихожей.

Доминик *(бросается к двери в коридор).* Что за невежа! *(Выбегает и закрывает за собой дверь.)*

Мишлин принимает спокойный вид и начинает поправлять цветы в вазе, стоящей на пианино.

Дверь открывается.

Мишлин *(изображая удивление).* Это ты, Клуд?

Клуд. Да, я вернулся, потому что мне показалось, что собирается дождь, а я забыл зонтик. *(Показывает зон-тик, который он только что взял в прихожей.)* Мишлин. А-а!

Клуд *(пересекает комнату, чтобы ее поцеловать).* Ну, до свидания, зайчонок. *(Целует ее.)*

Тебе жарко? Может быть, выйдешь немного пройтись?

Мишлин. Да нет, ничего. Мне и дома хорошо. *(Садится и достает коробку с шитьем.)*

Клуд. Ты не должна целыми днями сидеть дома. Почему не сходишь в кино?

Мишлин. Да не хочется… дела есть.

Клуд. Все время ты в работе, милый Миш, у тебя никаких развлечений. Не съездить ли тебе к сестре?

Мишлин. Может быть, вечерком.

Клуд. Правда, выйди хоть на немножко из дома, зайчонок. Ну ладно, я побежал.

Мишлин начинает шить.

(Проходит рядом со столом, на котором все еще разложены газета и лотерейные билеты.) А! Ты проверяла билеты?

Мишлин. Да так, от нечего делать.

Клуд *(надевая очки).* Ну и что?

Мишлин. Как всегда — ничего!

Клуд. Жаль.

Мишлин. У тебя несчастливая рука, бедный мой Клуд!

Клуд. Но надежды я не теряю! Мне все время кажется, что я вот-вот выиграю.

Мишлин. И все никак не выигрываешь.

Клуд *(склоняется над таблицей, берет билеты и проверяет).* Нет… Нет… Нет… *(Радостно.)* Ох!

Мишлин *(подскакивает).* Что?

Клуд *(кричит).* Ах! Мишлин! Мишлин!

Мишлин *(откладывая шитье).* Что там? Что?

Клуд. Выиграл!

Мишлин *(подбегая к нему).* Что?

Клуд. Выиграл! Наконец! *(Хватает жену в объятия.)* Да!.. Наконец… наконец!

Мишлин *(высвобождаясь).* Этого не может быть, я смотрела.

Клуд. Маленький Миш, ты плохо смотрела! На вот, проверь… *(Подводит ее к столу.)* Двести двадцать шесть тысяч семьсот девяносто три серия А — выиграл… шесть миллионов! *(Падает на стул.)*

Мишлин *(в панике).* Ты с ума сошел! Это невозможно.

Клуд *(делает знак, что ему перехватило дыхание).* Возможно… Возможно…

Мишлин. Да нет, ты, наверно, ошибся. Тут что-то но так!

Клуд. Так, все так, моя родная! Шесть миллионов!!!

Мишлин *(кричит).* Да нет же, я тебе говорю.

Ничего ты не выиграл… Ты прекрасно знаешь, что ты никогда не выигрываешь!

Клуд. Ах! Какое чудо! Шесть миллионов!

Мишлин. Говорю же тебе, что это неправда!

Клуд. Любовь моя, как я счастлив! Ну, поцелуй меня!

Мишлин *(кричит).* Клуд, да послушай меня, наконец… Говорю тебе…

Клуд. Да, я понимаю, зайчонок, ты не можешь поверить! Сколько раз все у нас было впустую!

Мишлин. И на этот раз тоже впустую! Ничего мы не выиграли, нам всегда не везет!

Клуд. Ты тоже, как я, не веришь глазам своим! Но вот смотри, смотри… *(Сравнивает цифры на билете с таблицей.)* Два — два… два — два… шесть — шесть… семь — семь… девять — девять… три — три… Как в аптеке! Мадам, вы миллионерша! *(Кладет билет в бумажник.)*

Мишлин. Я?

Клуд. Конечно, ты! Ради кого же я все время покупал билеты? Если бы тебя у меня не было, мне бы это и в голову не пришло!

Мишлин. Но, Клуд, послушай…

Клуд *(продолжая).* Я был уверен, что настанет день — и мой билет выиграет. Сбылись мои мечты.

Мишлин. Да нет!

Клуд. Да-да! Мой малыш, ты будешь у меня как королева. Вместе поедем в лучший Дом моделей, и ты себе купишь все, что только пожелаешь и что тебе всегда хотелось.

Мишлин. Но…

Клуд. Да-да, я все понимал… Ты никогда не говорила, но тебе всегда хотелось иметь все эти красивые вещи, которые шьются специально для таких прелестных женщин, как ты.

Мишлин. Но, Клуд, это невозможно…

Клуд. Возможно, моя девочка. И для начала я повезу тебя путешествовать… далеко… Куда бы тебе хотелось? В Венецию? На Капри? Да, давай на Капри! Отвезу-ка я тебя на Капри, это земной рай! *(Говоря все это, выходит в коридор и возвращается с чемоданом в руках.)*

Мишлин. Зачем тебе чемодан? Мы что, сразу же едем?

Клуд. Нет, дорогая, сначала я пойду получу деньги. Шесть миллионов! Их же надо в чем-то нести. Шесть миллионов! В себя прийти не могу!

Мишлин *(преграждая ему дорогу).* Клуд! Никуда ты сейчас не пойдешь!

Клуд. Мой зайчонок, я не пойду — я побегу со всех ног.

Мишлин. Клуд, подожди… не так сразу… Подожди хоть до завтра.

Клуд. Нет, родная, понимаешь, я почти как ты: пока я их не потрогаю, эти деньги, пока не подержу в руках, пока не положу *(подчеркнуто)* в этот мой старый чемодан — это, конечно, глупо, — но я не смогу до конца поверить.

Мишлин. Клуд, не делай этого. У меня такое чувство, что эти деньги… не наши. Ile знаю… как будто мы их украли.

Клуд. Ты с ума сходишь, родная. Государственная лотерея — самое что ни на есть законное дело. Само государство ее проводит… не сомневайся… Ах! Какая сказка! Бегу за нашим состоянием, чтобы сложить его к вашим ногам, мадам. Сколько лет я ждал этой минуты! А ты пока займись скромным ужином — шампанское, икра, гусиная печенка… я всего этого не люблю, но это неважно… Нужно самое дорогое — ужин миллионеров!

Мишлин. Клуд, а… твоя работа?

Клуд. Работа! Пф! Я позвоню… объясню им все и попрошу отпуск на две недели. Ну, я мигом, мой зайчик-миллионерчик!

Мишлин. Клуд… постой!

Клуд посылает ей воздушный поцелуй и выбегает.

(Падает в кресло.) Боже мой! *(Берется руками за голову.)* Как быть? Что делать? *(Встает, нервно ходит по комнате, доходит до окна, отодвигает занавеску.)* О-ля-ля!.. Вот история!

Со стороны коридора врывается Доминик.

Доминик. Наконец-то! Сокровище, твой дурак куда-то уехал? Я следил: он с чемоданом сел в такси. Браво, на такое мы и не надеялись!

Мишлин. Послушай, Доминик, случилась большая неприятность… даже больше чем неприятность… *(Плачет.)*

Доминик. Да брось! Подумаешь, уехал, есть из-за чего слезы лить!

Мишлин. Доминик, не знаю, как тебе сказать…

Доминик. Ну-ну, сокровище, вытри глазки, все, наверно, не так страшно. *(Обнимает ее за плечи.)* Выкладывай свою огромнейшую беду, сокровище сердца моего.

Мишлин. Доминик, ты очень огорчишься…

Доминик. Я? Огорчусь? Сегодня? Да я купаюсь в блаженстве… я сияю от блаженства… я излучаю блаженство… Не видишь, у меня нимб над головой?.. Его ничто не развеет.

Мишлин. Правда, ты не будешь сердиться?

Доминик *(разражаясь громким смехом).* Сер-

диться?.. Меня сегодня никому не рассердить.

Мишлин. Обещаешь?

Доминик. Обещаю. Ну, рассказывайте Нику дорогому, какая огромная беда с вами приключилась.

Мишлин. Дело вот в чем. Клуд никуда не уехал.

Доминик *(смеясь).* И всего-то? Видишь, ничего страшного. Конечно, это хуже для нас. Но переживем. Мы три месяца встречаемся, а он и ухом не ведет — будем продолжать в том же духе! Разумеется, легче было бы смыться в его отсутствие, но…

Мишлин. Послушай, Ник, все не совсем так…

Доминик. Что же не так, красавица моя? Что это за великая тайна?

Мишлин. Ник, дай мне слово, что не будешь кричать!

Доминик *(смеясь).* Кричать! Ты с ума сошла! Если я и буду кричать, то от радости! *(Целует ее.)*

Мишлин. Так вот: Клуд нашел на столе твой лотерейный билет и поехал получать шесть миллионов!

Доминик *(подпрыгивая).* Что?

Мишлин садится в кресло и берется руками за голову.

(Поднимает и трясет ее.) Что? Что ты сказала? *(Бросается к столу, разбрасывает один за другим лежащие на нем билеты, встряхивает газету.)* Мой билет? Где мой билет?

Мишлин. Я же тебе сказала…

Доминик *(продолжая кричать).* Нет! Не может быть! Неправда!

Мишлин кивает.

Грабеж! *(Выворачивает свои карманы, подбрасывает в воздух все, что было на столе.)* Негодяй! Мерзавец!

Мишлин. Ник, ты дал мне слово, что не будешь сердиться…

Доминик *(трясет Мишлин).* Как он смел украсть мой билет? Как?

Мишлин. Он его не украл, он думал, это один из его собственных.

Доминик. Безумие какое-то! И ты его не остановила, дура безмозглая? Не объяснила ему?

Мишлин. Что ты хотел, чтобы я ему сказала? У меня у самой дыхание перехватило! Я думала — ты забрал свой билет.

Доминик. Да нет, я не успел, твой дурак свалился на нас как снег на голову. Да и вообще, зачем он вернулся?

Мишлин. Зонтик забыл.

Доминик. Так, значит, из-за того, что какой-то идиот забыл зонтик, я должен выкладывать шесть миллионов из собственного кармана? Нет, это так не пройдет! А ты, курица, сидела и молчала?

Мишлин. Веди себя прилично! Выбирай слова! В конце концов, ты забыл билет, он — зонтик, вы квиты!

Доминик. Квиты! Лучшего не могла придумать? Он мне их вернет! Вернет!

Мишлин, Ник, дорогой, ты обещал, что не будешь сердиться.

Доминик *(вопит еще громче).* Разве я сержусь? Я в буйном помешательстве!

Мишлин *(начинает плакать).* Ник, Ник, по что я могла сделать?

Доминик. Сказать ему правду в лицо: это билет не твой, а моего любовника!

Мишлин *(одним прыжком вскакивая на ноги).* Ты с ума сошел! Мне Клуду такое сказать!

Доминик. Да, тебе. Увидишь, у меня это на языке не задержится. И вообще, что это за имя — Клуд! Смех!

Мишлин. Не его вина, что он родился седьмого сентября.

Доминик. Ты сообщаешь, как будто я собираюсь поздравлять его с днем рождения.

Мишлин. Но это день святого Клуда.

Доминик. Все это не объяснение… Я, например, родился в день святого Пипина… что, меня зовут Пипин? Нет же, и слава богу, потому что ты, с твоей манией уменьшительных имен… Да, вообще все дело не в этом, плевать мне, что эта каналья зовется Клудом, это его личное дело, но то, что он пошел получать шесть миллионов по моему собственному билету… Это мои деньги, мои и больше ничьи, и я их получу.

Мишлин. Да я их тебе отдам, Ник, обещаю, что отдам, по частям, он даже не заметит!

Доминик. Да! Вот именно, по пять франков. Нет, моя милочка, это не пройдет! Мне нужны мои деньги все целиком, все сразу!

Мишлин. Но что же делать?

Доминик. Пока не знаю, но не сомневаюсь, что что-то сделаю.

Мишлин. Не представляю что.

Доминик. Нет, правда, ты думаешь, что я позволю ободрать себя как липку? Ты почти готова оставить все как есть — ты что же, считаешь нормальным, что можно взять у соседа лотерейный билет и получить по нему выигрыш — просто

и приятно? И вообще в итоге для тебя, кажется, выходит неплохая комбинация?

Мишлин. О! Умоляю тебя! В конце концов, я его сама выбрала, этот билет.

Доминик. Да, но заплатил за него я!

Мишлин. Я тебе верну пять франков.

Доминик. Пять франков! Нет, крошка, ты вправду не отдаешь себе отчета… Ты никак не можешь взять в толк, что четверть часа тому назад я был миллионером, а теперь я без гроша и без работы, и все потому, что этот, у которого один ветер в голове, забыл дома зонтик!.. Кстати, заметь, никакого дождя нет! Скоро солнце появится! *(Мечется по комнате.)*

Мишлин *(бегает следом за ним).* Ник, ты только что был таким счастливым… говорил, что никакая неприятность тебя не выведет из себя.

Доминик. Потому что я думал, что эта неприятность касается тебя или его, по не меня.

Мишлин *(хочет его поцеловать.)* Ник, но это же не моя вина…

Доминик *(отталкивая ее).* К черту телячьи нежности. Мне не до этого. Послушай, как только твой муж вернется, я ему прямо скажу: «Мсье, этот билет — мой». Объясню ему, что к чему, возьму деньги и заплачу ему за такси. Это луч-

ший выход.

Мишлин. Доминик, ты не можешь этого сделать. Признаться, что я ему изменяла? Моя честь тебе не дорога?

Доминик. О! Твоя честь!.. Твоя честь!.. Не спорю, она дорога, но все же на шесть миллионов не тянет.

Мишлин. Благодарю! Учти, что это еще не все. Ты знаешь, что он меня любит и, значит, должен ревновать. Значит, может тебя убить!

Доминик. А! Ну это слишком! Сначала меня обобрать, а затем укокошить! У тебя, бедняжка, муж разбойник с большой дороги!

Мишлин. Да нет, он не разбойник, он добрейший человек — мухи не обидит.

Доминик *(с иронией).* Всегда восхищался людьми, которые мух не обижают, но своих ближних сначала раздевают до нитки, а затем хладнокровно лишают жизни.

Мишлин. Ах! Ничего ты не понимаешь.

Доминик опять принимается ходить из угла в угол.

(Следуя за ним.) Ник, побереги свои нервы.

Доминик. А! Оставь меня в покое! Дай собраться с мыслями. *(Еще некоторое время ходит,*

потом внезапно останавливается.) Послушай, мне кажется, что я нашел выход. Как только твой муж привезет деньги…

Мишлин. Да… Если…

Доминик. Что еще «если»?

Мишлин. Если не положит деньги сразу в банк.

Доминик. Этого еще недоставало! Положить мои деньги в банк на свое имя! А! Мне кажется, я сейчас рехнусь! Конец света! Который час? Банки закрываются в четыре… Ну же, скорее, который час? *(Смотрит на свои наручные часы.)* Черт! Стоят! *(Смотрит на настенные часы.)*

Мишлин. Я их не завела.

Доминик. Скажешь ты мне наконец, который час?

Мишлин. Подожди, в спальне будильник. *(Бежит и возвращается с будильником.)* Тоже стоит, на полдвенадцатого.

Доминик. Что за бедлам! Скорее — телефон. ОДЕ восемьдесят четыре — два нуля. *(Бросается к аппарату, набирает номер и слушает.)*

Мишлин. Сколько?

Доминик. Да помолчи! *(В трубку.)* Что вы сказали?

Мишлин. Что ты спрашиваешь, это же пленка!

Доминик *(в отчаянии).* Замолчи наконец, я ничего не слышу!

Мишлин берет отводной наушник, и они слушают вместе.

***Голос**: «Четыре часа двадцать четыре минуты десять секунд…»*

Уф! *(Вешает трубку.)* Закрыты банки! Они уже были закрыты, когда он выходил из дома… Уф! Ну и напугала же ты меня! *(Заводит и ставит свои наручные часы.)* Итак, я продолжаю: твой муж привозит деньги. Куда он их спрячет?

Мишлин *(указывая на секретер).* В секретер, конечно, он всегда туда кладет жалованье. Но к чему эго тебе?

Доминик. Слушай меня внимательно, на этот раз мне пришла в голову реальная мысль. Итак, твой муж прячет деньги в секретер… Где от него ключ?

Мишлин. Всегда в вазе на пианино. Но объясни же мне, Ник…

Доминик. О! Все проще простого. Я хочу украсть свои же собственные миллионы.

Мишлин. Украсть?

Доминик. А что мне остается? Вот мой план: сегодня ночью, когда вы будете спать, я войду

сюда так же, как вхожу обычно — через черный ход, открыв дверь своим ключом, на цыпочках, возьму из секретера свои деньги и смоюсь так же, как вошел. Но, перед тем как уйти, открою окно, чтобы подумали, что через него влез грабитель… Вы живете на втором этаже, это возможно. Я, может быть, кое-что с собой и унесу, и — дело в шляпе!

Мишлин. О-о! Ник, мне страшно!

Доминик. Да, чуть было не забыл… У тебя тоже своя роль — ты сейчас выйдешь на улицу и всем, кого знаешь, расскажешь, что выиграли крупную сумму… консьержке, например, лавочникам, болтай налево и направо. Нужно, чтобы как можно больше народу знало, что твой муж принесет миллионы в чемодане… Словом, устрой так, чтобы кража показалась естественной. Поняла?

Мишлин. Да, Ник.

Доминик. Теперь обсудим в деталях, потому что провалиться нам нельзя. В котором часу твой муж крепче всего спит?

Мишлин. О! Засыпает в десять и спит до утра как сурок.

Доминик. Отлично. С этим все ясно. Но я не могу рисковать встретиться с кем-нибудь на черной лестнице. Следовательно, должен ждать, пока не

придут все соседи. На шестом живет в основном прислуга — они часто возвращаются из кино в двенадцать ночи. Кроме того, есть один парень, официант, тот может вернуться и в два. Значит, до двух часов ночи нельзя. Потом же до шести все спокойно. Скажем, тогда… в два часа… ну в четверть третьего, для верности. Слушай меня хорошенько: ровно в два часа пятнадцать минут я спущусь и войду сюда.

Мишлин. Два пятнадцать, так.

Доминик. Заведи часы и поставь по моим. Сейчас четыре часа двадцать восемь минут.

Мишлин *(пододвигает стул к настенным часам, становится на него и заводит часы, которые с боем отбивают каждые четверть часа.)* Ты говоришь, сколько?

Доминик. Четыре двадцать девять.

Мишлин *(ставит стрелки).* Четыре двадцать девять.

Раздается бой и тиканье.

Готово. *(Слезает со стула.)*

Доминик. Все ясно?

Мишлин. Да, в два часа пятнадцать минут ночи ты войдешь сюда и возьмешь свои деньги.

Доминик. Я постараюсь совсем не шуметь, буду

без туфель, а ты, запомни, не должна двигаться с места ни под каким видом. Я принесу чемодан, чтобы переложить деньги, проследи, чтобы ключ обязательно был в вазе.

Мишлин. Положись на меня.

Доминик. Он легко открывается, секретер?

Мишлин. Да, кажется. Но лучше сам проверь. *(Берет ключ из вазы и протягивает ему.)*

Доминик вкладывает ключ в замочную скважину. Ключ поворачивается без шума, и дверца не скрипит.

Доминик. Хорошо. Итак, значит, условились. Ну, до свиданья. *(Хочет уходить.)*

Мишлин. Доминик, как же ты так уходишь? Когда мы в следующий раз увидимся?

Доминик. На этот счет тебе ничего не могу сказать. Я свою голову класть волку в пасть не собираюсь.

Мишлин *(обнимая его).* Но, Ник, мы же все-таки увидимся?

Доминик *(высвобождаясь).* А! Оставь меня. Сегодня же ночью я отсюда сматываю удочки. А там посмотрим.

Мишлин. Но ты мне напишешь?

Доминик. Напишу, напишу, напишу… потом.

Мишлин. Доминик, что случилось? Ты был

раньше так нежен…

Доминик. Нашла время для нежности! Еще чуть-чуть, по вашей вине, твоей и твоего Клуда, я остался бы без гроша… да еще и без работы, потому что наорал на директора.

Мишлин. Если ты остался без работы, то это твое личное дело. На директоров не орут, пока не разбогатеют.

Доминик. Ладно! Будет рассуждать!

Мишлин. Доминик, ты меня не поцелуешь?

Доминик *(видно, что ему разговор надоел).* Поцелую, поцелую. *(Рассеянно целует ее.)*

Часы отбивают четверть.

Мишлин. Доминик… я тебя не узнаю.

Доминик. Не важно. Не забудь: два пятнадцать.

Мишлин. Два пятнадцать.

Доминик выходит.

Чтобы отделить первую часть от второй части, несколько мгновений сцена погружена в темноту. Затем постепенно слабым светом освещается окно. Слышно тиканье часов. Потом они бьют два часа. Открывается дверь спальни, в которой горит свет. На пороге появляется Клуд в пижаме и

включает свет в столовой. За Клудом появляется Мишлин в ночной рубашке.

Мишлин. Клуд, ты куда? Что с тобой сегодня?

Клуд. Спи, зайчонок. Спи, я сейчас.

Мишлин. Что тебе еще нужно? Что ты ищешь?

Клуд. Да ничего. Или, вернее, после нашего роскошного ужина у меня какая-то тяжесть в желудке. Знаешь, я ведь не привык к гусиной печенке… к шампанскому…

Мишлин. Но что ты ищешь? Что тебе надо? Скажи, я дам… что?

Клуд. Соды хотя бы.

Мишлин. Так я тебе приготовлю. Иди ложись. Уже два часа ночи! В это время ты видишь десятый сон. *(Подталкивает его к спальне.)* Давай-давай, ложись, я тебе соду принесу в постель.

Клуд. Лапочка моя, мой Миш. Прости, что тебя беспокою.

Мишлин. Ладно-ладно, иди скорей.

Клуд уходит в спальню.

(Возвращается, открывает буфет, достает соду, берет чайную ложку.) Два часа, какой ужас! А он все не спит! *(Нервничает, торопится, гремит чашками и опрокидывает плетеную корзинку с фруктами, которые рассыпаются по полу.)*

Клуд *(входя).* Сколько я тебе хлопот причиняю, зайчонок. Что случилось?

Мишлин. Да ничего, ничего… фрукты рассыпались.

Клуд. Я их сейчас соберу.

Мишлин. Нет-нет-нет! Ложись, я сейчас! *(Наливает воду в стакан.)*

Клуд. Я помогу тебе убрать.

Мишлин. Пи за что. Какая еще уборка в два часа ночи! *(Притворно игривым тоном.)* Вот содовая водичка для бедненького мальчика.

Клуд. Ну скажи, а ты, ты рада? Это так чудесно. Как подумаю, что здесь спрятано, в этом шкафу, и сколько это принесет нам радостей!

Мишлин *(подталкивая его к спальне).* Да-да, но иди же. Теперь-то ты наконец должен уснуть. *(С тревогой смотрит на часы.)* Ну, баиньки, баиньки. *(Гасит свет.)*

Оба уходят в спальню. Через секунду Клуд появляется снова.

Мишлин *(из спальни).* Ну, Клуд, что еще?

Клуд. Ничего-ничего, очки ищу.

Мишлин *(выбегая вслед за Клудом, который зажег свет и ищет очки).* Смотреть сон в очках? Да ляжешь ли ты наконец!

Клуд. Ты знаешь, это мне от радости не спится, я успокоиться не могу! Какое счастье нам выпало!

Мишлин. Ну да, ну да, но нужно обязательно заснуть, иначе как мы завтра встанем?

Клуд. Да, ты права, пошли.

Только они собираются выйти из столовой, как во всей квартире гаснет свет.

Мишлин. Раз и света нет, скорей в постель. Ну, пошли же.

Клуд. Постой, я починю в одну минуту.

Мишлин. Ну нет! Сейчас ты этим заниматься не будешь. Впрочем, это, может, и не у нас. Это, может быть, на станции.

Клуд. Все-таки я хочу посмотреть, у нас это или не у нас. Постой, я принесу свечку. *(Идет к двери в коридор.)*

Мишлин. Клуд, я больше не могу. Я иду спать.

Клуд *(из кухни).* Да-да, ложись, зайчонок. Я сейчас тоже. *(Выходит из кухни, держа в руке зажженную свечу.)* Не знаешь ли, где у пас подсвечник?

Мишлин *(в отчаянии).* Нет у нас никаких подсвечников.

Клуд *(передавая ей свечу).* Тогда подержи, пожалуйста, Миш, одну минутку и посвети мне, когда

я влезу на стремянку.

Мишлин *(чуть не плача).* Клуд, оставь все как есть и ложись... Посмотри, который час! *(Освещает часы свечой.)* Два часа восемь минут.

Клуд. Так ложись, родная, не жди меня. *(Раскладывает стремянку и выходит.)*

Мишлин. Куда же ты опять?

Клуд *(из кухни).* За пробками. Они, кажется, в ящике стола.

Мишлин *(дрожа от нетерпения).* Я с ума сойду!.. Два часа десять минут! Ужас!

Клуд возвращается и влезает на стремянку.

Клуд, ну пошли спать, прошу тебя.

Клуд. Иду-иду, котик!

В то время, как Клуд лезет на стремянку, загорается свет.

Мишлин. Зажегся!

Клуд *(спускаясь).* Ты была права: это на станции.

Мишлин. Ну, иди же теперь, и раз свет есть, выключи его.

Клуд *(беря стремянку).* Сейчас только стремянку в кухню отнесу. *(Выходит.)*

Мишлин. Я ложусь. *(Идет в спальню и зовет*

оттуда веселым голосом.) Клуд… Клуд…

Клуд *(возвращается и, оглядываясь вокруг, что-то ищет).* Куда я дел пробки?

Мишлин *(тем же тоном).* Клуд… *(Появляется в дверях и кричит резко и грубо.)* Ну Клуд, идешь ты наконец или нет?

Клуд. Видишь, котик, не знаю, где пробки… Ах, вот они, у меня в кармане. *(Выходит, чтобы положить пробки на место.)*

Мишлин *(в отчаянии поднимая руки к небу).* Ах!

Клуд *(возвращаясь).* Теперь все.

Мишлин *(беря его за руку).* Ну пошли.

Клуд. Пошли, зайчонок.

Мишлин *(заталкивая его в спальню).* А! Наконец! *(Гасит электричество в столовой и, после того как оба вошли в спальню, закрывает за собой дверь.)*

Сцена снова погружена во мрак; вырисовывается только слабо освещенное снаружи окно.

Часы бьют четверть.

За окном снаружи появляется силуэт человека в шляпе. Это Деде Шапокляк. Он бесшумно вырезает кусок стекла, просовывает руку через образовавшуюся дыру, поворачивает ручку, открывает окно и перелезает в комнату. Но он

нечаянно наступает на рассыпанные на полу фрукты, хочет за что-то удержаться и с грохотом падает, ударяясь о клавиши раскрытого пианино, издающего низкий аккорд.

Деде Шапокляк. Черт! *(Встает на ноги, зажигает электрический фонарик и светит вокруг. Он подбирает апельсин, на котором поскользнулся, кладет его на столик, затем видит секретер, подходит к нему и начинает отмычкой открывать замок.)*

Дверь спальни открывается, и на пороге появляется Клуд, удерживаемый Мишлин.

Мишлин. Клуд, куда ты?
Клуд. Мне показалось…
Мишлин. Да это кошка!

Дверь за ними закрывается. Во время их появления Деде застыл на месте. Но как только дверь закрылась, он снова принялся за работу. И вот секретер открыт и вор складывает деньги в мешок.

Дверь в коридор медленно и бесшумно распахивается, и на пороге появляется Доминик с электрическим фонариком. Как и Деде, он наступает на лежащий на полу апельсин и, падая, ударяет

по клавишам. Раздастся высокий аккорд.

Клуд. Ты думаешь, кошка?

Деде Шапокляк. Черт!!! *(Вскакивает, направляет луч своего фонарика на Доминика.)*

Доминик лежит на полу, на чемодане, а на нем — стул для пианино. Фонарик Доминика освещает Деде с набитым мешком в руках. В мгновение ока Деде вспрыгивает на подоконник и исчезает за окном, в то время как Доминик с криком «ах!» вскакивает на ноги и бросается к секретеру. Одновременно со всем этим распахивается дверь в спальню и появляется Клуд. За ним — Мишлин.

Мишлин. Клуд!

Клуд. Да подожди ты! Не кошка же сейчас сказала: «Черт!» *(Входит, включает свет и видит Доминика, роющегося в секретере.)* Вор! На помощь!

Доминик. Пусто!.. Ничего нет!

Мишлин. Клуд, иди сюда!

Клуд. На помощь! Вор!

Доминик *(резко оборачиваясь).* Заткнись, дурак!

Клуд. Мои деньги!

Доминик *(в ярости указывая на окно).* Ваши деньги! Сплыли ваши деньги! Их унес тот, пони-

маете, тот!.. Все унес! *(Рвет на себе волосы.)* Мне ничего не осталось... Ничего... *(Хватает чемодан и вскакивает на подоконник.)*

Клуд. Он сбежит! Полиция! *(Бежит к телефону.)*

Доминик *(сидя верхом на подоконнике).* Не смей звонить, убью!

Мишлин. Пусть бежит этот бандит!

Доминик *(к Мишлин).* Меня ты больше никогда не увидишь, слышишь — никогда!

Клуд *(принимая его слова на свой счет).* Испугал! Да еще называет меня на «ты», скажите пожалуйста!

Доминик *(прежде чем окончательно скрыться, продолжает кричать).* Вор! Грабитель! Рогоносец! *(Исчезает.)*

Клуд. Негодяй! Такое сказать обо мне!

Клуд и Мишлин подходят к окну и выглядывают наружу.

Видишь, их двое — один с мешком уже заворачивает за угол, другой его догоняет... То-то он рвал и метал — видно, сообщник-то решил с ним не делиться... Скорей, надо вызвать полицию.

Мишлин *(кричит).* Не звони! Я боюсь этих людей!

Клуд. Но они меня обокрали!

Мишлин. Не преувеличивай. Эти деньги были в наших руках так мало времени!

Клуд. Но, Мишлин, эти же миллионы были для тебя!

Мишлин. Нет, пусть лучше пропадут! Что деньги, все равно разлетятся по ветру.

Клуд. Разлетятся, но не в мгновение ока! *(Кладет руку на телефон.)* Мишлин, я вызываю полицию.

Мишлин *(удерживая его),* Клуд, не вмешивай в эту историю полицию, ради меня. Я боюсь этих людей… Он же подлец!

Клуд. Это как день ясно!

Мишлин *(самой себе).* Ну, мне-то ясно не было!

Клуд. Маленький Миш, что ж, и на этот раз я не выиграл?

Мишлин. Нет, ты выиграл.

Клуд *(показывая на пустой секретер),* У меня же ничего не осталось!

Мишлин. А… я?

Клуд *(нежно).* Ты, родная, конечно. Но…

Мишлин. Ты сам не знаешь, в чем твой выигрыш. *(Подходит к окну, закрывает его и увлекает Клуда из комнаты.)* Теперь уж точно пора ложиться.

Клуд *(сопротивляясь).* Нет, Мишлин, все-таки я вызову полицию. Я решил. *(Берет трубку и набирает номер.)* Полиция — это семнадцать?

Мишлин *(пробует помешать ему звонить).* Не звони, прошу тебя… я не хочу… У меня такое ощущение, как будто эти деньги и не были нашими.

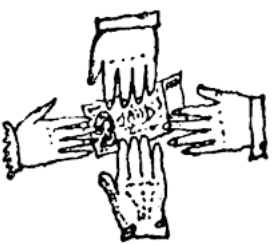
Клуд. Почему тебе так кажется? Ты правда не хочешь, чтобы я заявил в полицию?

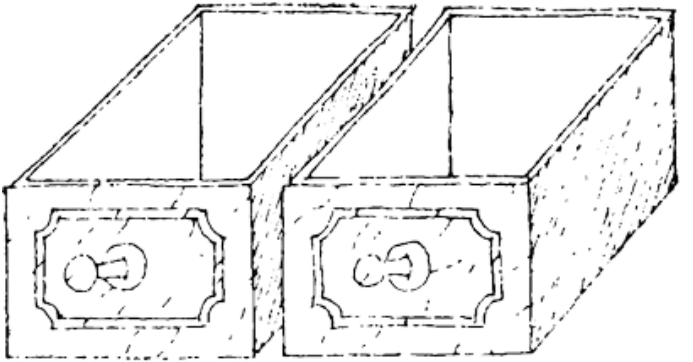
Мишлин *(кладет трубку и уводя его).* Нет, прошу тебя. С этой историей покончено.

Клуд *(покорно следуя за ней).* Безумие какое-то, но раз ты настаиваешь… Недолго мы с тобой были миллионерами, бедный зайчонок!

Мишлин *(обнимая его).* Какое это имеет значение!

Клуд. Но все же имеет… А! Разбойник! Но ты знаешь, это вселило в меня надежду… Завтра опять куплю билет!





Ги Абекассис
Приезжий из Рангуна

Guy Abecassis — L'HOMME DE RANGOON (1967)

Действующие лица:
Мессоннье, *промышленник.*
Люсьенна, *его секретарь.*
Посетитель

Кабинет Мессоннье. Справа — входная дверь, слева — в заднюю комнату. При поднятии занавеса сцена пуста. Затем стремительно входит Мессоннье, кладет портфель на письменный стол и нажима-

ет на кнопку селектора.

Мессоннье *(по селектору своему секретарю).* Люсьенна, принесите, пожалуйста, письма. *(Снимает пальто, относит его в соседнюю комнату, тут же возвращается, садится за письменный стол.)*

Люсьенна входит с пачкой писем.

Люсьенна *(кладет письма на стол).* Доброе утро, мсье!

Мессоннье *(начиная разбирать письма).* Доброе утро, Люсьенна! *(Просматривая письма.)* Что у нас сегодня утром?

Люсьенна *(проверяя по своему блокноту).* Было несколько телефонных звонков, ничего особенного, заказы, звонили от поставщика… Ах да! Бухгалтера вызвали в банк.

Мессоннье *(удивленно, отрываясь от писем).* В банк? По какому поводу?

Люсьенна. Не знаю. Он еще не вернулся.

Мессоннье *(размышляя).* Как только вернется, скажите ему, чтобы сразу зашел ко мне. *(Снова просматривает письма.)*

Люсьенна. Хорошо, мсье!

Мессоннье. Сегодня не очень много посети-

телей?

Люсьенна. Утром — представитель одной фирмы, а в половине третьего — наш коммерческий агент из Бордо. По вашему указанию я разгрузила вторую половину дня, чтобы вы могли раньше вернуться домой. *(Улыбается.)* Напоминаю вам: вы сегодня празднуете годовщину свадьбы.

Мессоннье *(улыбаясь).* Я не забыл.

Люсьенна *(указывая на маленькую коробочку, лежащую около фотографии жены).* Кстати, это только что доставили.

Мессоннье. А! Прекрасно! *(Кладет коробочку в карман.)* Очень хорошо. *(Протягивая ей несколько писем)* Эти возьмите и ответьте но нашей принятой форме, что мы согласны. Об этих подумаю после. Так. Это все?

Люсьенна. Еще ждет какой-то человек, который хочет вас видеть.

Мессоннье. Какой-то? Что это значит — какой-то?

Люсьенна. Вот именно. Мсье делает из своего имени тайну. Знаю только, что прибыл откуда-то издалека, у него даже багаж с собой.

Мессоннье *(заинтересованно*). Вот как! А сказал ли он по крайней мере, что он хочет?

Люсьенна. Тоже нет. Я предложила, чтобы он

вам написал письмо, но он настаивает, что ему нужно видеть вас лично, как только вы появитесь.

Мессоннье *(посмотрев на часы, недовольно),* Ладно, пригласите его.

Люсьенна открывает дверь, знаком приглашает посетители войти, отходит в сторону, пропуская его, и выходит сама. Посетитель ставит чемодан на пол. Через руку у него перекинуто дорожное пальто. Он направляется к Мессоннье. Посетитель производит несколько странное впечатление резкими и иногда неожиданными интонациями голоса. Во время всего разговора тон его меняется: то агрессивный, то поучающий, то желчный, то добродушный.

(Вставая.) Здравствуйте, мсье!

Посетитель *(сквозь зубы).* Здравствуйте!

Мессоннье. Прошу прощения, секретарь не запомнила вашей фамилии.

Посетитель. Естественно. Я ее не сказал.

Мессоннье. Ценю вашу сдержанность, но на работе у меня секретов нет. Во всяком случае, как бы то пи было, сейчас мы одни. Могу я узнать, с кем имею честь говорить?

Посетитель. Если вам это так необходимо, по

эта деталь не имеет ровно никакого значения.

Мессоннье. Вы находите?

Посетитель. Я вообще нахожу абсурдной глупую привычку людей интересоваться прежде всего фамилией своего собеседника. Как будто фамилия может охарактеризовать человека! На самом деле люди очень боятся приоткрыть завесу над тем, что происходит в глубине их души. Они прячут, маскируют свою суть. Скорее, надо бы откидывать фамилии, как крышку, и заглядывать внутрь, в ящик с потайными отделениями, чем является человеческая личность, и оценивать уровень честности и низости, подлости и мужества, жадности и щедрости, не упуская из виду причин, этих тайных нитей, на которых держатся марионетки-люди! Вот так, мсье, должны были бы представляться друг другу люди, если бы лицемерие одних: и увертливость других не смешивали карты.

Мессоннье. Очень оригинально, но как визитная карточка несколько длинновато.

Посетитель *(садясь).* Без сомнения, сколько можно выиграть времени, сколько ложных шагов избежать, если с самого начала точно знать, с кем имеешь дело.

Мессоннье. Во всяком случае, один вывод я уже

могу сделать: вы за полную откровенность...

Посетитель. Самую полную!

Мессоннье *(направляясь к двери).* В таком случаен могу вам наиоткровейнешим образом заявить, что, поскольку мой рабочий день очень загружен, я не могу продолжать подобную дискуссию. Кто бы вы ни были, рад был с вами познакомиться, а теперь вырожден просить вас удалиться. *(Открывает дверь.)*

Посетитель *(не двигаясь).* Закройте дверь, господин Мессоннье. Наша встреча не может так быстро закончиться. Не для этого я приехал из Рангуна.

Мессоннье *(закрывая дверь).* Из Рангуна?

Посетитель. Из Бирмы. *(Указывая на чемодан.)* Как вы видите, я прямо из аэропорта Орли.

Мессоннье *(возвращаясь к письменному столу и садясь).* Ах! Понимаю! *(Деловым тоном.)* Мои сотрудники уже изучили там рынок сбыта. К сожалению, открытие филиала в Рангуне не представляется рентабельным. На эту тему я не буду вести никаких переговоров. Очень сожалею, что вынужден вам отказать. Вам надо было написать мне раньше, чем предпринимать это путешествие.

Посетитель. Я приехал к вам не для заключе-

нии сделки, и раз уж вам так важна моя фамилия, я вам ее скажу: меня зовут Шарль Мессопнье. Что вы на это скажете?

Мессоннье. Через два «эн»?

Посетитель. Через два «эн».

Мессоннье. Ну что ж, очень рад приветствовать однофамильца. Только зачем было напускать такую таинственность?

Посетитель. Но вы по крайней мере мне верите?

Мессоннье. Почему же не верить? У меня есть однофамилец в Дижоне. Мне говорили даже, что в Бразилии живет какой-то Шарль Мессоннье. Не вижу, почему бы мне не иметь однофамильца в Бирме.

Посетитель. Но вы ошиблись. Это не мое имя.

Мессоннье *(резко вставая).* Я не люблю, когда меня разыгрывают. Если это все, что вы хотите мне сказать, прошу вас сейчас же покинуть мой кабинет.

Посетитель. Не говорите таким тоном! Вам не кажется, что у меня не такое уж легкое положение? Хотел бы я вас видеть на моем месте! Всю ночь в самолете я решал, с какого конца приступить… *(Глухо, как бы про себя.)* На первый взгляд все настолько странно, даже абсурдно…

Мессоннье. Вот видите, вы сами понимаете… впрочем, а вы…

Посетитель. Увы, нет, мсье… Если бы я был сумасшедшим, все было бы очень просто. К несчастью, это не тот случай. Но вы удивлены, почему я вас обманул? На самом деле это не обман. Я вам гораздо ближе, чем простой однофамилец, и схож с вами более, чем близнец. Я ваш двойник.

Мессоннье *(снова садясь).* Двойник? Каким же образом?

Посетитель. Двойник вашей личности. То есть человек с такой же самой судьбой; ваша жизнь в какой-то мере точная копия моей, ваше существование — слепок, в котором отпечатались все мои жизненные события, счастливые или трагичные, и все это абсолютно точно, в те же дни, в те же часы.

Мессоннье. Что это за абракадабра? И вы свалились мне на голову из Рангуна только для того, чтобы рассказать эту галиматью?

Посетитель. Вы слишком высокого мнения о себе, господин Мессоннье! За кого вы себя принимаете? За феномен? Природа, конечно, щедра, но не настолько, чтобы все население мира оделить собственной личной судьбой, отпечатанной тиражом в один экземпляр! Такую роскошь она

себе вряд ли может позволить!

Мессоннье. Послушайте, мой дорогой, я не считаю себя Наполеоном. Я знаю закон чисел, и я знаю, как и все, что человечество делится на категории не только с точки зрения социальной, но и по характерам. Я вполне допускаю, что принадлежу к определенной группе, где все имеют сходные характеры и много общих черт. Но заставить меня поверить, что одна судьба может быть буквальной копией другой, — нет, до этого далеко. *(Вставая.)* Это все, что вы хотели мне сказать?

Посетитель. Где же ваша логика? Вы признаете закон чисел. Тогда разве судьба не след, оставляемый позади себя по мере нашего существования? И вы отказываетесь представить себе, что в этом огромном человеческом потоке, среди трех с половиной миллиардов людей, брошенных на дорогу жизни, нет таких, чьи пути параллельны?

Мессоннье *(усаживаясь и решая воспринять все это как шутку).* Хорошо, допустим это. Вы приехали сообщить мне, что у меня есть в Рангуне в некотором роде сиамский близнец судьбы, и в данном случае, если не ошибаюсь, он сидит напротив меня. Так?

Посетитель. Совершенно верно.

Мессоннье *(тем же тоном).* Очень рад! Хотя я предпочел бы сестру, поскольку брат у меня уже есть. Ну, не будем слишком требовательны. И во сколько мне обойдется это приятное известие?

Посетитель. Простите?

Мессоннье. Я заключаю, что вы прилетели сообщить мне о родстве не безвозмездно? Примите мои поздравления. В своей жизни с вымогателями я встречался не раз, но вы побили все рекорды. Короче, говорите быстро: что у вас на уме? Я посмотрю, что я смогу для вас сделать.

Посетитель. Вы напрасно шутите. Уверяю вас, что мне не до смеха.

Мессоннье. Ну-ну, старик, нет никакой трагедии, не смущайтесь. Поверьте мне, я в своей жизни помогал многим людям, которые того совсем не заслуживали! Где-то за границей вы вылетели в трубу, вернулись во Францию и ищете место. Ну, будьте откровенны! Я, может быть, смогу помочь вам выйти из затруднения.

Посетитель. Я вам глубоко благодарен за желание помочь. Но посудите сами. Поскольку ваша судьба — копия моей, мои дела, как и ваши, процветают. Я ни в чем не нуждаюсь.

Мессоннье. Естественно, этот факт подкрепляет вашу теорию. А не будете ли вы так любезны

рассказать, каким образом вы совершили это чрезвычайно интересное открытие?

Посетитель *(встает и расхаживает по комнате).* Очень просто. Как и вы *(подчеркнуто),* я, разумеется, очень увлекаюсь спиритизмом… не отрицайте, не отрицайте, мы же из одного теста. Мы интересуемся астрологией, черной магией — это наша маленькая слабость, и наше любимое чтение — книги, в которых исследуются непонятные и таинственные явления. И вот, несколько лет тому назад индийский маг открыл мне эту невероятную истину и назвал ваше имя. Излишне говорить вам, что сначала я не поверил. Я, как и вы, пожал плечами. Я посмеялся, и все. Потому что, несмотря на мою склонность и интерес к подобным вещам, моя внутренняя логика отказывалась допустить в применении ко мне лично то, что в теории мне кажется вероятным. Однако меня поразило то, что маг мне назвал вашу фамилию — французскую фамилию, принадлежащую человеку, живущему за тысячи километров от меня. Я не мог выбросить ваше имя из головы. Оно все время преследовало меня. Наконец, чтобы успокоиться, я решил навести справки через Международное справочное агентство. Они нашли одного Шарля Мессоннье в Дижоне, другого

— в Париже. Дижонский ни в чем не был на меня похож. А вот у Шарля Мессоннье, промышленника, проживающего в Париже на улице Ламбалль в доме номер двенадцать, жизнь оказалась такая же, как у меня. В ней все то же, те же повторы судьбы, те же события. У нас все, абсолютно все одинаково, с одной только разницей…

Мессоннье *(иронично).* Ах! Какой же?

Посетитель. Вы родились восемнадцатого июля тысяча девятьсот тридцать седьмого года, я — восемнадцатого января.

Мессоннье *(тем же тоном).* Значит, я младший дубликат.

Посетитель. Я развелся, как и вы, со своей первой женой в тот же год, но на шесть месяцев раньше. Ровно на полгода раньше, чем вы, я женился на моей теперешней жене. С тем же разрывом у пас были одни и те же удачи и несчастья. Хотите доказательства? Могу рассказать вам весь сценарий моей жизни. Это будет точная копия вашей.

Мессоннье. Это ничего не доказывает. Имея деньги и время, можно узнать прошлое каждого человека. Если хотите меня убедить, говорите не о прошлом, а о будущем. Говорите о тех шести месяцах, на которые, вы утверждаете, меня

опережаете. Вы должны мне предсказать, что случится в ближайшие дни… завтра… даже, может быть, сегодня.

Посетитель. Я ждал этого вызова. На вашем месте я поступил бы так же.

Мессоннье *(вставая и расхаживая перед ним по комнате; с той же иронией).* Иначе говоря, благодаря вам, лоцману моей жизни, я смогу, следуя вашим советам, избежать вредных встреч, ошибок, ловушек, подстерегающих меня на моем пути. Благодаря вам, моя верная Кассандра, я буду управлять своей судьбой, стану совершенно неуязвимым и воплощу в самом себе вечную безумную мечту человека быть хозяином своей судьбы. *(Останавливаясь перед посетителем.)* Итак, мой дорогой, вы предлагаете мне фантастическое сотрудничество. Как вам видится этот союз с точки зрения материальной?

Посетитель. Вы меня глубоко огорчаете. Повторяю вам: мой приход абсолютно бескорыстен.

Мессоннье *(взрываясь).* Как, вы хотите, чтобы я хоть одному слову поверил из ваших басен? Я уже сказал вам, что думаю о том, почему вы в курсе моего прошлого. Что же касается предлагаемого вами ближайшего будущего, не нужно быть пророком, чтобы его предсказать. Дела мои

идут хорошо, живу я счастливо и без историй, пусть это и банально.

Посетитель. Вы, значит, думаете, что я пустился в дальнее путешествие, чтобы сообщить вам пустяки? Так знайте, что я выбрал именно этот день, а не другой, потому что именно в этот депь, ровно шесть месяцев тому назад, в моей жизни произошло событие, абсолютно неожиданное, буквально невероятное…

Мессоннье *(после паузы садится, невольно взволнован),* Я вас слушаю.

Посетитель. В этот самый день моя жена покинула меня.

Мессоннье смеется.

Вы находите это смешным?

Мессоннье. Извините меня, я очень вам сочувствую… но ведь, по вашей теории, моя жена шесть месяцев спустя…

Посетитель. То есть сегодня.

Мессоннье. …должна поступить так же? Я вас предупредил. Ваши предположения рушатся. Так знайте, мой дорогой: я женился вторым браком два года тому назад, и эти два года были годами полного счастья. Сегодня утром я попрощался с моей женой, все было прекрасно, и, не буду

скрывать от вас, я приготовил ей маленький сюрприз…

Посетитель. По случаю годовщины вашей свадьбы? Не так ли?

Мессоннье *(на него это произвело впечатление; рассеянно повторяет).* Да, по случаю годовщины свадьбы. Действительно. Я хотел…

Посетитель. Вы хотели сегодня вечером подарить ей очень дорогую вещь?

Мессоннье *(удивлен).* Вы хорошо осведомлены.

Посетитель. Неудивительно. Повторяю вам, я пережил этот ужасный день ровно шесть месяцев тому назад. *(Как бы про себя.)* Женщина, которую я обожал…

Мессоннье *(сердито).* Какое мне дело до того, что с вами случилось? Ваши беды меня не интересуют!

Посетитель. Тем не менее они и ваши!

Мессоннье. Хватит! Оставьте мне адрес вашего отеля. Завтра с утра я вам позвоню и дам доказательство того, что ваша история не стоит выеденного яйца!

Посетитель *(взглядом указывая на телефон).* У вы, я думаю, что нечего ждать до завтра. Почему вы не позвоните домой сейчас?

Мессоннье *(после минутного колебания резко*

берет трубку, сухо). Хорошо, но предупреждаю вас, что вышвыриваю вас за дверь, как только услышу голос моей жены. Понятно?

Посетитель *(кивает).* Звоните!

Мессоннье *(набирает номер).* Алло! Луиза?.. Передайте трубку мадам... Она вам сказала, в котором часу вернется? Что?.. Как — уехала?.. Что вы хотите этим сказать? Уехала куда?.. По магазинам?.. Когда вернется? Письмо?.. *(Кладет трубку.)*

Долгое молчание.

Посетитель. Очень вам сочувствую... Но это испытание было необходимо... так или иначе, вы бы все равно узнали об этом вечером...

Мессоннье *(в растерянности, пак бы про себя).* Это непостижимо... Она была счастлива... Почему?..

Посетитель. Не рассчитывайте, что я смогу объяснить вам ее поведение. Я тоже думал, что моя жена была счастлива эти два года. Хотя, впрочем, была... только не со мной, а со своим любовником.

Мессоннье *(овладев собой).* Во всяком случае, это совпадение не доказательство вашей теории.

Посетитель. Я выбрал этот день специально

для того, чтобы у меня были убедительные доказательства.

Мессоннье. Какие еще новости такого же рода вы можете мне сообщить?

Посетитель. В этот же день мой бухгалтер был вызван…

Мессоннье. В банк?

Посетитель. Моя жена выдала чек на очень крупную сумму, и на счету не осталось денег…

Мессоннье берет трубку и начинает набирать номер.

Бухгалтер, узнав о том, что счет временно блокирован, пришел сказать мне, что нам будет очень трудно с предстоящими расчетами по кредитам.

Слышен щелчок селектора и голос Люсьенны.

Голос Люсьенны. Простите, что я вас отрываю, мсье, но господин Дешан только что вернулся из банка.

Мессоннье *(кладет трубку, отвечает Люсьенне).* Хорошо. Я его потом приглашу.

Голос Люсьенны. Он просит срочно принять его. Дело в том, что чек…

Мессоннье *(нервно).* Знаю. Пусть идет к себе!

(Выключает селектор, поворачивается к собеседнику; топом, не допускающим возражений.) Если вы не сумасшедший и не садист, вы не приехали бы так издалека только для того, чтобы сообщить мне об этих ударах. Говорите мне немедленно: в чем цель вашего приезда?

Посетитель. Вы правы, господин Мессоннье. У меня действительно есть определенная цель. И от вас зависит, вернусь ли я в Рангун ободренный и освобожденный… или пущу себе пулю в лоб. *(Встает.)* Но я не хочу добавлять вам горя. Хотите, мы перенесем разговор на любой другой день?

Мессоннье. Оставайтесь и заканчивайте!

Посетитель. Все гораздо страшнее, намного более страшно!

Мессоннье. Говорите!

Посетитель *(быстро, на одном дыхании).* Врачи считают, что я обречен.

Пауза.

Мессоннье *(глухо).* Но может быть! Это неправда!

Посетитель *(кричит).* Я тоже тогда возмутился! Не хотел верить! Впрочем, и сейчас еще не верю. По-этому-то и приехал к вам. Рангун — с точки зрения медицины— край света. Мои врачи могли

ошибиться в диагнозе. Я приехал умолять вас срочно пройти медицинский осмотр. Вы моя последняя надежда, понимаете? Если вы здоровы — я тоже здоров!

Мессоннье *(радостно)*. В таком случае успокойтесь! Как раз несколько дней тому назад я почувствовал сильное переутомление и прошел полный медицинский осмотр. Мой врач нашел, что я в хорошей форме, а он один из самых известных медиков Парижа. Отбросьте ваши страхи, старик, наше здоровье в порядке. Ваш рангунский лекарь дурак!

Посетитель *(радостно, лихорадочно пожимает ему руку).* Как вы меня обрадовали! Какое счастье! Я чуть не плачу от радости… Вы знаете, сколько я провел бессонных ночей… И как оказался прав, что надеялся! *(Достает авиационный билет.)* Видите, я даже взял билет туда и обратно… Сегодня же вечером улечу… Нет, сначала отпраздную это в Париже… А вы делали все анализы, которые полагаются?

Мессоннье *(убежденно).* Да, мой доктор настаивал, чтобы все было как положено. Как раз сегодня я должен звонить ему — узнать результат. *(Успокаивая его.)* Пустяк, формальность!

Посетитель *(так же успокоенно).* Да, конечно!

Позвоним ему сейчас же. Так мы будем уже полностью уверены.

Мессоннье *(начиная набирать номер).* Если вы обязательно хотите…

Посетитель *(нажимая на рычаг).* Подождите! Бывают доктора, которые не говорят больному правду в глаза. Откровенны они только с родственниками. Дайте я сам поговорю!

Мессоннье. Да бросьте! Я не мальчик. Мой доктор от меня скрывать не будет. *(Убежденно.)* Впрочем, и скрывать нечего.

Посетитель *(настойчиво).* Поверьте мне, так будет лучше. Какой его номер?

Мессоннье. 870-81-07.

Посетитель *(набирая).* Как его зовут?

Мессоннье *(с волнением).* Турнье.

Посетитель *(в трубку).* Алло!.. Будьте добры, можно поговорить с доктором Турнье?.. По поводу господина Мессоннье… Алло!.. Доктор Турнье?.. Я родственник господина Мессоннье… Скажите мне, пожалуйста, какие результаты анализа крови, который он недавно сдал?.. Очень близкий родственник, да… родной брат… *(Ошеломленно.)* Как?.. Что вы говорите?..

Мессоннье *(бросаясь к телефону).* Что он говорит? Что там такое?

Посетитель *(отстраняя его другой рукой).* Ну, это, наверное, ошибка. Вы сами же сказали несколько дней тому назад, что у него прекрасное здоровье!.. Неужели?.. Вы уверены?.. Это ужасно! *(Кладет трубку, совершенно убитый.)* Бедняга, мы погибли!

Мессоннье оседает в своем кресле. Посетитель с отчаянной решимостью бросает свой авиабилет на стол.

Теперь мне остается одно. *(Направляется к двери.)* Прощайте, мой бедный старик!

Мессоннье *(выходя из оцепенения).* Постойте!.. Куда же вы? *(Подбегает к нему.)* Идите сюда! Я приказываю вам оставаться здесь. *(Закрывает дверь, которую посетитель уже открыл.)* Что вы собираетесь делать?

Посетитель *(просто, независимо).* Дайте мне выйти. Прошу.

Мессоннье *(преграждая ему дорогу).* Я вас не выпущу! Я вам не позволю это сделать!

Посетитель. Сожалею, но больше жить в этом кошмаре не могу ни минуты!

Мессоннье. Вы с ума сошли, старик, сошли с ума! Как можно так падать духом при первой неприятности? Ну, вы же человек с характе-

ром! Мы говорили только с одпим врачом, и не с лучшим. *(Возбуждаясь.)* Надо пойти к десяти! Двадцати… ста! Мы поборемся… Поедем в Швейцарию, в Соединенные Штаты, обратимся к лучшим специалистам…

Посетитель *(безразлично).* Поборемся?.. Зачем?.. Для чего?.. Впрочем, я сам прошел через это — обычная реакция жизненного инстинкта… Все это только суета, потом еще больше падаешь духом, еще несчастней становишься, чем раньше. Вы, как и я, знаете, чем кончается эта страшная болезнь… Я больше не хочу каждый день думать, что отпущенный мне срок сокращается, как шагреневая кожа… Это выше моих сил. Прощайте! *(Выходит.)*

Мессоннье ходит как автомат по кабинету. В селекторе раздается голос Люсьенны.

Голос Люсьенны. Мсье, можно принести вам бумаги на подпись?.. Мсье?.. Мсье?.. Вы здесь, мсье?..

Мессоннье внимательно смотрит на портрет жены на письменном столе, отсутствующим взглядом — на селектор, не отвечая встает, выходит в соседнюю комнату слева. Слышно, как выдвигается ящик, и сразу же звук пистолетного

выстрела. Вбегает Люсьенна.

Люсьенна *(испуганно)* Господин Мессоннье!..

Посетитель *(врывается).* Я уже выходил. Услышал звук выстрела…

Люсьенна *(на пороге задней комнаты).* О! Боже мой! Посмотрите!.. Это невозможно!

Посетитель *(подойдя к ней, заглядывает в комнату и удерживает Люсьенну).* Ничего не трогайте!

Люсьенна. Надо вызвать полицию?

Посетитель. Конечно. Идите за комиссаром. Полиция напротив. Будет быстрее, чем по телефону.

Люсьенна убегает.

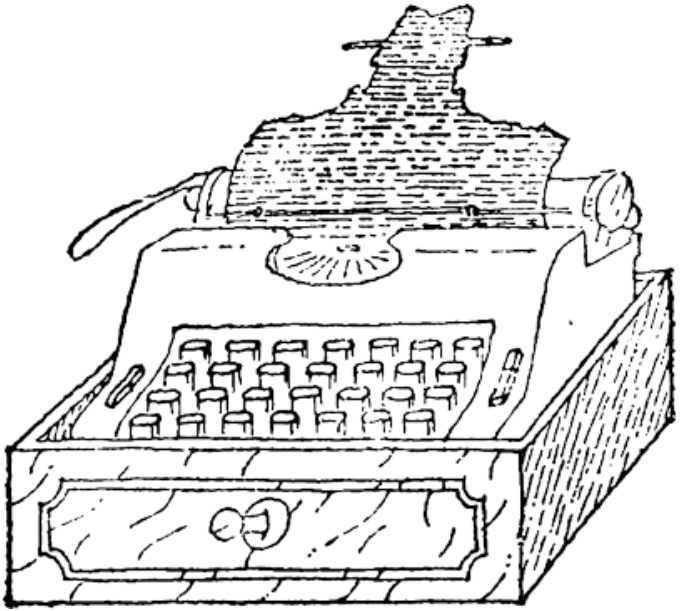
(Оставшись один, берет трубку и набирает номер. В трубку.) Алло!.. Ресторан аэропорта Орли? Позовите, пожалуйста, мадам Мессоннье!.. Блондинка, одна, в меховом манто… Алло! Это ты, дорогая?.. Да, все произошло по твоему сценарию… Сейчас дождусь полицию и хватаю такси… Через несколько часов мы уже будем над Атлантикой… До скорого, любовь моя. *(Кладет трубку.)*

Входит Мессоннье с револьвером.

Мессоннье. Великолепно сыграно, дорогой! *(Продолжает, глядя на ошеломленного посетителя.)* Примите мои поздравления. Вам почти удалось совершить преступление без улик. Моя жена, обожающая детективы, разработала замечательный сценарий! И актера она себе подобрала превосходного. Вы, наверно, спрашиваете себя, в чем же была ваша ошибка?.. Какая песчинка в моторе вас погубила?

Посетитель вздрагивает.

Успокойтесь, старик, вы здесь ни при чем. Ваша работа безупречна. Нет-нет, мой дорогой, ошибку сделал я сам. И, впрочем, невольно. Простая рассеянность! Помер телефона, по которому вы делали вид, что звонили, — 870-81-07 — это номер не моего терапевта, а моего зубного врача. Глупость, в волнении я перепутал телефоны. Садитесь же! Подождем полицию.



Клод Фортюно
Жертва

Claude Fortuno — LA VICTIME (1969)

Действующие лица:

Паскаль **Ансело**, *писатель, автор детективных произведений.*

Жан Дестрие, *журналист.*
Посетитель.

Кабинет Паскаля Ансело в Париже. Удобная мебель. Книги. Хорошие картины. В одном углу — телевизор, в другом — письменный стол. Бар и столик с телефоном. Падающий из окна свет дает представление о времени дня и года; в начале пьесы это осенний вечер.

Паскаль Ансело один на сцене. Он печатает на машинке. Звонок в дверь. Ансело идет открывать. Входит Жан Дестре.

Ансело *(радостно).* Жан, старина! Я как раз собирался тебе позвонить. Правда-правда. Мы совсем не встречаемся.

Дестрие. Вот и я так подумал. Я тут был неподалеку и решил заглянуть. Может быть, я не вовремя?

Ансело. Да что ты, что ты! Ты попал в самый драматический момент — должно произойти убийство, и мне нужно так изловчиться, чтобы ничто ему не помешало. Твой звонок дает жертве маленькую отсрочку.

Дестрие. Рад за нее.

Ансело. Садись. Вот сюда, в кресло. Ну, расска-

зывай, что ты и как?

Дестрие. Что я? Я как все парижане. С каждым днем понемногу схожу с ума от этой лихорадочной жизни, от безумного движения на улицах. В отпуск вообще больше ездить нельзя — обратно никак до Парижа не доберешься.

Ансело. Видно, ты до сих пор про это забыть не можешь, а уже осень на дворе. Мне-то кажется, что отпуск был давным-давно.

Дестрие. Ты куда-нибудь ездил?

Ансело. Я был в Бретани. Очаровательное место, настоящая глушь. Я уехал, чтобы отдохнуть, а вместо этого работал как каторжный.

Дестрие. Конечно, новый роман?

Ансело *(показывая на пишущую машинку).* Как видишь, заканчиваю.

Дестрие. И вскоре благодаря тебе мы будем иметь удовольствие насладиться сдержанной поэзией бретонских пейзажей, одиноких утесов и трагическим рокотом морских волн, в котором нам будет слышаться рассказ о трупе неизвестного человека, найденном на пустынном пляже…

Ансело *(смеется).* Представь, ты почти угадал. Даже страшно давать тебе читать мои вещи. Ты меня слишком хорошо знаешь. А вот твои репортажи я всегда читаю с большим интересом. Ты

стал специалистом по криминалистике. Почти коллега.

Дестрие. С той только разницей, что журналист пишет по горячим следам, ему не нужно насиловать свое воображение. Он все получает как бы с доставкой на дом.

Ансело. Разумеется, но не забывай, что и писатель часто строит сюжет на основе реального факта…

Дестрие. Да, но своих персонажей он все-таки придумывает сам, и искусство его заключается в умении ими правильно маневрировать как шахматами на доске. Вот ты, например: задаешь читателям вроде бы неразрешимую задачу, а на последней странице сообщаешь им логическое решение.

Ансело. Но, как говорят, правда невероятнее всякого вымысла.

Дестрие. С другой стороны, в жизни случается, что некоторые преступники действуют с необыкновенным хладнокровием и учитывают абсолютно все, чтобы не оставить улик и чтобы преступление невозможно было раскрыть. И такие преступления совершаются.

Ансело. Но о них мы не знаем именно в силу этих причин. Хотя я думаю, что они немно-

гочисленны. Такое преступление требует исключительной находчивости. Малейшая неосторожность, как бы незаметны ни были на первый взгляд ее последствия, может оказаться достаточной для последующего разоблачения. Полицейские по самому характеру своей работы становятся одержимы манией собирания подробностей. Розыск преступника превратился в лабораторное научное исследование. И я не открою тебе Америку, если скажу, что в этой области полицейским аппаратом достигнуты поразительные успехи. Так что, если детективный писатель хочет быть на уровне, он должен быть в курсе этих достижений. В этих знаниях залог успеха его произведений.

Дестрие. Именно поэтому, дорогой Паскаль, я — один из твоих самых верных читателей. В этой связи разреши поздравить тебя с твоим последним романом «На девять человек одна улика». Какая загадка: один труп и девять подозреваемых! Признаюсь, я до последней страницы не мог догадаться, кто убийца. Вообще, детективная литература, показывая систематически, что преступишь не может долго оставаться безнаказанным, является, но сути дела, высокоморальной — зло в ней всегда получает по заслугам!

Ансело. При одном условии — если читатель не потенциальный убийца и не воспримет роман как руководство к действию. Потому что, если он к тому же еще наделен от природы большими криминальными способностями, чем незадачливый автор, он догадается внести коррективы и избежит роковой ошибки, неизбежно приводящей на скамью подсудимых.

Дестрие. Но, как правило, любители детективного чтения, к которым я себя причисляю, в большинстве своем люди глубоко мирные, уравновешенные, добрые отцы семейств, которые и муху не обидят.

Ансело. Я твоей уверенности не разделяю.

Дестрие. Детективный роман остается прежде всего ребусом, использующим мотив преступления только как повод для головоломки, не возбуждая при этом нездорового любопытства, возникающего, например, при чтении рубрики происшествий в утренней газете.

Ансело. Не всегда. Год назад, в период летних отпусков, со мной произошло странное и достаточно неприятное приключение. Уверяю тебя, моя репутация детективного писателя чуть не обошлась мне очень дорого.

Дестрие. О! О! Ты меня интригуешь. Расска-

зывай.

Ансело *(смеется).* Смотри, как оживился! Думаешь, почуял историйку, чтобы тиснуть в свою газетку?

Дестрие. А почему бы и нет, если ты разрешишь?

Ансело. Не только не разрешу, мой-друг, но всячески воспротивлюсь. Я слишком дорожу моим спокойствием, а уж жизнью — тем более. И потом, эта история невероятна… хотя она и произошла на самом деле. Лишняя иллюстрация того, что правда фантастичнее вымысла.

Дестрие. Хорошо, наступив на горло своей профессии, весь обращаюсь в слух.

Ансело *(подходя к бару).* Виски?

Дестрие. С удовольствием.

Ансело. Тем более что у меня превосходное.

Дестрие. В своих романах ты этим нагишом не злоупотребляешь, в отличие от американских авторов или тех, кто под них подделывается, которые вливают в горло своим героям по бутылке на каждую главу.

Ансело *(наливая).* Да… я часто задумывался, как это убийце удается совершить преступление, а следователю— его выследить и арестовать, если они не просыхают с утра до вечера!

Дестрие. Я думаю, автор от них не отстает!

Ансело. Сигарету?

Дестрие. Разве ты куришь не трубку?

Ансело. Я оригинал.

Дестрие. Ну, мой дорогой Паскаль, начинай свою историю. Я весь внимание.

Ансело. Это произошло восемнадцатого августа прошлого года. Я отложил отпуск, чтобы окончить роман, который хотел сдать в издательство до отъезда. Поэтому я сидел как приклеенный у себя дома. Была адская жара. Я вкалывал по-черному, отрабатывая сцену развязки моей чертовой книги, а мыслями устремлялся к бискайским берегам, куда затем собирался отбыть. Итак, восемнадцатого августа утром я получаю длинное письмо от неизвестного мне человека… Нервный, вытянутый почерк… в самых изысканных выражениях комплименты моему литературному таланту, умению мастерски строить интригу и так далее и тому подобное. Сам он тоже пробует свои силы на этом поприще, и для него было бы большой честью, если бы я согласился встретиться и побеседовать с ним. В обычной суматохе парижской жизни я бы, естественно, и не подумал отвечать на эту писульку, но было время отпусков, полная тишь, все друзья и зна-

комые разъехались. Ни телефонных звонков, ни гостей. В квартире гнетущая тишина. Почему бы не пригласить этого милого читателя? Итак, я ему отвечаю и назначаю время — в пятницу, двадцатого августа, в семнадцать часов. Ты внимательно слушаешь?

Дестрие. Очень, и с нетерпением жду его прихода.

Ансело. Но еще раньше, накануне условленного дня, он звонит мне по телефону. Рассыпается в благодарностях за мой ответ, но говорит, что он ужасно расстроен, так как именно в семнадцать часов он никак не может прийти. Он предлагает перенести на половину третьего. Я соглашаюсь. На следующий день, чуть раньше назначенного срока…

> На сцене гаснет свет. Дестрие исчезает. Сцена попеременно освещается разными цветами, пока наконец не устанавливается освещение, создающее впечатление жаркого летнего дня. Окно открыто, но штора опущена. В углу работает вентилятор. У Ансело засучены рукава, узел галстука ослаблен, воротник расстегнут. Облик посетителя по возможности

— полная противоположность. Ансело — полноват, посетитель — сух и подтянут, лицо у него довольно бледное; он носит очки в толстой оправе (хотя они и не придают ему вида делового человека), на руках тонкие перчатки. Темно-синий костюм увеличивает его рост.

Ансело печатает на машинке. Раздается робкий звонок в дверь, Ансело идет открывать.

Посетитель *(входя, очень вежливо, но сухо).* Мсье Паскаль Ансело?

Ансело. Собственной персоной. Предполагаю, что…

Посетитель. Да, это я, мсье Ансело.

Ансело. Будьте добры, располагайтесь, вот кресло… посетитель. Спасибо.

Ансело. В этом году в августе можно задохнуться от жары. Я даже штору закрыл, чтобы не расплавиться, несмотря на вентилятор. Поэтому, извините, немного темновато.

Посетитель. Ничего, что вы. Впрочем, я и не люблю очень яркого света.

Ансело. Тогда прекрасно.

Пауза.

Посетитель. Я очень благодарен вам за то, что вы согласились меня принять… и перенести время встречи.

Ансело. Говоря откровенно, если бы не это отпускное августовское затишье, я бы не смог выкроить ни минуты…

Посетитель. Не сомневаюсь. Вот почему я так ждал августа месяца, чтобы вам написать.

Ансело. Но меня могло бы не быть в Париже. Посетитель. Я знал, что вы дома.

Ансело. Да?

Пауза.

Итак, вы хотели со мной встретиться, чтобы… Посетитель. Это для меня большое счастье, поскольку я всегда читаю ваши произведения с огромным интересом.

Ансело. Если я правильно понял, вы страстный любитель детективных романов.

Посетитель. В особенности ваших, мсье Ансело. И должен добавить, что на мой требовательный вкус угодить трудно.

Ансело. Вы мне льстите.

Посетитель. Хороших писателей мало. Я считаю, что сюжет хорош, если он развертывается с точностью в деталях, с изобретательностью и

выдумкой, и если воображение автора нацелено на то, чтобы все выглядело так, как будто произошло на самом деле. Да, вот именно: наибольшая степень приближенности к действительности. Правда жизни — вот мой критерий.

Ансело. Да, конечно… но в таком случае газетная хроника может вас удовлетворить больше?

Посетитель. За редким исключением, все происшествия удручающе банальны. Всегда одно и то же — люди убивают, чтобы разбогатеть, чтобы отомстить… примитивно!

Ансело *(с легкой иронией).* По, дорогой мсье, когда люди убивают — это всегда ради чего-нибудь.

Посетитель *(резко).* Но почему?

Ансело. Безмотивное преступление…

Посетитель *(прерывая).*…единственное, которое может остаться нераскрытым!

Ансело. Решиться на это… да еще без причины!

Посетитель. Моя концепция сложилась в результате многочисленных изысканий в анналах криминалистики.

Ансело *(опять с иронией).* Вот как?

Посетитель. Без ненужной скромности скажу, что во мне сильно развито криминалистическое чутье.

Ансело. Поверю с радостью, тем ценнее для меня будет ваша читательская оценка.

Посетитель. Неужели?

Ансело. Простите, не расслышал.

Посетитель. Я сказал — неужели?

Ансело. Извините. Мне так и показалось.

Посетитель. Поймите, мсье Ансело, меня не интересуют всякие там случайные убийцы, мелкая рыбешка, ежедневно вылавливаемая журналистами. Меня интересуют мыслящие убийцы — увы, встречающиеся редко. Великих преступников — единицы.

Ансело *(которому все это уже начинает надоедать).* Великие… какие слова вы подбираете! Можно подумать, что, по-вашему, преступление — искусство.

Посетитель. А разве нет?

Ансело. Послушайте, дорогой мсье, боюсь вас разочаровать, но вынужден признаться, что, несмотря на свою профессию, восприятие жизни у меня не извращенное, и меня отнюдь не привлекают люди с подобными психическими отклонениями. Вы хотели со мной познакомиться — я вас принял. Если вы принесли с собой какую-нибудь мою книжку, давайте, я вам ее подпишу.

Посетитель. Цель моего визита иная.

Ансело. Ах да, вспоминаю, вы говорили в письме… что, тоже пишете?

Посетитель. Намереваюсь. Но не до того.

Ансело. До чего?

Посетитель. У меня есть идея. Я умозрительно разработал подробный план и теперь имею налицо и все материальные предпосылки, необходимые для развертывания действия.

Ансело. Быть писателем очень трудно. Недостаточно только иметь идею, нужно еще уметь ее растянуть на целую книгу. Разумеется, я ничуть не ставлю под сомнение ваши способности.

Посетитель. И правильно делаете.

Ансело *(сухо).* Вы производите впечатление человека, уверенного в своих силах. Это очень хорошо. Теперь я убежден, что в моих советах вы не нуждаетесь. Я думаю, на этом мы с вами и можем закончить нашу беседу.

Посетитель. Вовсе нет. Сейчас я объясню вам свой план.

Ансело. Не трудитесь. Мне нужно работать. Поймите, мсье, я не могу больше тратить время на разговор, в котором, мне кажется, мы оба не понимаем друг Друга.

Посетитель. Тем не менее вы меня выслуша-

ете.

Ансело. В конце концов, что вам нужно?

Посетитель *(по-прежнему спокойно).* Преступление, которое нельзя раскрыть.

Ансело *(вставая).* Сожалею, но вынужден попросить вас удалиться.

Посетитель. Я уйду… но не раньше…

Ансело. Но что же вам нужно?

Посетитель. Реализовать на деле свой план. План нераскрываемого преступления.

Ансело *(внезапно охваченный беспокойством*). Что вы подразумеваете?

Посетитель. Загадка для полиции, мсье Ансело, и безнаказанность для убийцы. Разве это не прекрасно?

Ансело *(уже не сдерживаясь).* Так возвращайтесь домой, описывайте ваше преступление и оставьте меня в покое.

Посетитель. Действие моего произведения развертывается здесь.

Ансело. С меня довольно!

Посетитель. Прошу вас, не вставайте и слушайте меня. Я все предусмотрел, абсолютно все… даже эту вашу нервную вспышку. Как только вы закрыли за мной эту дверь, мой план уже начал осуществляться.

Ансело *(решает, что ему выгоднее смягчить тон).* Но чем же я могу быть вам полезен? У вас есть идея — превосходно! Изложите ее на бумаге. Напишите повесть и предложите рукопись в издательство. Редактор скажет вам лучше, чем я, чего она стоит. Если ваше произведение его заинтересует, он его издаст. Это все, что я могу вам сказать.

Посетитель. Слова, одни слова, пустые слова — вот все, что вы мне предлагаете! Что такое творческий вымысел? Обман, отвлеченная игра ума. Для меня же конечная цель всех наших поступков заключается только в реальном результате. Лишь действительность может подтвердить правильность умозрительного эксперимента. Из этого вывод: единственным подтверждением того, что задумано в полном смысле, слова совершенное преступление, явится только его осуществление на деле.

Ансело. И что же?

Посетитель *(очень непринужденно).* То, что я — убийца, а вы — моя жертва.

Ансело. Вы говорите серьезно?

Посетитель. Я никогда не шучу, мсье Ансело.

Ансело *(после паузы).* Ну что же, постараюсь догадаться, в чем заключается… это преступление…

вы покушаетесь… на меня?

Посетитель. За этим я к вам и пришел.

Ансело. Очаровательно! Хотя не могу понять, откуда у вас такая крайняя необходимость меня уничтожить? Чтобы обокрасть?

Посетитель. Этого у меня и в мыслях не было, мсье Ансело. Я не грабитель. Убив вас, я просто докажу на практике свою теорию, по которой преступление, логично продуманное, до мельчайших деталей, не может быть раскрыто.

Ансело. Ну а в чем же цель?

Посетитель. Я только что вам о ней сказал,

Ансело. Это не цель.

Посетитель. Вы, детективный писатель с таким богатым воображением, как вы можете сомневаться?

Ансело. Вот вы говорите мне о логике, но, откровенно говоря, вашей собственной логики я не улавливаю.

Посетитель *(криво улыбаясь).* Неужели?

Ансело. Когда вор убивает человека, чтобы ограбить, когда муж убивает изменившую жену или ее любовника, чтобы отомстить, то, как это ни кощунственно звучит, в их действиях есть своя логика. Побудительную причину по-человечески можно понять, хотя и нельзя оправдать масшта-

бов самого поступка. А в чем же цель вашего нераскрываемого преступления? Неужели в…

Посетитель *(мягко).* Вы, наверно, считаете меня сумасшедшим?

Ансело. Вовсе нет. Мы рассуждаем. Хотя, к сожалению, как бы интересен этот разговор ни был, продолжать его дольше я не могу — мне нужно уходить. Хотите взять какую-нибудь мою книгу в подарок? Давайте выберем. Хоть что-то у вас останется от нашей встречи.

Посетитель. Не стоит беспокоиться. Сидите на месте.

Ансело. Повторяю вам…

Посетитель *(неожиданно грубо).* Не двигаться. Мой выбор пал на вас. Слишком поздно. Вы моя жертва.

Ансело *(с воплем ужаса*). Но почему я?

Посетитель. Потому что я считаю, что у вас большой талант.

Ансело. Значит, из уважения к нему?

Посетитель. Да. Посредственности не понять всей гениальности моего плана. Прежде чем вас уничтожить, я объясню вам, как я задумал осуществить ваше убийство.

Ансело *(встает, указывает на дверь).* Вы немедленно уберетесь отсюда, или я позову…

Посетитель *(улыбаясь).* Позовете? Кого? Вы в квартире один — ни жены, ни прислуги: вы любите, чтобы вас не беспокоили, и правильно делаете.

Ансело. И вы еще говорите мне о покое!

Посетитель. Весь дом практически пуст. Все уехали отдыхать.

Ансело *(вздыхая).* Отдыхать!

Посетитель. Закурите? *(Протягивает ему портсигар.)* Нет… Садитесь в свое кресло… Не открывайте ящик.

Они оба стоят друг перед другом. Ансело делает движение к двери.

Посетитель *(загораживает ему дорогу и достает нож, щелчком выдвигает лезвие).* Хоп! Видите, инструмент незаметный, и обращаться с ним я умею. Прошу вас, мсье Ансело, выслушайте меня. Сейчас ровно четырнадцать сорок пять. У меня есть еще пятнадцать минут, чтобы объяснить вам мой план.

Ансело *(некоторое время смотрит на него; затем возвращается к письменному столу, садится и закуривает сигарету).* Слушаю.

Посетитель. Вы получили мое письмо восемнадцатого августа. Вы были так любезны, что

ответили мне сразу же и назначили день двадцатого августа. Следовательно, сегодня…

Ансело. Лучше бы я вам не отвечал.

Посетитель. Накануне нашей встречи я вам позвонил и сказал, что не могу прийти в предложенное вами время. Мы условились на четырнадцать тридцать. Именно этого я и хотел. Итак, у меня имеется письмо, подтверждающее, что вы меня ждете в семнадцать часов. Никто не заподозрит, что мы перенесли встречу. Телефонный звонок не оставляет следов.

Ансело. Но вам не повезло в том, что, когда вы мне звонили, у меня в кабинете был один мой знакомый. Он слышал мой ответ. И он, при необходимости, сможет засвидетельствовать, что я вас ждал не в семнадцать часов, а в четырнадцать тридцать. Он слышал, как я называл вас по фамилии.

Посетитель. Нет, господин Ансело, никого у вас в это время не было.

Ансело. Как вы можете это утверждать?

Посетитель. Да очень просто. Вспомните, когда вы сняли трубку, я сказал: «Алло! Мсье Паскаль Ансело?» Вы ответили: «У телефона». Я добавил: «Будьте добры, подождите минуточку». И я послушал несколько минут, не услышу ли в трубке

какой-нибудь разговор — ведь по телефону это слышно. У вас не было никого. И потом, какие гости в августе месяце… У вас есть приемник… Прекрасно. *(Подходит к приемнику и включает его.)*

На протяжении следующей части диалога из приемника будут доноситься джазовая музыка, объявления, новости.

Ансело. Вы любите музыку? Считается, что она смягчает нервы.

Посетитель. Простая предосторожность. Никто не подумает, что в комнате, где играет радио, может совершаться преступление.

Слышен голос диктора.

Ансело *(срываясь с кресла).* Вы просчитались, потому что я закричу. *(Кричит.)* Убирайтесь отсюда сейчас же, слышите? Предупреждаю, что буду защищаться! *(Хватает посетителя за шею.)*

Короткая схватка. Кресло опрокидывается. Посетитель применяет прием каратэ. Ансело вскрикивает от боли.

Посетитель. Очень сожалею, но вы сами меня вынудили. Должен сказать вам, что я давно занимаюсь каратэ. *(Показывает нож.)* Я бы мог

и им воспользоваться, но еще не время. Я хочу объясниться до конца.

Ансело *(стараясь выиграть время, но отчасти и из любопытства).* Хорошо, ну вы меня убиваете… Совершив преступление, вы уходите. Я предполагаю, что вы спуститесь на лифте. Вы рискуете с кем-то встретиться… с жильцом, например, или с консьержкой… Она, наверно, уже вас видела?

Посетитель. Мне удалось проскользнуть незаметно. А уйду я с черного хода, через двор. В вашей квартире определенно есть выход на заднюю лестницу. Дом угловой, и я выйду со двора в переулок, минуя консьержку.

Ансело. На заднюю лестницу выходят комнаты прислуги.

Посетитель. Если я услышу шум, я зайду в туалет на площадке.

Ансело. А есть ли у вас самого алиби на время между четырнадцатью тридцатью и семнадцатью часами? Потому что, в конце концов, вам этот вопрос зададут. Не забывайте, полиция любопытна. Мне бы тоже хотелось узнать, какое у вас алиби. Скажем… с профессиональной точки зрения.

Посетитель. Ваш вопрос полностью законо-

мерен.

Ансело. Правда? Я за всестороннюю осведомленность.

Посетитель. Я ничего не упустил.

Ансело. Должен отдать вам справедливость… если так можно выразиться в этих обстоятельствах.

Посетитель. Я возвращаюсь домой… ой, уже без пяти три!

Ансело. У вас еще есть время.

Посетитель …Возвращаюсь домой самое позднее в шестнадцать часов.

Ансело. У вас все как по расписанию.

Посетитель *(заметно нервничая)*> Вы постоянно меня перебиваете!

Ансело. Хм… это сильнее меня.

Посетитель. Я не могу больше терять время.

Ансело. А я, наоборот, хочу его оттянуть! Ну, так что же вы будете делать, придя домой?

Посетитель. Переоденусь в светлый костюм и немедленно выйду на улицу, но уже без очков и без шляпы. Я пойду в кино, где непрерывно демонстрируется фильм, который я уже видел. Я знаю, что дневной сеанс заканчивается в шестнадцать сорок пять. Итак, через полчаса я вместе со всеми зрителями выйду из кинозала. Билет я

сохраню. Я сяду в метро и направлюсь к вам, как было сказано в письме. В дом я войду через главный вход. Спрошу у консьержки, на каком этаже вы живете. Вы помните, этаж вы мне назвали только по телефону?

Ансело. А зачем вам нужно сюда возвращаться?

Посетитель. А мое письмо? Оно ведь где-то лежит в ваших бумагах?

Ансело. Что вам мешает сейчас его забрать?

Посетитель. Я потеряю время на поиски. Кроме того, оно мне на руку. Уничтожить его с моей стороны было бы оплошностью.

Ансело. В таком случае полиция будет вас подозревать в первую очередь.

Посетитель. Я знаю. Но для меня весь интерес моего убийства заключается в этом риске. В полиции до этого никогда не додумаются.

Ансело. Разумеется, безмотивное преступление… Итак, вы дошли до моей двери…

Посетитель. Звоню. Еще раз звоню — сильнее. Спускаюсь и говорю консьержке, что вас нет, хотя вы назначили мне встречу на семнадцать часов. Говорю ей, что зайду еще раз через полчаса. Иду в кафе и что-нибудь заказываю. Через полчаса захожу к вам снова. А когда ухожу совсем, оставляю

у консьержки свою визитную карточку. Вечером выхожу пройтись и выбрасываю нож в Сену. Что вы на это скажете?

Ансело *(притворяясь, что сомневается).* Тс… тс… да не очень!

Посетитель *(оскорбленно).* Как так — не очень? Радио все еще играет.

Ансело. Как бы вы хорошо ни рассчитали все заранее, малейшая неожиданность, причем одна-единственная, может вас погубить. Когда обстоятельства складываются слишком хорошо и полностью в соответствии с нашими желаниями — почти всегда случается что-то, имеющее такие последствия, что все летит к чертовой матери. Какая-то песчинка!

Посетитель *(угрожающе).* Значит, вы ждете песчинку?

Ансело. А вдруг?

Посетитель. Нет, мсье Ансело, не ждите. Я все предусмотрел. Против меня не будет ни одной улики! Очень давно я обдумывал это преступление. Это будет мой шедевр! *(С блуждающим взглядом.)* Пора. *(Достает нож.)*

Оба они стоят лицом к лицу. Посетитель — ближе к двери. Ансело — у письменного стола. По радио звучит легкая музыка. Посетитель

начинает наступать.

Ансело. Стойте!

Посетитель. Вы в моих руках. В моих руках!

Ансело. Еще посмотрим!

Посетитель. Я сильнее!

Ансело. Посмотрим!

Посетитель. Конец знаменитому писателю… богатому… Труп!

Ансело. Назад!

Посетитель. Теперь вы только персонаж, мсье Ансело, персонаж моего романа, романа с реальным сюжетом.

Радио продолжает играть. Неожиданно врывается безмятежный голос диктора. Ансело пробует прорваться к двери. Посетитель прыжком загораживает ему дорогу. Ансело отступает. В этот момент раздается телефонный звонок. Ансело бросается и снимает трубку.

Посетитель *(с диким воплем).* Телефон! Телефон! Нет!!!

Ансело *(говорит быстро-быстро).* Алло? Алло, да я, Ансело… Очень рад, что вы звоните, у меня сейчас как раз мой коллега, мсье Гюго, да, как поэт… Мой роман? Окончен. Только что допечатал последнюю страницу. Алло?.. Да, зайду к вам

около пяти, — уточняю: в семнадцать часов. Мсье Гюго, которому я назначил на это время, пришел раньше. Что?.. Лучше зайдете сейчас? Хорошо, жду. Да, до скорого. *(Вешает трубку и спокойным, естественным тоном обращается к посетителю,)* Это мой издатель. Издатели — ужасные люди: никогда не дают передохнуть — вернее, обычно не дают, — редко бывает наоборот.

Посетитель *(убитым голосом).* Сорвалось.

Ансело *(разыгрывая удивление).* Я вас не понимаю.

Посетитель. Телефонный звонок…

Ансело. Ну и что?

Посетитель. Я его не предусмотрел.

Ансело *(улыбаясь).* Песчинка… у вас богато развитое воображение, врожденное чувство ситуации, стиль… и потом — дар создания напряженности, который я по праву могу констатировать. Словом, все необходимые качества! Так беритесь за перо!

Посетитель. Телефонный звонок… как я мог упустить время!

Ансело. Ничего вы не упустили! Наоборот! Принимайтесь сразу же за работу. Пишите! Вас будут читать тысячи людей. Ваш талант наконец получит признание.

Посетитель. Вы так считаете… Правда?

Ансело. Уверен. Начинайте сегодня же, как только вернетесь к себе. Приступайте немедленно.

Посетитель *(мечтательно).* Эта книга, моя книга, будет рассказом о преступлении, которое нельзя раскрыть.

Ансело. Она будет иметь огромный успех при единственном условии: что она будет написана. Ведь без этого нельзя?

Посетитель. А потом… потом…

Ансело *(снова неожиданно забеспокоившись).* Потом вы ее издадите, конечно?

Посетитель. Да. И никакой полиции не найти убийцу.

Ансело *(дружески подталкивая его к двери).* Блестящая идея! Ну, скорей домой!

Посетитель *(у двери).* Еще минутку, мсье Ансело…

Ансело *(с тревогой).* Что вам еще нужно? Посетитель. Вы мне не разрешите выйти с черного хода?

Ансело *(с облегчением).* Ну, разумеется! С удовольствием. Пройдите сюда.

Посетитель выходит в левую дверь.

(Провожает его до кулис.) Да, эта дверь.

Слышен звук закрываемой двери.

Ансело возвращается к письменному столу и обессиленно падает в кресло. Он отирает пот со лба и закуривает сигарету. Музыка по радио заканчивается, и голос диктора объявляет: «Дорогие радиослушатели, мы надеемся, что вы с удовольствием прослушали нашу очередную передачу из серии „Да здравствуют летние отпуска!“ Теперь мы предлагаем вашему вниманию полицейскую пьесу под названием: „Убийца на лестнице“».

Ансело *(подскакивает и выключает приемник).* Ну нет!

Затемнение.

Дестрие возвращается на свое место. На сцене снова освещение и детали начала пьесы. Ансело в пиджаке.

Ансело. Вот, дорогой друг, и вся история.

Дестрие. Твоя жизнь была на волоске! А он больше не возвращался?

Ансело. Не накличь беды! На следующий же день я сложил чемоданы. И только на бискайском берегу, на котором мог никогда в жизни не

побывать, с облегчением сказал «уф!».

Дестрие. Но он мог вырвать у тебя трубку? Анселло. Нет. Он не предусмотрел собственной реакции на возможный звонок, — и все его построение рухнуло как карточный домик. Когда он увидел, что я схватил трубку… он застыл как вкопанный.

Дестрие. Но почему он выбрал именно тебя?

Ансело. Он же сам сказал. Этот милый тип — опаснейший параноик. Ему мало было доказать самому себе что он может безнаказанно меня убить, ему нужно было блеснуть передо мной — известным автором детективных романов — своим умением разработать план убийства. Выбор жертвы в какой-то степени обуславливался подсознательным стремлением продемонстрировать именно передо мной свою гениальность — поэтому я и смог уговорить его уйти, засыпав комплиментами.

Дестрие. Но издателю с тебя полагается магарыч. Не вздумай он тебе позвонить — писать бы мне репортаж о твоем убийстве. Для первой полосы.

Ансело. Мой издатель здесь абсолютно ни при чем по той простой причине, что он был в отпуске и в этот момент жарился на средиземноморском пляже.

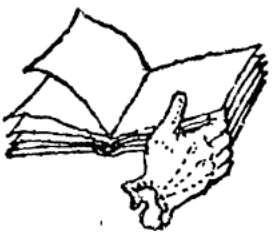
Дестрие. Так кто же звонил? Твой ангел-хранитель?

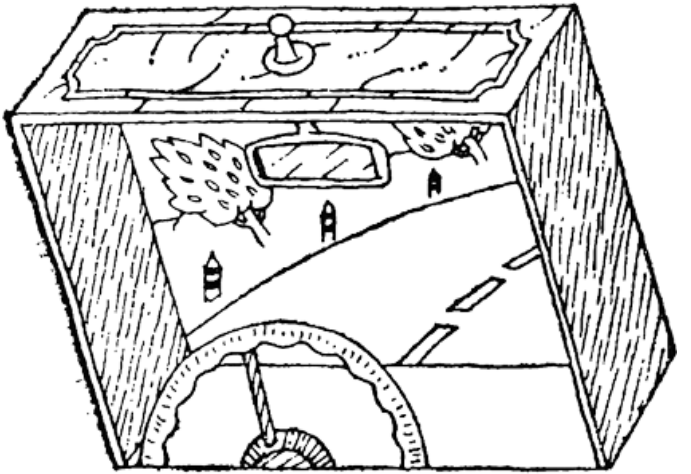
Ансело. Какая-то дама ошиблась номером. Она мне сказала: «Здравствуй, любимый. Как дела?» Что она потом говорила, я не слышал. Я сразу же выпалил свою тираду. Я догадывался, что она на другом конце провода что-то будет кричать в ответ, и поэтому говорил все громче и громче. Она сдалась и повесила трубку. Вообще, эта история со всех точек зрения…

Дестрие. Безумная история.

Ансело. Я как раз хотел это сказать. Еще немного виски?

Дестрие. С удовольствием.





Клод Фортюно
Учитесь водить автомобиль заочно!

Claude Fortuno — APPRENEZ À CONDUIRE PAR CORRESPONDANCE (1976)

Действующие лица:

Инструктор, *строгий вид, массивные очки, темный костюм, степенная походка.*

Ученик, *тщедушный, робкий, закомплексо-*

ванный.

Интерьер (полагаемся на вкус читателя в выборе эпитета: «мещанский» или «типичный для среднего француза») с цветами в горшках, семейными портретами и дипломом в рамках, щеглом в клетке. Словом, автор дает лишь наметки, дальше можете действовать по собственному усмотрению. Необходимый элемент — небольшое возвышение в центре комнаты, на которое по ходу пьесы будут поставлены три стула. Ученик один, в руке он держит «Правила дорожного движения».

Слышен голос по радио: «Дорогие слушатели, читая газету или журнал, вы иногда задерживаете взгляд на объявлениях, приглашающих вас записаться на „Заочные курсы бальных танцев“, или „Заочные курсы рисования“, или „Заочные курсы аутотренинга против бессонницы“ и тому подобное.

Однако в современной жизни выявилась насущная потребность организации еще более необходимых курсов, а именно:

заочных курсов, целью которых является оказание помощи лицам, стремящимся без потери времени и с положительным результатом обогнуть опаснейший мыс житейского плавания — мыс получения водительских прав. Мы постараемся убедить вас в рациональности нашего метода обучения, который — мы в этом глубоко убеждены — не только вызовет сенсацию, но и приведет вас к намеченной цели.

Не откладывайте в долгий ящик! Учитесь водить автомобиль… заочно!»

Ученик *(повторяет два раза).* «Сцепление синхронизируется с изменением скорости и задней подсветкой путем прижатия тормозных колодок к передним колесам с одновременным клаксонироваиием и компенсированным педалированием».

Звонок в дверь. Входит инструктор с портфелем в руках.

Инструктор. Разрешите представиться. Робер Домкрат. Кал.

Ученик. Простите?..

Инструктор. Кал — курсы автолюбителей. Дипломированный преподаватель. В этом качестве я являюсь к вам, чтобы принять у вас, как было предусмотрено программой наших курсов, последний экзамен по практическому автовождению.

Ученик. Очень приятно.

Инструктор *(холодно).* Мне тоже. Вам было заранее сообщено о моем приходе.

Ученик. Да-да, как же, вспомнил.

Инструктор. Прекрасно. Надеюсь, вы досконально изучили нашу теорию вождения автотранспорта?

Ученик *(робко).* Я изо всех сил старался как можно лучше выполнять домашние задания.

Инструктор. Разрешите? *(Садится в кресло.)* Перед последним практическим экзаменом я хотел бы освежить в памяти все ранее присланные вами задания в целом!

Ученик *(обеспокоенно).* Вы считаете — это необходимо?

Инструктор. Безусловно. Когда сейчас вы возьмете баранку в руки, я на основании данных вами ответов смогу лучше судить о приобретенных вами навыках и в случае необходимости вносить поправки. Катастрофа может произойти в любой

момент.

Ученик. Хорошо, мсье.

Инструктор *(доставая бумаги из папки).* Посмотрим… ваши задания. Первое: «Перечислите необходимые элементы автомобиля». Что вы отвечаете: «Кузов, мотор, четыре колеса, сиденья». Да, естественно.

Ученик. У моего младшего есть игрушечная машинка… я брал ее посмотреть.

Инструктор. Пятое и шестое задание. Один вопрос дважды: «Как двигается автомобиль?» Не могу разобрать, что вы написали?

Ученик. Я написал: «ездит».

Инструктор. Да… Пойдем дальше. «Где находится бензобак?» Правильно. «Нарисуйте машину без кузова». Совсем не могу разобраться в вашем рисунке.

Ученик. Сейчас объясню. Я не запомнил, в той модели, которую рисовали, где мотор — спереди или сзади. Поэтому, чтобы не ошибиться, нарисовал и там и там.

Инструктор. Глупо. А что значит сверху эта цифра «сто пятьдесят»?

Ученик. Это… скорость. Разве в вопросе указывалось, что машина стоит?

Инструктор *(снова берет бумаги).* Ваши послед-

ние работы уже лучше. Явный прогресс. Отметка «хорошо».

Ученик. Это меня приободрило.

Инструктор. Мы умеем приободрить ученика. В основе нашего метода обучения лежит прежде всего психология. Впрочем, каждого кандидата мы подвергаем тестированию.

Ученик. Да-да, помню.

Инструктор обдает его ледяным взглядом.

Простите.

Инструктор. Тестирование выявляет степень сосредоточенности учащегося. В соответствии с этим мы предварительно подбираем тип автомобиля, соответствующий его ментальной трансмутации. Таким образом нам удается создать в мозгу водителя невероятный автоматизм. Понимаете, мсье, — я имею право вас об этом спросить — кем вы были раньше? А? Я вас спрашиваю.

Ученик. Служащий. А теперь — замначальника.

Инструктор. Нет, мсье!

Ученик. Уверяю вас…

Инструктор. Вы были эмбрион, бессознательный зародыш, скажу больше — прах, ничто! Вы

меня поняли?

Ученик. Как сказать… не очень.

Инструктор. Вы были нуль!

Ученик. Теперь понял.

Инструктор. Полуфабрикат!

Ученик *(заинтересованно)*. Как?

Инструктор. Я сказал: полуфабрикат.

Ученик *(не улавливая оскорбления, вежливо).* Ах так.

Инструктор. Наш метод возвращает вам уверенность в себе. Вы никогда не пожалеете, что с ним познакомились… Вы его освоили! Он научил вас, куда и как двигаться в жизни. Разумеется, это нельзя сделать в один день, ни в два, ни в три, ни в пять, но можно — в десять дней занятий, оплачиваемых в кредит в три взноса. Исключительно льготные условия!

Ученик. Что да, то да.

Инструктор. Впрочем, наши курсы сами по себе исключительны. Поищите другие такие! Ничего подобного нигде не сыщете. Что вы сказали? Ничего. Вы правы. *(Поэтично.)* Революция, дорогой друг, настоящая революция в искусстве овладения автовождением без вождения машины: у себя дома, в своем кресле, между телевизором и стиральной машиной… Жена ваша, например,

может научиться водить, кормя грудью ребенка.

Ученик. У нее нет молока.

Инструктор *(распаляясь).* Горючее не имеет значения! Да, говорю вам, это — революция! Никогда — вы меня слышите? — ни при каких обстоятельствах мы не сажаем учащихся за руль — впрочем, у нас и машин для этого нет, — но со всех дорог «прекрасной Франции» до нас доносятся сведения о сногсшибательных успехах наших учеников! Излишне напоминать вам наш девиз: «Будете водить с закрытыми глазами!» В горле пересохло. У вас есть что-нибудь выпить? Ученик. Черносмородинной?

Инструктор. Черносмородинную — ни в коем случае. Лучше вина.

Ученик наливает.

Спасибо. Итак, пора применить знания на практике. Берем эти два стула. Третий у вас найдется? Прекрасно. Ученик. Что мы будем делать?

Инструктор. Сейчас поедем в машине! Отвернитесь. Закройте глаза. Сосредоточьтесь.

В то время как ученик, повернувшись спиной к публике, сосредоточивается, инструктор расставляет на возвышении три стула. Один изображает мотор машины, два других — сиде-

нья. Затем он достает из портфеля цветную пластмассовую трубку, которую сгибает в кольцо, имитирующее руль, и прикрепляет его клейкой лентой к спинке переднего стула.

Вы уже выбрали модель будущей машины?

Ученик. Нет. У меня нет предпочтения. Лишь бы ездила…

Инструктор. Будет ездить!

Ученик. Хочу, чтобы она была зеленого цвета.

Инструктор. Будет зеленой! Сосредоточились! Сосредоточились?

Ученик. Сосредоточился.

Инструктор. Видите ее?

Ученик. Вижу.

Инструктор. Прекрасно. Обернитесь. *(Показывает на стулья.)* Она перед вами. Что, хороша?

Ученик *(неубежденно).* Да, очень.

Инструктор *(радостно).* А теперь мы в нее сядем. Ну залезайте. Да не сюда, вы садитесь на капот! Сюда. *(Сам садится рядом.)* Берите руль.

Ученик. Я немного волнуюсь. Я в первый раз в жизни веду машину.

Инструктор *(покровительственно подбадривает).* Привыкнете, привыкнете. Если чуть что не так, я рядом. Вы абсолютно ничем не рискуете.

Ученик. Ну, все-таки… *(Внезапно.)* Ящик для

перчаток?

Инструктор. Что — ящик для перчаток?

Ученик. Где он, ящик для перчаток?

Инструктор. Но, друг мой, это же не деталь ходовой части! Вы хорошо помните наш последний урок?

Ученик. Да.

Инструктор. А список оскорбительных эпитетов для употребления в разговоре с другими водителями и с пешеходами, переходящими улицу? Наизусть знаете?

Ученик. Я жене повторял несколько раз.

Инструктор. Повторите в алфавитном порядке.

Ученик. Болван, идиот, кретин, паразит…

Инструктор. Совсем не то. Не с тем выражением. Вы что, не парижанин?

Ученик. Я из Лиона.

Инструктор. Чувствуется. Подскажу вам тон. *(Спускается с возвышения и поворачивается лицом к публике кричит.)* Болван! Идиот! Кретин! Паразит! Подонок! И так далее. Ну, давайте сначала!

Ученик *(лицом к инструктору, кричит так, что тот отступает).* Болван! Идиот! Кретин! Подонок! Раззява! Урод! Чучело!.. Паразита про-

пустил.

Инструктор. Да-да, хорошо, верно. Перейдем теперь к обиходным выражениям. Слушаю вас.

Оба поднимаются на возвышение.

Ученик. «Где ты водить учился?», «Вылез на дорогу в своем катафалке!», «Эй, дед, вышел на свою последнюю прогулку?», «А в морду не хочешь?», «Где у тебя глаза?», «Залез в машину и думаешь, умнее всех!», «Куда прешь, корова?»

Инструктор. Достаточно. Можем трогаться.

Ученик. Вам не надует?

Инструктор. Надует?

Ученик. Я подумал: может быть, стекло поднять?

Инструктор. Поднимите, если вам так больше нравится.

Ученик мимически изображает.

Дорога спокойная. Прямая. Поехали.

Ученик *(входя во вкус).* А можно мне время от времени рычать, как мотор? Это мне поможет.

Инструктор. Рычите. Я не возражаю. Отрегулируйте сиденье. Посмотрите, стоит ли рычаг скоростей на нейтральной. Отлично. Где ключ? Контакт. Стартер. Заводите… Первая. Отъезжая,

помните три вещи: снять с ручного тормоза, включить указатель поворота и посмотреть в зеркало заднего вида. Не утыкайтесь носом в баранку. Вторая… Поехали. Не бойтесь. Переключайте на третью… Немножко напряженно, да? Газ!!!

Ученик. Газ?

Инструктор. Да. Что вы так в баранку вцепились? Вспомните все, чему учились на наших заочных курсах. Едем…

Вся сцена должна быть мимически очень хорошо сыграна. Время от времени ученик изображает звук мотора.

Вираж… Заранее притормаживайте. Резко, слишком резко! Держитесь правее, что вас заносит на середину дороги?

Ученик. На середину? Мне не кажется.

Инструктор. А мне кажется. Навыки, навыки и еще раз навыки. Третье занятие, глава вторая, страница тридцать третья, первый абзац. Осторожно, что там впереди?

Ученик *(испуганно).* Где?

Инструктор. Перед нами!

Ученик. Что?

Инструктор. На вторую! Гудок, черт побери!

Ладно, проскочили.

Ученик. А что там было?

Инструктор. Стадо коров. Теоретически вы задавили трех и пастуха. В следующий раз будете внимательнее.

Ученик. Буду внимательней.

Инструктор. Подъезжаем к перекрестку. Шестое занятие, страница десятая, глава пятая. Будете поворачивать. Приоритет справа. Вторая. Смотрите в зеркало. Что видите?

Ученик. Полицейского. Можно, я подальше поверну?

Инструктор. Включите мигалку.

Ученик. Для этого я должен выйти?

Инструктор. Да нет, вы что! Под баранкой. Так, теперь поворачивайте. Сцепление. Третья.

Ученик. Можно ехать?

Инструктор. Да. Теперь я вам больше не буду давать советов. Действуйте сами.

Ученик. Как — сам?

Инструктор. Не нервничайте. Расслабьтесь. Вы напряглись, как пружина. Сядьте поудобнее. Руль не выпускайте!!!

Ученик. Так уже лучше?

Инструктор. Надо вам перечесть ваши записи.

Ученик. Я умею ездить на водном велосипеде.

Но здесь не совсем так. Небольшая разница.

Инструктор. Может, въедем на подъемчик?

Ученик. Не против.

Инструктор. Въехали!

Ученик. Уже?

Инструктор. Вы что, по мотору не слышите? Еле тянет. Переходите на вторую. Сцепление. Плохо, плохо. Мотор пожалейте. Заглох.

Оба одновременно на несколько мгновений откидываются назад на своих стульях.

Ученик *(изображая звук мотора).* Послушайте звук… Уловили?.. Как?

Инструктор. Никогда не форсируйте мотор. Уважайте!

Ученик. Хорошо, мсье.

Инструктор. Смотрите, загорелась красная лампочка!

Ученик. Где?

Инструктор. Вот. Давление масла падает.

Ученик. Но мы-то поднимаемся?

С этого момента включается фонограмма работающего мотора.

Звук будет все время усиливаться до конца диалога.

Инструктор. Мы проезжаем деревню, дома, площадь, мэрию, церковь…

Ученик *(ухмыляясь).* Быстро!

Инструктор *(строго).* Не отвлекайтесь. Смотрите на дорогу. И на знаки.

Ученик. Какие знаки?

Инструктор *(с возмущением).* Дорожные! Теперь снова можете спокойно ехать. Никаких опасностей. Третья, газуйте. Я могу на несколько минут расслабиться. Дорога прекрасная.

Ученик *(счастливо).* Птицы поют! Люблю ездить по прямой дороге.

Инструктор. Но всегда надо быть начеку. Не забывайте, что может встретиться светофор или выскочит дурак на мотоцикле.

Ученик. Не волнуйтесь! Если мотоцикл захочет меня обогнать, я пропущу.

Инструктор. Не зарекайтесь. О-хо-хо!

Ученик. Когда я был маленьким, мой дедушка мне всегда говорил: предусмотрительность — гарантия безопасности. Мудрый был человек. Несколько замкнутый…

Инструктор. А кто он был по профессии?

Ученик. Тюремный сторож.

Инструктор *(закуривая сигарету).* Вы уже заказали себе машину?

Ученик. Нет еще.

Инструктор. Чего вы ждете?

Ученик. Получить к концу года тринадцатую зарплату. Куда мне торопиться? Я сейчас в конторе вечерами остаюсь, подрабатываю. Кое-какие деньги наскреб. Вы знаете, у меня уже балеринка появилась!

Инструктор *(ошарашенно).* Да вы что? Отец семейства!

Ученик. Прелесть. И в общем недорого!

Инструктор. Недорого?

Ученик. Маленькая куколка, которую я повешу на переднее стекло.

Инструктор. Ах куколка! Это я одобряю. Да и если на вас посмотреть…

Шум мотора усиливается.

Ученик. Хорошо, а? Воображаю, как будет в отпуске… Едем! *(Напевает.)*

Инструктор *(ему уже надоело).* Отлично. Вы прекрасно справляетесь.

Ученик. Правда?

Инструктор *(недовольно).* Я же вам говорю!

Ученик *(выпрямляясь на сиденье).* Что мы, хуже других? Прибавить газу? *(Входя во вкус.)* На четвертую?

Инструктор *(наслаждаясь сигаретой).* Валяйте.

Ученик. Жму! *(Подражает разным автомобильным шумам. Все более распаляется.)* Семьдесят… Восемьдесят… Уже сто на спидометре… Машина… Обогнал! Другая… Ну, даешь сто двадцать! Жму! Поворот… Проскочили! Вперед и прямо! Шлагбаум…

Инструктор. Опускается…

Ученик. Успеем! Прошли под ним! *(Показывает большой палец.)* Вот так! И вперед!

Инструктор. Сбавляй скорость! Третья…

Ученик. Ладно! Сколько здесь педалей!.. Что-о-о? Обгонять меня? И баба за рулем! Четвертая! Газ! Ну, красотка, я тебе покажу! Долго будешь помнить!

Инструктор. Свет!

Ученик. Что — свет?

Инструктор. Красный свет!

Ученик. Не до него! Проскакиваю!

Инструктор *(ошеломленно).* Но…

Ученик. Опять красный? Что они, на красном помешались? Осторожно, бабушка! Ой, я се объехал! Полиция… с дороги, задавлю!

Инструктор. Вы с ума сошли! Успокойтесь, прошу вас!

Ученик *(в полном азарте).* Ну-ну, смелее… Вперед… Педаль до отказа… Сто тридцать… Сто пятьдесят… Восторг! Перекресток! Прорываюсь…

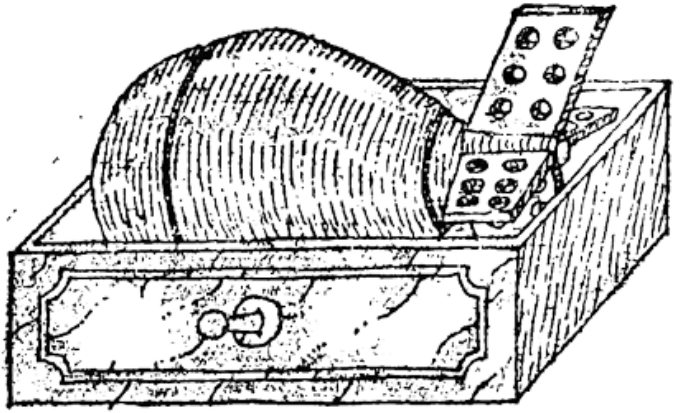
Инструктор. Приоритет справа! Стоп!

Ученик. К черту! *(Толкает локтем инструктора, который падает со стула и оказывается на полу перед возвышением.)*

Инструктор *(лежа на животе).* Ох! Ах! Ох! Спускайтесь на землю.

Ученик *(как в горячке).* Я им всем покажу! Смотрите на меня! Дорогу! Берегись! Мой начальник отдела — давлю! Мой директор — давлю! Женщины смотрят… Каждая бы хотела… Наконец я человек! Скорее, еще скорее! Еще, еще скорее! Газ! Вот это прогресс!

Шум мотора, грохот, сирена, гудки, звон разбивающегося стекла и… конец.



Мишель Фор
Бес вселился

Michel Faure — LE DIABLE EN ÉTÉ (1970)

Действующие лица:

Шюто — *крестьянин. Под шестьдесят. Перед тем как сказать слово, долго думает. Подозрительность и недоверие к людям, переходящие в ненависть, — единственный мотив его поступков.*

Мария — *жена Шюто. Помоложе. Основная черта — здравомыслие, Ко всему изучающе при-*

глядывается и говорит мало.

Ляборд — *коммивояжер. Сорок пять — пятьдесят лет. Продаст отца и мать.*

Вечер. Столовая на ферме Шюто. Простая мебель: буфет, длинный стол, две скамьи, один или два колченогих стула. Слева — громадный очаг-камин, огромная кухонная плита, служащая и для отопления и для приготовления пищи. Над камином — двуствольное ружье. В углу — большие часы. Справа, как дыра, вход в соседнее помещение — маленькую комнатку, в которой видны очертания бака и водяного насоса. В центре — входная дверь, ведущая во двор фермы. Рядом — окно. С потолочной балки жалко свисает слабенькая электрическая лампочка без абажура.

Шюто и Мария медленно хлебают суп, бросая в него кусочки хлеба. На столе — большая плетеная хлебница, бутылка вина, сыр.

По временам Шюто задумывается, перестает есть, потом глубоко вздыхает и снова вяло принимается за еду. Мария

краем глаза наблюдает за ним.

Шюто *(кладет ложку в миску и вытирает рот рукавом; спокойно).* Хватит с меня. С меня хватит.

Мария на мгновение приостанавливается, затем снова принимается за еду.

Не пройдет и недели, Мария… не пройдет и недели…

Мария. Ну и что?

Шюто. Как будто ты не знаешь. Мне осточертела эта проклятая деревня. Все — мэр, безмозглые советники, кюре, детский хор, жандармский капитан и особенно подонок Гюстав, который разъезжает на своем старом ржавом тракторе по моей дороге! Дерьмо! *(Стучит кулаком по столу.)* Дерьмо! *(Пауза.)* Дерьмо! *(Тоном ребенка, собирающегося заплакать.)* Я больше не могу.

Мария. Что же ты сделаешь?

Шюто. Что же я сделаю?

Мария. Да, что же ты сделаешь?

Шюто опускает глаза к миске с супом.

Ешь лучше суп. Остынет.

Шюто *(тихо).* Дерьмо.

Мария *(берет воображаемого паука и кладет на стол).* Паук — известие.

Шюто. Проклятый паук.

Мария. Божья тварь.

Шюто. Божья!

Мария. Шюто!

Шюто *(ворчливо).* Да верно говорю.

Мария. Тебе бы надо почаще в церковь ходить.

Шюто. Еще чего! *(Выпивает стакан вина и наливает другой.)* Пекло.

Мария. Окно открыто.

Шюто. Сегодня еще жарче, чем вчера.

Мария. В это время года всегда.

Шюто. Всегда или не всегда, так сдохнуть можно. У меня суп остыл.

Мария встает, выплескивает в котел содержимое миски, мешает, снова наливает в миску и садится за стол.

Все перемешалось. То холод, то жара, не поймешь, какой месяц.

Мария. Июль.

Шюто. Пусть июль, по весны-то не было. Всё их бомбы.

Мария. Ешь свой суп.

Шюто. Оставь меня с твоим супом! *(Все же*

смиряется и зачерпывает ложку.) Ой! Кипяток! Я обжегся.

Мария. Обождал бы немного.

Шюто. Обождал… Только и делаешь, что ждешь. Ждешь дождя. Ждешь, когда взойдет. Ждешь, когда поспеет. Летом ждешь осени, зимой — весны. Здесь подохнуть можно — так жарко.

Мария. Сними куртку.

Шюто. С какой стати мне снимать куртку! Можешь ты мне сказать — с какой стати?

Мария. И ешь суп.

Шюто. Не сегодня завтра терпение мое лопнет. *(Выпивает стакан вина.)* Я чувствую. *(Угрожающе потрясает бутылкой.)*

Мария кивает.

(Наливает и ей.) Хорошо еще, что у нас это винцо осталось.

Мария. Возьми немного сыру, уж если суп не ешь,

Шюто. Давай.

Мария подвигает ему сыр, и он отрезает себе кусок.

Общество прогнило, Мария. Хоть цветами осыпь — одна вонь. Как у сыра.

Стук в дверь. Шюто и Мария обмениваются удивленными и настороженными взглядами.

Мария. Слышишь?
Шюто. Да.
Мария. Вроде кто-то идет.
Шюто. Вроде.

Снова стук.

Мария. Что будем делать?
Шюто. Ничего.
Мария. Но, может быть…
Шюто. Ничего не может быть. Шляется кто-нибудь, какой-то турист. Приплелся клянчить спички, или хлеб, или еще что-нибудь.

Снова стук.

Нет, наверно, у кого-то машина сломалась.

Мария встает и идет к двери.

Скажи ему, что здесь не гараж!

Пауза.

А если попросится переночевать, скажи, что здесь не постоялый двор!
Мария. Кто там?
Ляборд. Это я.

Шюто. Что он говорит?

Мария. «Эго я».

Шюто. Спроси его, а кто он такой?

Мария. Кто вы такой?

Ляборд *(нараспев, дружеским топом продавца).* Мсье Ляборд.

Мария *(к Шюто).* Его зовут Ляборд.

Шюто. Ляборд? Не знаю такого. Скажи ему, чтобы проваливал, пока я не взялся за ружье.

Ляборд. Мне нужен мсье Шюто. Он здесь живет?

Мария. А что вам от него нужно?

Ляборд. Поговорить с ним.

Мария. Он хочет с тобой поговорить.

Шюто. Нашел время — по ночам. *(Идет, снимает со стены ружье.)*

Мария. Приходите завтра утром. Сейчас уже поздно.

Ляборд. Мадам, говорить о деле никогда не поздно.

Шюто. Что он там мелет? *(Ляборду.)* О каком еще деле?

Ляборд. Выгодном деле, мсье Шюто.

Шюто *(после короткого колебания).* Нам ничего не нужно.

Ляборд. Человеку всегда что-нибудь нужно,

мсье Шюто.

Шюто. Порядочные люди в такой час делами не занимаются.

Ляборд. Когда речь идет о том, чтобы заработать деньги, час значения не имеет.

Шюто *(колеблясь).* У нас все есть. Правда же, Мария?

Ляборд. Ну тогда я пошел. А жаль. У меня было к вам великолепное предложение. Но раз не хотите, так не хотите. Может быть, ваш сосед заинтересуется.

Шюто. Какой сосед?

Ляборд. Да какой-то мсье Гюстав, как его дальше…

Шюто. Постойте. *(Делает Марии знак открыть дверь.)*

Мария с опаской отпирает многочисленные засовы и замки. Шюто берет ружье наизготовку. Мария открывает дверь. Появляется Ляборд. Это типичный энергичный современный коммерсант, какие изображаются на рекламных фотографиях.

Темно-серый костюм в тонкую белую полоску, роговые очки, чемоданчик-«дипломат». Его облик резко контрастирует с унылой деревенской обстановкой.

Ляборд. Мне что — руки вверх?

Шюто *(целясь в Ляборда).* Так что это за дельце?

Ляборд *(не двигаясь).* Странно вы людей принимаете. Могу я войти? Вы позволите?

Шюто немного отступает. Ляборд входит. Мария закрывает дверь. Ляборд останавливается в центре комнаты и осматривается.

Шюто *(продолжает держать Ляборда под прицелом).* Здесь не дворец.

Ляборд. Я вижу.

Шюто. Мы бедные крестьяне.

Ляборд. В самом деле?

Шюто *(немного опуская ружье).* Мы пи у кого ничего не просим и никому ничего не должны.

Ляборд. Это лучший способ быть независимым.

Шюто (*совсем опускает ружье, хотя и продолжает держать его в руках).* Стиральная машина нам не нужна.

Мария. И телевизор тоже.

Ляборд. Прекрасно.

Шюто. И трактор наш еще лет десять послужит. Правда, Мария?

Мария. Неужели!

Ляборд. Отлично.

Мария. А если вы продаете белье, то напрасно теряете время. У нас его полный шкаф. У нас даже есть простыни, на которых мы еще ни разу не спали.

Ляборд. Вы экономны. В наше время это качество встречается все реже и реже.

Шюто. И не вздумайте нам говорить, что мы получили какой-то приз. Один раз уже разыграли. Второй раз не выйдет.

Ляборд. Очень вам сочувствую. Вы правы, что остерегаетесь. Столько жулья развелось.

Шюто. Не понимаю, зачем я отворил эту чертову дверь. Нам ничего не нужно. Ничего мы не хотим. Ничего мы не купим. Ясно?

Ляборд. Яснее быть не может.

Шюто. Тем лучше.

Ляборд. Я целиком и полностью согласен со всем, что вы сказали. *(Кладет чемоданчик на стол и наклоняется вперед, как бы собираясь прочесть лекцию перед публикой.)* Мадам, мсье. Не в моих привычках тратить попусту время. Свое или чужое. Время — деньги, а деньги — это всё. Поверьте мне, что раз я приехал сюда специально из Парижа, то уж не для того, чтобы всучить вам наволочки, одеколон или лотерейные билеты.

Пауза.

(Многозначительно.) То, что я продаю…

Шюто *(молниеносно).* Мы ничего не купим.

Мария. Ничего.

Ляборд. То, что я продаю, — я продолжаю — доступно не каждому, и я отнюдь не собираюсь облегчить вас на несколько жалких банкнот.

Шюто. У нас их и нет.

Ляборд. То, что я продаю, стоит дорого. Очень дорого.

Шюто идет к двери и распахивает ее.

(Продолжает, не меняя тона.) Но может принести вам богатство. Огромное, колоссальное богатство.

Шюто закрывает дверь и возвращается.

Хотя я, может быть, и ошибся. Каждый может ошибиться. Определенно я не вовремя пришел. *(Делает вид, что хочет взять чемодан.)* Зайду в другой раз. Как-нибудь утречком.

Шюто. Что это за дельце?

Ляборд *(с ударением).* Это — дело, мсье Шюто. Серьезное дело.

Мария. Что за дело?

Шюто. Что задело?

Ляборд. Это особая вещь, которая в универмагах не продается. Вещь нужная.

Шюто. Для чего нужная?

Ляборд *(торжественно).* Я, Анри Ляборд, коммерческий директор «Общества индивидуальной охраны», предлагаю вам бомбу личного пользования.

Шюто. Бомбу?

Ляборд. Атомную.

Шюто *(удивленно*). Атомную?

Ляборд. Атомную бомбу.

Шюто. Атомную бомбу?

Ляборд. Лично для вас.

Шюто. А больше ничего?

Шюто смотрит на Марию и Ляборда. Он начинает смеяться, с перерывами, как мотор, который не сразу заводится. Смех его усиливается, переходя в дикий хохот. Наконец, выбившись из сил, он опускается на стул, все еще держась за бока. Мария наливает ему вина.

Ляборд. Говорят, человека от животного отличает смех. И атомная бомба тоже.

Шюто. Мария, налей мсье, он честно заслужил. Не часто нам приходится развлекаться. Раньше раз в год цирк заезжал, но теперь давно уж нет,

телевизор теперь вместо цирка.

Пауза.

Ляборд. Вы мне не верите?

Шюто. С каких это пор мелким фермерам продают атомные бомбы?

Ляборд. Любое дело с чего-то начинается. Мое общество первое в мире делает этот продукт предметом широкого потребления. До каких пор простые люди будут доверять решение своих судеб правительствам, не сознающим полностью своей ответственности и представляющим привилегированное меньшинство? Мы ставим этот вопрос ребром. И мы даем на него ответ. Вот наш ответ, или, точнее, лозунг: «Каждому свою бомбу!» Кратко, просто, прямо — и сказано все, что надо. Свободному гражданину в свободной стране — свобода защиты! Да здравствует свобода! *(Пауза.)* И свободное предпринимательство! А что касается вас, мсье Шюто, вы будете первым человеком в мире, имеющим бомбу в личном пользовании. Что вы на это скажете?

Шюто. А почему я?

Ляборд. Законный вопрос. Прежде чем остановиться на вас, мы, как вы понимаете, глубоко изучили рынки сбыта. И оказалось, что вы жи-

вете в превосходной малонаселенной местности и ваша ферма отлично изолирована. Благодаря этому вы для нас — идеальный клиент с точки зрения последующей рекламы пашей продукции. Бомба для семейного пользования, которую мы производим, разрушает все в радиусе километра. Согласен с вами, что немного, но значительно сильнее, чем динамит.

Шюто. И вашей погремушкой можно взорвать целую ферму?

Ляборд. Мсье Шюто, будем говорить серьезно. Ферму! Что такое ферма? Я вам продаю не тринитротолуол и не напалм. Если атомная бомба не может разнести к чертям простую ферму, к чему мы тогда придем, я вас спрашиваю?

Мария. Ты думаешь о Гюставе?

Шюто. Может быть, и о нем.

Ляборд *(с хитрой улыбкой).* Я вижу, что наша продукция начинает вас интересовать. *(Поднимает бокал.)* Пью за первую атомную бомбу для семейного пользования и за первую ядерную семью!

Шюто. Потише. Я еще ничего не сказал.

Ляборд. За ваше здоровье! Мадам… мсье.

Шюто *(круто).* Во-первых, никто не имеет права держать в доме бомбу.

Мария. Верно говоришь.

Ляборд. Так-так…

Шюто. Хранение оружия запрещено законом.

Мария. Мы не вчера родились.

Ляборд. Мне всегда очень неприятно противоречить клиентам. Конечно, запрещается иметь револьвер без специального разрешения, но не существует абсолютно никакого закона, ограничивающего продажу, приобретение и собственность на ядерное оружие. Абсолютно никакого. К тому же, когда у вас будет собственная бомба, какие уж тут законы!.. *(Делает неопределенный жест.)*

Шюто *(пьет).* У нас денег немного. Земли тут небогатые. Урожаи плохие. С нашими тремя коровами, шестью свиньями, дюжиной кроликов и курами далеко не уедешь.

Мария. Время трудное.

Шюто. Никаких доходов.

Мария. Приходится тратить сбережения. Есть-то надо.

Ляборд. Я понимаю. Не у вас одних финансовые проблемы. Я готов пойти вам навстречу в отношении льготных условий оплаты. Внесите мне залог, а затем будете выплачивать десять лет, двадцать лет — как захотите.

Шюто. В жизни не покупали в кредит, не теперь начинать.

Мария. Мы всегда расплачиваемся наличными и никому не должны.

Ляборд. Все совершенно правы. Верные счеты — верные друзья. И экономия на процентах. Только сумма-то относительно высокая.

Шюто. Сколько?

Ляборд. Значительная сумма.

Шюто. Сколько?

Ляборд. Наш продукт — не только предмет потребления, но и орудие производства.

Мария. Это бомба-то?

Ляборд. Это капитал. Вы можете предложить соседям взять их под свою *(значительно)* охрану. Как вассалов в средние века. Из расчета… небольшой денежной компенсации с их стороны. Расходы на содержание и храпепие, например. В нашей инструкции говорится и о других способах применения. *(Протягивает брошюру Шюто, который на нее и не смотрит.)*

Шюто. Сколько?

Ляборд. В любых случаях протестов, забастовок, баррикад — во всех случаях, которые вредят нормальному ходу дел, — вам достаточно будет только цыкнуть — и порядок восстановится как

по волшебству! Вы станете большим человеком, все перед вами будут ходить на задних лапках, мсье Шюто. Подумайте, вы будете первым гражданином в стране, который сможет говорить с президентом на равных. Вам нечего будет бояться полиции, а армия запрограммирует вас на своих компьютерах как один из факторов риска. Вы станете всемогущи. Потомки будут учить ваше имя по учебникам истории. Вы, персонально, явитесь важным этапом в эволюции человеческой личности, как Наполеон. Подумайте о славе.

Шюто. Сколько?

Мария. Сколько?

Ляборд. Учитывая исключительные обстоятельства, я готов предоставить вам продукцию по сниженной цене, как первому клиенту. Двадцать процентов скидки, доставка на дом за наш счет плюс бесплатно, как сувенир от фирмы, бумажный мешок.

Мария, Какой еще мешок?

Ляборд. Министерство национальной обороны предписывает обязательное пользование ими в качестве противоатомной защиты. Считается, что они очень эффективны в случае выпадания радиоактивных осадков. Да я даже дам вам два. Розовый для мадам, голубой для мсье. Что вы на

это скажете? Для нас главное, чтобы клиент был доволен. *(Достает из чемоданчика бумаги.)* И, наконец, последнее. Ни при каких обстоятельствах фирма не несет ответственности за ущерб, могущий быть нанесен при пользовании нашей продукцией. Мы только производители.

Шюто *(с силой).* Сколько?

Ляборд. Пятьдесят… с дополнительными принадлежностями.

Шюто. Пятьдесят чего?

Ляборд. Пятьдесят миллионов франков.

Шюто. Слышишь, Мария?

Мария. Я не глухая.

Шюто. С нас, с нас, бедных крестьян, которые с утра до вечера гнут спину за ломоть хлеба, — пятьдесят миллионов!..

Ляборд. Мне очень жаль. Я, возможно, ошибся, обратившись к вам. У вас нет таких денег?

Шюто *(качая головой).* Пятьдесят миллионов!..

Ляборд. Если бы я знал, я бы не отнимал у вас напрасно время. И не терял бы свое. *(Берет чемоданчик.)* Каждый может ошибиться. Который час? Может быть, мне еще не поздно зайти к вашему соседу, мсье Гюставу, забыл фамилию…

Шюто. Сорок.

Ляборд. Что вы сказали?

Шюто. То, что вы слышали.

Мария. Шюто!

Ляборд *(кладет чемоданчик).* Сорок миллионов?

Шюто. Да.

Мария. Шюто!

Шюто. Цыц! Не бабье дело!

Мария. Все наши деньги, по крохам…

Шюто. Цыц, я сказал. *(Ляборду.)* Сорок.

Ляборд. Положа руку на сердце, скажу вам, что вы не отдаете себе отчета в реальном положении вещей. Вы еще не оценили уникальность и возможную эффективность нашей продукции. Кроме того, вы не имеете ни малейшего представления о себестоимости атомной бомбы, пусть даже самого маленького размера. Когда мы поставим производство на поток, мы сможем наверстать капиталовложения за счет количества, но пока мы до этого не дошли. Мы несем колоссальные расходы. Нам нужно покупать уран, платить ученым, инженерам, техникам, высококвалифицированным рабочим. А научные исследования — это сплошное разорение. Нам пришлось купить целый остров для пробных испытаний. Но даже когда бомба изготовлена — это только начало. Нам нужно добиться максимального коэффици-

ента полезного действия. Требования клиентуры растут. Атом — это серьезно. Это наука. При одной и той же разрушительной силе понадобилось бы невообразимое количество обычных бомб. А где бы вы их держали? В гараже? Какой риск! Одна искра — и бам! Будьте разумны. С нашей бомбой вы можете жить тихо и мирно. Никакой опасности. Она не боится ни жары, ни сырости, а износ происходит только при употреблении. Причем вам для этого не нужно никаких бомбардировщиков — цепляете ее спокойно сзади к вашему трактору и оттаскиваете на любое место по вашему усмотрению. И все. Просто как «здрасте». Потом вы, не торопясь, возвращаетесь домой, и всего-то, что вам остается сделать, — нажать пальчиком на маленькую, чистенькую красную кнопочку. Детская забава. Коробка телеуправления прилагается к бомбе бесплатно. Она маленькая, элегантная, уместится на ночном столике. Вы можете вызвать цепную реакцию, лежа в теплой постели, на мягкой подушке… Ну, что еще добавить? Даю вам честное слово, что после взрыва все будет сметено с лица земли в радиусе километра. Ни одного дерева. Ни одной травинки. Ничего. Золотое дело.

Шюто упрямо молчит.

Мария. Куры уже давно спят, пора и нам.

Ляборд *(после долгого колебания).* Ладно. Сорок. Подписывайте.

Шюто. Раньше надо посмотреть товар.

Ляборд. Прекрасно. Одну минуточку. *(Выходит.)*

Мария *(подходит к Шюто).* Ты думаешь, он за ней пошел?

Шюто. Откуда мне знать?

Мария. Почему же он вышел?

Шюто. Откуда мне знать?

Мария. Он пошел за ней.

Шюто. Подождем — увидим.

Мария. Он ее сюда притащит.

Шюто. Ну и что?

Мария. Шюто…

Шюто. Ну?

Мария. Мне страшно.

Шюто. Чего бояться? Всего-навсего атомная бомба.

Мария. А вдруг что случится?

Шюто. Ты всегда все видишь в черном свете.

Мария. Я боюсь.

Шюто. Заткнись. *(Пауза.)* Другие больше будут бояться.

Мария. Ты думаешь?

Шюто. Факт. Будут жить, как на бочке с порохом. Сон потеряют. Из головы не выйдет. Будут притворяться, что забыли, даже делать вид, что смеются, но на душе-то геенна огненная.

Мария. А мы?

Шюто. Они будут жить, как осужденные перед казнью. Знаешь, что они будут просить у бога каждый вечер, молясь? Чтобы он послал им еще один день. Хотя бы один.

Входит Ляборд, толкая перед собой маленькую тачку с бомбой. Она черная, блестящая, и на ней крупными красными буквами написано: «Общество индивидуальной охраны». Мария пятится, а Шюто подходит к бомбе и ходит вокруг, рассматривая ее с восхищением, как мальчик — гоночный автомобиль.

Ляборд *(гордо).* Вот. *(Пауза.)* Внутри атомы. *(Снова пауза. Наслаждается произведенным эффектом.)* Атом состоит из трех частиц. *(Откашливается, прочищая горло.)* Протон — положительный. Нейтрон, как видно, из названия, — нейтральный. Они вдвоем составляют то, что на профессиональном языке называется «ядро».

Шюто. Ядро?

Ляборд. Вот именно. Как ядро ореха или се-

мечка. Вокруг этого ядра без устали вращается электрон, оп-то — отрицательный. Все очень просто. Атомная энергия как раз и высвобождается при расщеплении ядра.

Шюто. Ах, значит…

Ляборд *(перебивая).* Да. Проще говоря, расщепление материи вызывает взрыв. Понятно?

Шюто. А где материя?

Ляборд. Внутри. Если хотите узнать подробности, прочтите прилагаемую инструкцию. В ней все объясняется. Способ употребления, условия хранения, применение — на любой вопрос получите ответ. Существует уйма всяких бомб, но только атомная может сравниться с землетрясением. Потому она и стоит так дорого. А вот коробка телеуправления. *(Кладет на стол маленькую коробочку.)* Мы все предусмотрели. Теперь можете подписывать.

Шюто подписывает контракт.

И…

Шюто. Чего?

Ляборд. Деньги.

Шюто. Ах да. *(Идет в соседнюю комнату.)*

Ляборд направляется следом за ним, но Шюто останавливается, оборачивается и бросает на

Ляборда злобный взгляд.

Ляборд. Ах! Простите. *(Возвращается.)*

Шюто выходит.

(Марии.) Красивая-то какая, а? Вы даже можете держать ее здесь.

Шюто возвращается с мешком из рогожи, набитым деньгами.

Он высыпает их из мешка на стол.

Ляборд тотчас же принимается считать, укладывая в пачки.

Шюто. Не тратьте силы. Ровно сорок.

Ляборд. Я вам полностью доверяю. *(Тем не менее пересчитывает.)* Находятся глупцы, которые развлекаются, внушая людям, что атомная бомба вышла из моды. Что никогда не будет атомной войны. Что эта тема уже всем навязла в зубах. Что об этом написали уже горы книг и уйму пьес. Дурачье. Вот пять. *(Откладывает в сторону пять пачек.)* Хотя правда и то, что сейчас в ходу партизанская война. *(С презрением.)* Партизанщина!.. Штыком и гранатой в конце двадцатого века — курам на смех! Полный абсурд! Пощечина человеческому интеллекту. Десять. *(Откладывает пачки.)* В Азии, в Африке, в Южной Америке все

дерутся чем попало. В индустриально развитых странах студенты выкапывают из мостовых булыжники и запускают ими в полицейских, вооруженных дубинками. Пещерный век. Пятнадцать. На стенах Сорбонны было написано: «В конце каждой мысли стоит булыжник». Это верно. Но я предпочитаю говорить иначе: «В конце человечества стоит атомная бомба». Двадцать. Вы мне можете сказать: «Студенты бросают булыжники, а мы атомных бомб не бросаем». Я знаю. Двадцать пять. Так почему же и нам не начать небольшой атомной заварушки? Очень просто — почему. Мы не решаемся. Слишком велик риск, мсье Шюто, слишком велик. Тридцать. Люди боятся. Поставьте себя на их место. Если расколется наш шарик — конец дракам, во что больше играть? Вот почему нам и пришла в голову мысль снова вернуть моду на идею атомной войны, пока людям она окончательно не надоела. Тридцать пять. Вот так и появилась наша бомба для семейного пользования. Таким образом обеспечено участие самых широких слоев населения. Подлинное участие. Я участвую, ты участвуешь, он участвует. Все верно. *(Быстро засовывает деньги в мешок.)* Теперь мне остается только поблагодарить вас и удалиться. Для меня

было большим удовольствием иметь с вами дело. Мадам… Мсье… *(Выходит.)*

Мария запирает дверь на засовы.

Шюто. Мэр со своими проклятыми советниками, кюре, детки из церковного хора, жандармский капитан и эта гадина Гюстав?..

Мария. Сорок миллионов!

Шюто. Это еще дешево. За эту цепу просто подарок. «Каждому свою бомбу!». Мы с тобой еще над ними посмеемся, Мария. Слышала, что этот мсье сказал? Только зарыть ее в поле — и все. Я хочу закопать ее рядом с фермой Гюстава.

Мария. Сейчас?

Шюто. Сейчас… или попозже… или завтра утром… или через несколько дней. Чего мне торопиться?

Мария. А куда мы ее пока денем?

Шюто. Она тебе мешает?

Мария. Как бы с ней чего не случилось!

Шюто. Замолчи, еще накаркаешь. Покажу я им, этим подонкам, из какого я теста. Дяденька Шюто — они меня называют. Может быть, меня и не избирали никогда муниципальным советником и ничем никогда не награждали, но зато сегодня у меня своя бомба. Моя собствен-

ная бомба. И вся их деревня взлетит в воздух к чертям собачьим, стоит только мне захотеть. Это лучший день моей жизни. *(Щедро наливает себе вина и одним глотком выпивает.)* Дяденька Шюто, у которого штаны в заплатах и который никогда не ездит в город, потому что он трясется над каждой копейкой. Шайка бандитов. Еще приползут лизать мои сапоги. На коленях — Мария, ты слышишь? — они приползут на коленях, и я заставлю их языком слизывать навоз с моих подметок. Грязь и дерьмо.

Мария. Что с тобой? Ты плачешь?

Шюто *(смахивая слезу со щеки).* От радости, Мари, от радости.

Мария. Шюто…

Шюто. Знаю… знаю, что ты мне скажешь.

Мария. Нет, не знаешь. Этот тип, этот самый… кто нам продал бомбу…

Шюто. Его зовут Ляборд.

Мария. Ты его знаешь?

Шюто. Ну да, раз я с ним дело имел.

Мария. Но раньше ты его никогда не видел.

Шюто. Ну и что? Римского папу я тоже никогда не видел. Однако он есть.

Мария. Ты ему отдал все наши сбережения.

Шюто. А он нам дал бомбу. Так на так.

Мария. Но бомба…

Шюто. Это лучше, чем акции, чем золотой заем и даже чем золото. Она никогда не упадет в цене.

Мария. Мы у него даже удостоверения не спросили.

Шюто. А зачем? Товар-то вот он.

Мария. Этот Ляборд…

Шюто *(раздраженно).* Ну что?

Мария. Он, может быть, жулик.

Шюто. Что ты несешь? А бомба тогда как же?

Мария. Может быть, она поддельная?

Шюто. Поддельная! Ты что, смеешься? Посмотри, даже название фирмы есть: «Общество индивидуальной охраны».

Мария. Это ничего не значит. Написали краской на жестянке. Всего делов!

Шюто *(потрясая документами).* А это — способ употребления и портативная коробка с кнопкой, — это тоже поддельное?

Мария. Может быть.

Шюто. Мари, ну посуди сама. *(Садится, заглядывает в инструкцию и берет в руки коробку.)* Посмотри… *(Читает.)* «Не допускать детей к пользованию…». Ну, с этой стороны опасности нет. *(Читает.)* «Красная коробка предназначается для произведения взрыва на расстоянии».

Видишь? Здесь написано. *(Читает.)* «Первое: расправить антенну». Где антенна? А, вот опа. *(Расправляет антенну и читает.)* «Второе: повернуть желтую кнопку по часовой стрелке». Вот эта кнопка. По часовой стрелке… это так… нет… наоборот. Ум за разум заходит — как сложно! *(Поворачивает кнопку.)* На верхней части бомбы начнет мигать желтая лампочка. *(Радуется как ребенок.)* Работает! *(Читает.)* «Третье: нажать на красную кнопку». *(Нажимает.)* Заостренный нос бомбы загорается мигающим красным светом.

Мария. Шюто…

Шюто. Замолчи, я делом занят. *(Читает.)* Четвертое: нажать на клавишу с надписью «Обратный отсчет». Нажимаю на клавишу.

Раздается звук «бип-бип-бип».

Мария. Стой, Шюто! Неизвестно, что получится.

Шюто *(невозмутимо читает).* «Через шестьдесят секунд после этой последней операции, к вашему полному удовлетворению, начнется цепная реакция».

Мария. Пресвятая дева!

Шюто. Цепная реакция? Это что еще за штука? *(Продолжает читать.)* «Ни в коем случае не

смотрите в направление взрыва». Господи боже мой!

Мария падает на колени и начинает молиться.

«Гарантируется полное уничтожение в радиусе километра вокруг точки ноль». Точка ноль… да это мы! Ты слышишь, Мария, мы точка ноль!

Раздается вой сирены.

(В смятении.) Спокойно! «За возможные несчастные случаи фирма ответственности не несет». Негодяи! Но должен же быть выход. Постой, погоди. Слушай: Если по какой-либо причине вы считаете необходимым остановить обратный отсчет, нажмите на кнопку «С»… Где эта чертова кнопка?.. «С»… Не вижу, Мария… *(Громко.)* Я ее не вижу… *(Очень громко.)* Ты слышишь? Я ее не вижу! Вот она! *(Нажимает на нее изо всех сил.)*

Сразу все успокаивается. Гаснут лампочки на бомбе, замолкает сирена. Мария крестится.

(Вытирает пот со лба и встает.) Так что же, моя бомба — поддельная?

Мария *(значительно).* Все это ничего не дока-

зывает. Пойдем зароем ее где подальше.

Шюто. Спокойней, жена, спокойней. Чего торопиться, Мария. Черт послал нам эту бомбу.

Шюто. Бог.

Мария. Что ты сказал?

Шюто. Бог.

Мария. Вот это послал? *(Показывает на бомбу.)*

Шюто. Да.

Мария. Бог создал солнце, цветы, птиц. Но не это.

Шюто. Он создал людей. И он создал кюре. А кюре благословляют бомбы. Атомные они или нет. И наш шоре мог бы эту вот благословить.

Мария. В тебя бес вселился, Шюто.

Шюто. Посмотрел бы я на него — сутанишка потрепанная, рожа лицемерная, на коленях, ручки сложены, делает вид, что молится. И вся деревня в церкви — вокруг, на коленях. А что в алтаре, Мари? Ты знаешь, что будет в алтаре? А в алтаре будет моя бомба.

Мария. Шюто!

Шюто. Черная, блестящая — любуйтесь! Но никто на нее не посмеет поднять глаз. Кроме Иисуса Христа со своего креста. Он будет глядеть на нее молча, свесив набок свою бедную головушку. С тех пор как ему приколотили руки к перекладине,

за эти две тысячи лет, он и не такое видал. Что ему бомба! И тогда наступит торжественный момент. Благословение. А что. он говорит, Мари, — ты вечно торчишь в церкви, — что он говорит в этих случаях, наш кюре? Ну, Мари, отвечай, ну!

Мария. Во имя отца…

Шюто. Во имя отца…

Мария …И сына…

Шюто. И сына…

Мария. …И святого духа. Аминь.

Шюто. Аминь. *(Пауза. Громко, как бы самому себе.)* Это бог.

Мария. Надо бы туда пойти.

Шюто *(стряхивая оцепенение).* Куда?

Мария. В церковь. Мало ли… все же вечность.

Шюто. Сначала завернем в деревню. Надо ее всем показать.

Мария. В это время все спят,

Шюто. Разбудим. Причина уважительная. Пойду за трактором.

Мария. Постой.

Шюто. Что еще?

Мария. Наш трактор старый, ржавый, гремит, как пустая бочка. Стыдно ехать на нем. А кобыла наша Розетта прекрасно справится с бомбой. Она еще хоть куда, если пройтись скребком. И потом,

она белая, а бомба черная, — красота.

Шюто. Ты права. Уж если делать, то как следует. Подстелим сенца в повозку. *(Подходит к бомбе и ласково поглаживает ее. Затем отпирает все дверные засовы, вместе с Марией поднимает бомбу, и они вдвоем, осторожно двигаясь, выносят ее из дома.)*

Затемнение. Слышен дальний колокольный звон. Постепенно зажигается свет.

* * *

Через несколько дней.

Вечер.

На столе, на видном месте, лежит красная коробочка.

Шюто *(рассеянно листает инструкцию).* Десять дней блаженства. Нажимаю, когда хочу. *(Разговаривает сам с собой.)* Дяденька Шюто…

Мария. Онорина скоро отелится. Может быть, даже сегодня вечером.

Шюто. Да. *(Мечтательно.)* Сегодня или завтра.

Мария. Интересно, бычок или телочка?

Шюто. Интересно то, что никто не знает, где я

ее зарыл. Никто. *(Пауза.)* Желтая кнопка… Красная кнопка… Бум!

Мария. Давай придумаем ей имя.

Шюто. Это мысль!

Мария. Телочке.

Шюто. А! Как хочешь, так и назови. *(Пауза.)* Все еще не могу поверить. Как в сказке. Скажи, Мария, как ты думаешь — обо мне напишут в газетах?

Мария. Возможно.

Шюто. И все увидят мою фотографию?

Мария. Конечно.

Шюто. А орден мне дадут?

Мария. Тебе?

Шюто. А почему бы и нет? Может быть, даже получу Почетного легиона. Красивая красненькая ленточка. Дяденьке Шюто… *(Пауза.)* Мария… Послушай… Я не могу тебе сказать, где она…

Мария. Да я и знать-то не хочу.

Шюто. Могу тебе только сказать, что она между деревней и фермой Гюстава. Когда я нажму, от обеих ничего не останется.

Слышно мычание коровы.

Мария. Должно быть, сегодня.

Шюто. Должно быть. Хотел бы я видеть их рожи, их поганые хари, когда настанет мой час.

(Читает инструкцию.) «Свет тысячи солнц»... Слышишь, Мари? Отправляясь в последнюю дальнюю дорожку, они увидят тысячу солнц. А мы спокойненько будем сидеть в укрытии. Техника — это вещь.

Стук в дверь.

Мария. Слышишь?
Шюто. Да.
Мария. Кажется, кто-то пришел.
Шюто. Кажется.

Снова стук.

Мария *(идет к двери).* Кто там?
Ляборд. Я, Ляборд!
Мария. Это Ляборд!

Шюто идет к двери и открывает ее.

Ляборд *(с ослепительной улыбкой).* Добрый вечер, мсье Шюто. Добрый вечер, мадам. *(Входит.)* Надеюсь, не помешал?
Шюто. Если вы за своей бомбой, ее уже здесь нет,
Ляборд. Я знаю.
Шюто. Знаете?
Ляборд. Мне в деревне сказали.

Шюто *(закрывает дверь).* Тогда что вам нужно?

Ляборд. Мне? Мне ничего. Абсолютно ничего. Я просто проходил мимо и зашел.

Шюто. Мимо проходили?

Ляборд. Вот именно. Как дела? Все в порядке?

Шюто. Все в порядке.

Ляборд. Ну, в добрый час.

Шюто. Так что вам нужно?

Ляборд. Ничего.

Мария. Просто так зашли?

Ляборд. Вот именно. Просто так.

Шюто. Я же вам все заплатил.

Ляборд. Ну да. А я вам вручил бомбу. Мы квиты.

Шюто. Она моя!

Ляборд. Конечно, мсье Шюто. Она ваша.

Шюто. И я ее обратно не отдам.

Ляборд. Да я и не хочу ее у вас забирать.

Шюто. К тому же никто не знает, где она, даже я.

Ляборд. Успокойтесь, я вас ни о чем не спрашиваю.

Шюто. Так что вам нужно?

Ляборд. Можно мне присесть? *(Садится.)*

Шюто. Мари, дай рюмки.

Ляборд. Ну и жара сегодня.

Мария ставит на стол бутылку и рюмки.

Спасибо.

Шюто. Пёкло.

Мария. В это время года всегда.

Ляборд. Сегодня еще жарче, чем вчера.

Шюто *(наливает*). Ваше здоровье.

Ляборд. Ваше.

Корова мычит.

Мария. Должно быть, сегодня.

Ляборд. Что?

Мария. Онорина отелится.

Ляборд. Онорина? Красивое имя для коровы.,

Мария. Ждем вот-вот.

Ляборд. Это жизнь. А жизнь течет своим чередом, ни у кого никогда не спрашивая разрешения.

Шюто. Во-первых, я имею право нажать кнопку, когда захочу.

Ляборд. Конечно, мсье Шюто. Для этого вы ее и купили. Чтобы иметь право нажать, когда захотите.

Шюто. Мы подписали контракт. Я с вами полностью расплатился.

Ляборд. Совершенно верно.

Шюто. Что вам нужно?

Ляборд. Что нужно производителю? Производить. Производить и продавать.

Шюто. С этим вы ко мне пришли?

Ляборд. И продолжать оказывать услуги своим клиентам. С тех пор как я вам продал бомбу, мы изготовили другую. Нам нужно ее продать. Производство влечет сбыт. С этим я к вам пришел.

Шюто. Зачем вы пришли?

Ляборд. Чтобы вас поставить в известность.

Шюто. А я тут при чем?

Ляборд. Вы наш клиент. Вы — потребитель. А потребитель должен приобретать, потреблять и снова приобретать. Только в этих условиях мы можем возобновлять производственный процесс.

Шюто. Анекдот про сумасшедших?

Ляборд. Почему? Наоборот, все очень логично. Там, за воротами, у меня другая бомба, и при ее продаже вы можете пользоваться приоритетом.

Шюто. У меня уже есть одна. Второй мне не надо.

Ляборд. Когда вы израсходуете первую, у вас ее больше не будет. «Пополняйте запасы заблаговременно»..

Шюто. Что мне, каждый день по деревне взрывать? Мне одной достаточно.

Ляборд. Дело не только в деревне.

Шюто. А в чем еще? Меня только деревня интересует.

Ляборд. Вы уверены, что только деревня?

Мария. У нас больше нет денег. Вы ободрали нас как липку.

Ляборд. Что же вы мне сразу не сказали? Если только в этом дело, я могу предложить льготные условия. Шюто. Проваливайте.

Ляборд. Как?

Шюто. Проваливайте отсюда.

Ляборд. Ну, если такой тон… *(Встает.)*

Шюто идет и отпирает дверь.

Мы производим, мы вынуждены сбывать. *(Почти грустно.)* Я ее продам.

Шюто. Вот-вот.

Ляборд. Вы упустили выгодное дело.

Шюто. Вон.

Ляборд. Когда-нибудь я еще вам понадоблюсь. Но главное не забудьте: на голову — бумажный мешок. Противоатомная защита. *(Выходит.)*

Шюто *(с сердцем захлопывает за ним дверь).* Гад! *(Тяжело опускается на скамью перед красной коробкой.)*

Длинная пауза. Отчетливо слышно тиканье

часов.

Гад!

Мария. Каждый должен зарабатывать на жизнь.

Шюто. Сказать тебе, Мари, что я думаю?

Мария. Ну скажи, Шюто.

Шюто. Не ждал я такого подвоха.

Мария. Что ты будешь делать?

Шюто. Что я буду делать?

Мария. Да, что ты будешь делать?

Шюто. На кнопки буду нажимать — вот что я буду делать. Жаль только, что не могу выбрать время по своей воле. Видишь ли, что мне особенно было по сердцу, — это чтобы они ждали. Изводились. Теперь придется взорвать их без всякого удовольствия.

Мария. Шюто… Шюто…

Шюто. Да, Мария.

Мария. Все-таки, откуда мы знаем, настоящая это бомба или нет.

Шюто. Проверить это можно только одним способом. Мария. Если ты ее взорвешь, чем мы будем защищаться, когда мсье Ляборд продаст вторую Гюставу?

Корова мычит все громче и громче.

Пойду в хлев. Должно быть, сегодня.

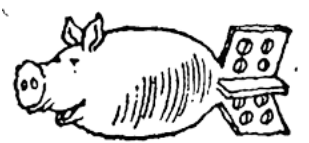
Шюто встает, достает из ящика буфета защитный бумажный мешок, надевает его на голову, возвращается и садится. Он кладет руку на коробку и на некоторое время как бы застывает. Корова мычит.

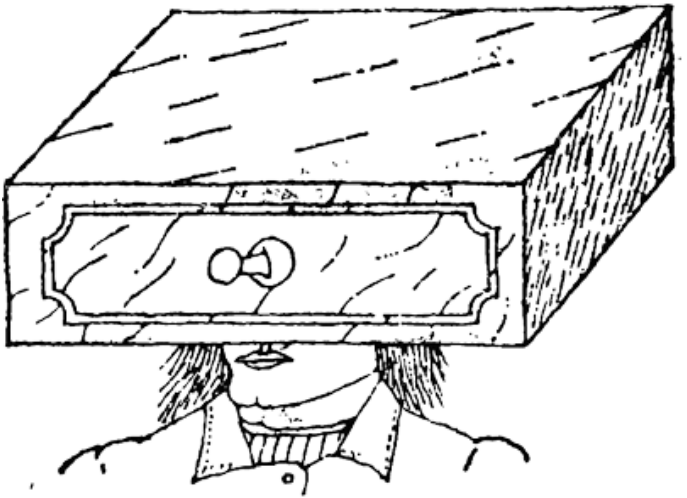
Я иду в хлев. Подождал бы. *(Выходит.)*

Шюто. Подождал… Только и делаешь, что ждешь. Ждешь дождя. Ждешь, когда взойдет. Ждешь, когда поспеет. Летом ждешь осени, зимой — весны.

Корова мычит.

Жалкий силуэт Шюто, в бумажном колпаке, с пальцем на кнопке, исчезает в постепенно гаснущем свете.





Ги Фуасси
Речь отца

Guy Foissy — LE DISCOURS DU PÉRE (1971)

Пьеса-диалог

Действующие лица.
Отец *мелкий служащий.*
Мать.
Сын *(роль без слов).*

Сын, длинноволосый, одетый в бесформенную кожаную куртку, с усталым и безразличным видом в расслабленной позе сидит в кресле.

Отец произносит речь, обращаясь к сыну, раздражается всо больше и больше, повышает тон, иногда доходя до крика. Мать чем-то занята — например, вяжет или гладит, временами как бы отключаясь от разговора.

Отец. Слушай, сынок, тебе скоро сорок лет, пора уже выбрать свой путь в жизпи, пора работать.

Мать. Отвечай: «Да, папа», когда отец с тобой разговаривает.

Сын поднимает глаза к небу.

Отец *(кричит).* Веди себя прилично, когда мать с тобой разговаривает!

Мать *(спокойно).* Если ты сразу начнешь кричать, то быстро останешься без голоса.

Отец *(ласково).* Ты права, моя уточка.

Мать *(нежно).* Я всегда права, мой совенок.

Отец. У совенка своя совушка.

Мать *(кокетливо).* У совушки свой совенок.

Отец *(сыну, тоном благородного отца).* Ты ви-

дишь, как твои отец и мать любят друг друга даже после сорока лет супружеской жизни? А ты… Отвечай, как ты можешь погрязнуть в пучине случайных связей?

Мать. Слышишь, как твой отец красиво говорит?

Пауза, во время которой отец встает в «позу».

Ты мог бы по крайней мере поаплодировать.

Сын небрежно хлопает в ладоши.

Отец. Сегодня вечером плохая публика.

Мать. Ничего, выкладывайся в полную силу.

Отец. Я всегда выкладывался в полную силу!

Мать *(кричит, так же как и отец).* И не изучай свои ботинки, когда отец с тобой разговаривает!

Отец *(матери).* Мой цыпленочек, если ты меня все время будешь перебивать, я никогда не смогу сказать все, что надо.

Мать. Прости, пожалуйста, котик.

Отец *(благодарно, убежденно).* Итак, мой сын, уже давно я все откладываю этот разговор, а нам надо поговорить как мужчина с мужчиной. Нам нужно теперь же, сегодня, принять решение. В твоем возрасте ты уже должен стоять на своих ногах, занять положение в обществе. До сих пор я

закрывал глаза…

Мать *(быстро, перебивая).* Не закрывай глаза, когда отец с тобой разговаривает!

Отец *(которого внезапно перебили, возмущенно).* Да заткнешься ты наконец? Ох… *(Спохватываясь.)* Прости меня, моя ласточка, я нервничаю, этот разговор такой трудный…

Мать. Что ты набросился? Что я такого сказала?

Отец. Да нет, видишь ли…

Мать. Я вижу, что ты грубишь без причины. Проси прощения.

Отец. Прости…

Мать. На коленях!

Отец *(становится на колени).* Прости, я больше не буду…

Мать. Посмотри, какой вежливый отец! От тебя этого не дождешься! Нечего улыбаться, когда отец просит прощения! *(Отцу, тоном приказа.)* Продолжай!

Отец. Я больше не хочу!

Мать. Да нет, продолжай говорить!

Отец *(встает, пытается принять благородную позу, молчит).* Да, так на чем я остановился?..

Мать. На обществе.

Отец. Чьем обществе?

Мать. На месте в обществе.

Отец *(патетическим жестом поднимая руки к небу).* Ах да. Ты должен занять свое место в обществе. *(Жестом как бы указывает направление.)*

Сын встает.

Ты куда?

Сын жестом показывает, что идет «по направлению».

Сядь и слушай, что тебе говорит отец. *(Взволнованно, с пафосом.)* Потом, через много лет, когда я уже покину эту грешную и неблагодарную землю, ты вспомнишь о нашем разговоре, и в тебе все перевернется, с глубоким волнением ты скажешь: «Да, отец у меня был человек что надо!» Вот что ты скажешь!

Мать *(разражаясь рыданиями).* Голубчик мой, но ты не говори так, как будто это сейчас случится! Это сейчас не случится?

Отец. Нет-нет, моя рыбонька. *(Сыну.)* Мог бы хотя бы одну слезу проронить, когда отец с тобой разговаривает. Посмотри на свою мать: даже она тебя не может растрогать, чудовище. *(Матери.)* Ну ладно, утрись, хватит воду лить.

Мать *(берет себя в руки, холодно).* Да, я слу-

шаю.

Отец. Когда в шестнадцать лет ты отрастил волосы, оделся в какие-то немыслимые кожи, стал бродить по дорогам— я ничего не сказал. Тем более что мы не заметили этого времени, так как в этот момент все мысли были заняты появлением на свет твоей сестры. Я считал: молодость, надо перебеситься! В двадцать лет у тебя были все те же лохмы на голове и носил ты все те же звериные шкуры. Но я думал: все еще молодость, еще не перебесился! Ты уходил, ты приходил, ты только это и делал. Твоим единственным занятием было открывать и закрывать входную дверь. Мы же не могли за тобой всегда проследить, тем более что в тот период по телевидению показывали многосерийный детектив, и *(кричит)* разве нужно лишать себя телевидения только потому, что у вашего сына кризис роста? Что?

Мать. Не спи, когда отец с тобой разговаривает.

Отец *(обескураженно).* Он спал?

Мать *(сыну, расталкивая его).* Ты спишь? Скажи мамочке…

Отец. «Скажи»! Ты прекрасно знаешь, что за последние двадцать пять лет он не сказал дома ни одного слова!

Мать. Но он взволнован! Котик, уверяю тебя, он взволнован! Ты его прошиб! Наконец это был удар в челюсть! Дай ему еще два-три под дых, подножку, бросок через себя — и он твой!

Отец. Ты думаешь? Даю. В тридцать лет у тебя были те же лохмы и те же шкуры. Я опять ничего не сказал. Я думал — у него затянулась молодость, он должен перебеситься…

Мать *(нежно),* Вообще-то, ведь он и в детстве в развитии не обгонял своих сверстников.

Отец. В сорок лет у тебя все те же длинные патлы, ты одет в те же кожи, и вот я задаю себе вопрос: не па-стало ли время для этого разговора, который я сам из года в год откладывал?

Мать *(тихо).* Не ковыряй в носу, когда отец с тобой разговаривает.

Отец *(нервничая, что его перебили).* Итак, я тебя спрашиваю: долго ли это еще будет продолжаться? *(Рычит,)* Рр!

Все подскакивают.

Мать. Ты его испугал.

Отец *(гордясь произведенным эффектом).* А?

Мать *(заботливо, наклоняясь к сыну).* Постарайся ответить, когда отец с тобой разговаривает. Соберись с силами. Он был бы так рад, ты знаешь,

он кричит, но ведь оп совсем не злой в глубине души. Если бы ты хотя бы делал вид, что ты чем-то занимаешься, ему этого было бы достаточно…

Отец. Кисонька, ты в своем уме?

Мать. Найди работу на подставки — вначале, чтобы втянуться…

Отец *(направляясь к сыну).* Я ему мозги вправлю…

Мать. Котик!

Сын встает с угрожающим видом.

Отец. Да оп поднимает руку на своего отца, выродок!

Мать *(с восхищением ощупывает бицепс сына).* Мой малыш, какой он сильный… Да он тебя одним пальцем на лопатки положит, ставлю десять против одного.

Сын садится.

Отец. У тебя только и есть что материнское чувство, моя дорогая, оно тебе все заслоняет…

Мать. И тебе урок: вместо того чтобы потрясать кулаками, надо понять, что от малыша всего можно добиться только уговорами и лаской.

Отец. Ладно-ладно. Будем уговаривать. Попробуем взять тебя лаской, раз уж мать так считает,

хотя что касается меня… Не двигайся… сиди!!! Так. Хорошо. Спокойно. Так… Подумаем вместе, какой путь тебе избрать.

Мать. Слушай, когда рассуждает твой отец.

Отец. Мне много учиться не пришлось: мать моя была прачкой, а отец — трубочистом. Бывало, это приводило к некоторым столкновениям, и даже драмам, дома по вечерам. Семья скромная. Французская, но честная. За мир, но с национальным достоинством. Подчиняющаяся порядкам, но и не без протестов. Очень рано я должен был оставить учебу, еще до аттестата. Хотя я его почти получил, аттестат, а если бы я его получил, он был бы с отличием. Так как мы, хотя, может быть, целим невысоко, но целим метко.

Мать *(замерла как загипнотизированная).* Повтори! Повтори, как ты прекрасно сказал…

Отец *(польщенно).* Мы, может быть, целим невысоко, но целим метко.

Мать *(восхищенно).* И как ты только это придумал, моя лапочка, просто непостижимо!

Отец *(напыщенно).* Итак, с незаконченным средним образованием, с элементарной грамотностью, хотя и правильным произношением, я бросился в гущу жизни головой вперед! II пробился я сам, один, своими кулаками. Сначала был

маленьким служащим, затем менее маленьким, затем чуть побольше, теперь — нормального размера, а скоро, года через три, уже буду крупным, надежным, выгодным и удобным. Вся моя жизнь наперед известна. Ступенька за ступенькой я поднимаюсь по общественной лестнице. Ответь мне: неужели это восхождение тебя не вдохновляет по сравнению с однообразием твоей бесполезной жизни? *(Матери.)* А ты что скажешь, моя кукушечка, вижу, ты онемела от восхищения?

Мать. Твои слова для меня как стихи.

Отец. Я продолжаю, раз ты так хочешь. *(Сыну.)* Делаю пол-оборота и обращаюсь теперь только к тебе.

Мать. Не зевай, как в зоопарке, когда твой отец с тобой разговаривает.

Отец. Ты зеваешь, как в зоопарке, когда твой отец выкладывает перед тобой всю душу? Перед тобой, перед своим сыном, вырывает из груди свое сердце? *(Показывает жестом.)* Флаш-ш-ш. Ты зеваешь, как в зоопарке, когда впервые в стенах этого дома начинает звучать голос разума — динь-дон, динь-дон? Послушай же теперь, я расскажу тебе о моей жизни, и, несчастный, сгори со стыда! Утром. Начнем с утра! Когда твоя отец и мать встают, еле продирая глаза, еле двигаясь,

перед ними трудовой день. Что делаешь ты? Ты? Что ты делаешь в это время? Барин нежится в постели, в своем уютном гнездышке, барин ждет, пока мать подаст ему кофе в постельку!

Мать. С двумя рогаликами и тремя сухариками.

Отец. Два рогалика и три сухарика! В то время как твой отец, обреченный идти на работу, с отвращением закуривает свою первую утреннюю сигарету! А ты? Не сгораешь со стыда?

Мать *(после короткой паузы, бросив взгляд на сына).* Не сгорает.

Отец. А потом? Потом я выхожу в холод и слякоть, дрожа как осиновый лист, подняв воротник своего старого пальто, потому что новое я берегу для выходов, а ты? Что делаешь ты, пока я иду по улице под ледяным ветром?

Мать. Он просит еще немножко кофе с двумя сухариками.

Отец. Начинаешь понимать, что к чему? Осознаешь всю пустоту твоей жизни?

Мать. Твоей чего?

Отец. Твоей жизни!

Мать. А-а!

Отец. А потом? Я сижу в четырех стенах. Загораю под неоновым солнцем! Пишу не разгибаясь,

не разгибаясь, не разгибаясь… Без устали вкалываю, вкалываю, вкалываю. А ты, несчастный, что делаешь в это время?

Мать. Принимает ванну.

Отец. Еще одно доказательство! В то время, когда твой отец с чувством законной гордости и глубокого удовлетворения на том скромном месте, которое он занимает, делает все усилия для содействия прогрессу, ты, бесполезное существо, барахтаешься в ванне!

Мать. Насвистывая!

Отец. Насвистывая!

Мать. Насвистывая и напевая.

Отец. Похоронный марш или танец смерти?..

Мать. Нет. Это такая… постой… ее он поет каждое утро. *(Поет.)*

«Плевать на полицейских,
Плевать на лекторов,
Плевать на контролеров,
Плевать на докторов!»

Отец. Перестань, ради бога, у меня сердце разорвется!

Мать. Я помню наизусть и второй куплет.

Отец. Перестань, прошу, я больше не вынесу.

Мать. Раз уж я его помню, я его спою. *(Поет.)*

«На слухи и на сплетни
Мне тоже наплевать,
На общество и деньги
Мне уж совсем на...»

Отец *(перебивая).* По крайней мере поет он вполголоса?

Мать. Какое — вполголоса, во всю глотку!

Отец. Боже! А соседи?

Мать. Иногда сквозь стенку подпевают.

Отец. Боже милостивый! Стыд и позор! Господи, я весь перед тобой, в чем я грешен?

Мать. Постой, я знаю еще и третий куплет. *(Поет.)*

«Плевать мне на...»

Отец. Ой! Хватит! Прошу тебя! Ты поешь гнусные песни в то время, как твой отец работает? И в то время как твоя мать... Знаешь ли ты по крайней мере, что делает твоя мать?

Мать. О!.. Чем может женщина заниматься...

Отец. Скажи ему, как ты хлопочешь по хозяйству!

Мать *(на одном дыхании).* Я стираю, тру, чищу, натираю, отчищаю, глажу, застилаю, мою, прочищаю, убираю, штопаю, шью, вяжу...

Отец *(перебивая).* А затем она выходит из дома, и на ту же улицу, где гот же ледяной ветер. И возвращается с кошелкой больше ее самой. Она оступается, хромает, такая усталая, сгорблепная, как нищенка, вся ее женственность исчезла, она задыхается, хрипит, кашляет, стонет…

Мать. Милый, не паясничай!

Отец. Я преувеличиваю, чтобы его прошибить.

Мать. Но все-таки не до такой степени.

Отец. Но, по сути, кто ты в доме? Нянька, служанка, половик, о который вытирают ноги. Ты прочищаешь засоренные раковины, режешь лук, чинишь краны, штопаешь носки, рубишь дрова, белишь стены, кроешь крышу, затыкаешь дыры, хватаешься сразу за все! Чистишь ящик для кошки, и все это для того, чтобы обслужить барина!

Мать. И тебя.

Отец. Как — и меня?

Мать. Чтобы обслужить и тебя тоже.

Отец. Я не «тоже»! Я работаю! Вот двенадцать дня. Я выскакиваю из комнаты и бегу домой. Ты в своей тесной кухоньке готовишь скудный обед…

Мать *(возмущенно).* Как это — скудный?

Отец. Это чтобы прошибить. Я влетаю, стол накрыт, в супнице дымится наш прекрасный французский суп с белой фасолью, пахнет шквар-

ками и колбасой. *(Публике.)* Обожаю белое вино с копченостями. И там… Что я вижу? Я спрашиваю тебя: что я вижу?

Мать *(публике).* Что он видит?

Отец. Я вижу там тебя — в пижаме, уже уселся на стул и локти на стол. Это скандал.

Мать. Не шмыгай носом, когда твой отец говорит, что это скандал!

Отец. И даже возмутительный скандал. А потом? Я читаю газету, а в ней — преступления, изнасилования, дорожные катастрофы, похищения детей — словом, все, что скрашивает паши будни. И снова бегу на работу, а ты? Ты после обеда спишь, в то время как твоя бедная больная мать снова на кухне, и мытье посуды портит ее изящные музыкальные руки…

Мать. Милый, да что ты несешь?

Отец. Вот именно! И тебе не в первый раз говорят, что у тебя музыкальные руки. А когда музыкальные руки моют посуду — это в высшей степени восхитительно!

Мать *(кричит).* Что?

Отец. Я хотел сказать — возмутительно! Словом, абсолютно! То есть абсурдно! И во второй половине дня я снова в четырех стенах за мизерную зарплату. А мать, которая ведет хозяйство,

откладывает на вторую половину дня все самые тяжелые работы. А ты, что ты делаешь?

Мать. Идет гулять.

Отец. Гулять, на солнце, в то время как я взаперти! Прогуливается, зайдет то в одно кафе, то в Другое, кого-то встретит, о чем-то поболтает, рисует на тротуарах, пока я подбиваю итоги на бесконечных спецификациях? Разве твой отец рисует на тротуарах, скажи?

Мать. Ты никогда не умел рисовать.

Отец. Я бы рисовал как умею — эти-то картины чаще продаются дороже. А я каждый день с восьми до двенадцати и с двух до шести, суббота — короткий день, месяц оплаченного отпуска и в конце — пенсия! Понимаешь ли ты эту радость труда?

Мать. Нет.

Отец. А-а?

Мать. Он не понимает.

Отец *(кричит, выходит из себя, а к концу впадает в отчаяние).* А вечером? Весь измотанный, голова как котел, беру мою газетку, в домашних шлепанцах у телевизора, с тобой, моя крошечка, мы сидим, ни слова не говоря, пока не идем спать. Понимаешь ли ты это счастье? А? Можешь ли ты его понять? А ты сам? Что ты в это время

делаешь? Поешь, играешь на гитаре на берегу реки, целуешься с девушками всех стран и национальностей прямо на подстриженных газонах, где ходить запрещается, затем все вы вместе усаживаетесь вокруг костра и ты не закрываешь рта, не закрываешь рта… *(иронично)* в то время как я… я… я!..

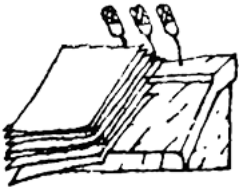
Мать. Милый! Успокойся!

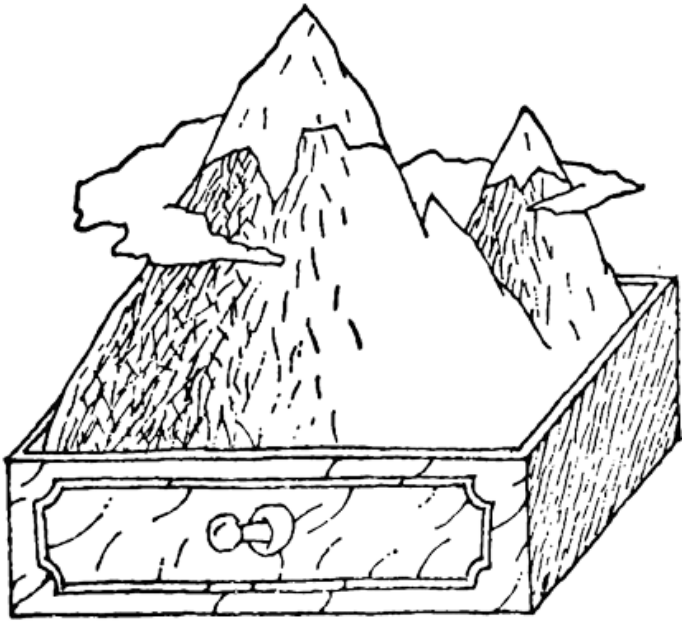
Отец. А наутро все снова, и так каждое утро, и каждый день, и каждый вечер! За смехотворную зарплату, которая идет на то, чтобы набивать дом всякими вещами! В то время как ты., ты гуляешь по земле и под луной и под солнцем!

Мать. Слушай, когда твой отец…

Отец. Среди деревьев и по берегам рек, с гитарой на боку, с куском мела в руке, с головой, полной света, полной музыки! Понял ты наконец, каким должен быть твой путь в жизни? Готов ли ты вступить на него со всей ответственностью? Готов ли ты… *(Останавливается так как сын встает, снимает с себя разодранную, кожаную куртку и протягивает отцу. Отец берет ее, и они вместе выходят.)*

Мать провожает их потрясенным взглядом.





Габриэль Ару
Альпинисты

Gabriel Arout — LES ALPINISTES (1963)

Действующие лица:
Сэм.

Жером.

Море облаков, прорезаемое горными пиками. Плоская вершина одного из них сооружена в центре сцены; в начале пьесы она пуста.

Вначале полная тишина, особенная тишина высокогорья. Затем она нарушается голосом Сэма.

Голос Сэма. Черт побери вас со всеми потрохами, ставьте ноги плотно! Сколько я вас таскаю по вершинам, хотя бы этому научились!

Слышен стон Жерома.

Голова кружится! Головокружения нет в природе, это произвольная концепция вертикали и горизонтали, предрассудок, который — я вас предупреждаю — рано или поздно вам дорого обойдется. Ну держитесь, я лезу.

При этих словах над краем площадки появляется сначала голова Сэма, а затем он вылезает, делая точные и гибкие движения, удивительные для человека тучного телосложения.

Вот я и здесь. Теперь ваша очередь. Перестаньте цепляться, я вас тяну… Оторвитесь, черт бы вас

подрал! Положитесь на меня.

Жером испускает длинный жалобный стон в то время, как Сэм с усилием втаскивает его на площадку.

Фу! Дело сделано. Не без труда…

Я никогда не понимал, старина, что вас заставило заниматься альпинизмом! У вас нет никаких данных… Верных раз двадцать я вам спасал жизнь… Вы, наверно, этого и не замечали… Я знаю, что вы думаете… Вы думаете, что, если бы я не заставлял вас таскаться всюду за собой, мне не пришлось бы вас и спасать… Именно так думаете! Как мне действует на нервы то, что я всегда знаю, что у вас в голове, Жером!.. Ничем вы никогда не удивляете… Да! Это как альпинизм… В жизни, Жером, нет ничего крупного, яркого, выдающегося! Да, конечно, вершины, на которые мы взбираемся, кажутся вам высоченными… Но в действительности земля плоская, удручающе плоская, более ровная, чем апельсин… Не понимаю, каким это образом три десятка идиотов умудрились сломать себе шеи на этом пологом подъеме… Холмик, кучка камней, а они называют это «пик»! Но вы не правы, Жером, что считаете, будто я злоупотребляю своей властью,

заставляя вас повсюду за мной следовать: это вы злоупотребляете моим терпением, потому что постоянно угрюмы и недовольны… Я взял вас на должность секретаря, умеющего делать все. А для меня «делать все» — это и значит все делать! Но вы же ни на что не годны, абсолютно ни на что!.. Как, впрочем, и все особи этого жалкого рода, к которому вы, Жером, принадлежите, — рода человеческого! А вы, конечно, думаете: «А ты сам?» Ха! Ха! Ха! Я знаю слабость всех ваших доводов, тривиальность вашей логики, Жером. Вы все на один образец! Серийный… Все вам трудно: пошевелить пальцем — уже подвиг; пошевелить умом — уже открытие! А все так просто, так легко… Наука? Смех… Карьера? Политика? Глупая игра для слаборазвитых детей… Деньги? Стоит только руку протянуть… Женщины? Петух в курятнике знает про это все, что можно знать… Ну?.. Жером? Я жду… какой-нибудь мысли!

Жером. Но время ли нам перекусить?..

Сэм. Смотри-ка! Мудрец не сказал бы умнее! Да только в вашем случае, Жером, что это — мудрость или глупость?.. Или, более того, наглость? Вот вы и задали мне проблему, Жером! Я обожаю проблемы! К несчастью, их всегда слишком легко разрешать! Покорить вершину, сочинить

симфонию, завоевать женщину или интегрировать дифференциальное уравнение — мне даже на досуге надоело этим развлекаться… Ну же! Доставшего еду! Не смотрите на меня ошеломленным взглядом! Разве вы свой досуг проводите, бегая по лестницам или повторяя таблицу умножения?

Жером. Нет, мсье.

Сэм. А горничных обнимаете?

Жером. Да, мсье.

Сэм. Да… Вы — сторонник легких путей!.. А я — ищу трудностей… Мне сказали, что это опаснейший пик, что все, кто хотел взойти на него с северной стороны, — разбились! С этой северной стороны вы сами, Жером, вскарабкались… Я надеялся на тяжелое восхождение, на то, что буду преодолевать трудности, что приложу все свои силы, напрягу весь свой ум, соберу все свое мужество, пфф!.. Можно подумать, что по сравнению с такими, как вы, которые надрываются и обливаются потом от малейшего усилия, я — просто бог… Но я, Жером, — не бог! Я слишком сознаю свою посредственность! Разве вы, Жером, считаете себя богом оттого, что знаете таблицу умножения?

Жером. Нет, мсье.

Сэм. Но если я не бог, то кто же тогда вы, Жером, вы и вам подобные, раздающие друг другу ярлыки героев, чемпионов, гениев — все из-за пустяков! *(Кусает сандвич.)* А! Какой вкусный сыр! Я бы сейчас съел гору грюйера! А завтра… Знаете, что мы будем делать завтра, Жером?

Жером. Нет, мсье.

Сэм. Завтра мы спустимся на триста метров в глубину.

Жером. В воду?

Сэм. Да, в воду! Мне говорили, что глубина — пьянит… Неужели вы, Жером, не стремитесь познать опьянение глубины?

Жером *(шатаясь).* Нет, мсье.

Сэм. Что с вами, Жером?

Жером. Голова кружится!

Сэм. Нужно вас от этого вылечить. *(Подходит к самому краю.)* Подойдите ко мне. Не бойтесь. Я с вами. *(Смотрит в бездну.)* Смотрите… Что значит две тысячи метров… Человек средней конституции должен уметь пробежать две тысячи метров за пять минут…

Жером сзади приближается к Сэму. Он колеблется, но внезапно решается и толкает Сэма в пропасть.

Крик, затем тишина.

Жером *(с истерическими нотками).* Я его столкнул. Нарочно столкнул… Получай свою проблему… Решай — не решишь!

Раздается взрыв смеха, торжествующего смеха Сэма.

Сэм. Живой! Вы испугались, Жером?

Жером *(потрясенно).* Мсье!

Сэм *(торжествующе).* Жером, я в затруднительном положении!

Жером *(к нему возвращается надежда).* Разве это возможно, мсье?

Сэм *(хохоча).* Вам выпала большая радость! Вы спасете мне жизнь, Жером!

Жером. Каким образом, мсье?

Сэм *(все время весело).* Вот каким! Я вишу, видите ли, вишу над бездной!

Жером. И… Вам не страшно?

Сэм. Я не могу погибнуть по недоразумению!

Жером *(обеспокоенно).* Неужели?

Сэм. Или по чьей-то злой воле!.. Бросьте мне веревку, Жером!.. Предварительно, естественно, закрепив ее другой конец!

Жером. Одну минуточку, мсье…

Сэм. Да, что еще? Если у вас опять голова кружится, ложитесь и ползите. Да побыстрей. Вы

думаете, мне висеть удобно?

Жером. Пет, мсье.

Сэм. Что вы сказали?

Жером. Сначала дайте мне слово, мсье, что мы не опустимся в глубину… на триста метров!

Сэм. Что-о-о?

Жером. Я не амфибия! Не хочу я познавать опьянение глубины!

Сэм. Ладно-ладно! Обсудим, когда я вылезу.

Жером. Обсуждать нечего! Мое условие — безоговорочно.

Сэм. Мне кажется, Жером, я вас не понял!

Жером. Если вы мне не даете слова, я не бросаю веревки.

Сэм. Жером, вы для меня больше не проблема. Я понял наконец, что вы — дурак.

Жером. Оскорбляйте сколько хотите! Я не уступлю!

Сэм. Взвесили ли вы последствия вашего решения, Жером? Со свойственной вам логикой?

Жером. Никто ни о чем не узнает.

Сэм. Совершенно верно — никто.

Жером *(наслаждаясь).* Никто, кроме меня.

Сэм. Ну это еще как сказать!

Жером. То есть, как?

Сэм. Вы что, забыли, что вам еще нужно спу-

ститься?

Жером. Спуститься?

Сэм. Да, спуститься. А как это сделать, когда от одного взгляда вниз у вас голова идет кругом. Хотя, может быть, вы предпочитаете остаться на вершине и умереть от голода и холода, надеясь только на то, что какой-нибудь орел сжалится над вами и положит конец вашим мучениям!

Жером. Мсье, я пошутил! У меня и в мыслях не было вас бросить… По правде говоря, я только хотел воспользоваться тем, что вы попали в тяжелое положение, чтобы вырвать у вас обещание… Но я забыл, мсье, что вас не запугать!

Сэм. Подхалим! Ну, веревку!

Жером. Вот, мсье… Бросаю… Давайте, я держу. *(Лихорадочно суетится, делая все, что может, чтобы помочь Сэму.)*

Сэм *(появляясь на площадке)*. Вот и я! А вы не так уж неловки… Может быть, вы бы смогли спуститься сами…

Жером. Если бы у меня голова по кружилась…

Сэм *(смеясь)*. Я предупреждал вас, что этот предрассудок вам дорого обойдется… Ха! Ха! Сандвичей не осталось?

Жером. Нет, мсье.

Сэм. Вы знаете, Жером, что пришло мне в голо-

ву, пока я висел?

Жером. Перед вами прошла вся ваша жизнь?

Сэм. Нет, Жером. Я понапрасну время не трачу. Знаете ли вы, Жером, Ферма?

Жером. Нет, мсье.

Сэм. Это был друг Паскаля.

Жером. Философ?

Сэм. Нет, математик… «Первый человек на земле», — говорил о нем Паскаль… Так вот, однажды он послал в письме своему другу условия повой теоремы. «Доказательство очень простое, — написал он, — вы получите его в моем следующем письме». А потом оп, Жером, умер… С тех пор вот уже три века лучшие умы бьются над этим доказательством и не могут его найти… А я, Жером, нашел его, пока висел.

Жером. Браво, мсье!

Сэм. За это решение назначен приз — кругленькая сумма. Я ее вам передаю…

Жером. Спасибо, мсье.

Сэм. В самом деле, все мне удается! Какая жалость! Как вы это объясните, Жером? Кто же я такой? Не бог, не черт, не человек! Все имею, все знаю, все могу, преодолеваю все препятствия — кто же я, скажите мне?

Жером. Неврастеник!

Сэм. Неврастеник? Ха! Ха! Не измерить глубины вашей глупости, Жером!.. Бросаешь камень в вашу бездну и ждешь… и поднимается звук неожиданный, отзвук столкновения неуправляемых материй… Любезный Жером! Вы мухе зла не причините! Вы безобидны и безвредны… как большинство людей, и вы — убийца, как то лю большинство.

Жером. О! Мсье!

Сэм. Если бы я был из одного с вами теста, если бы я был из одного с вами выводка, я бы сейчас столкнул вас в пропасть…

Жером. О!

Сэм. Потому что вы меня толкнули, Жером… Жалкое ничтожество! Непоследовательный и нерешительный… трогательный… Ладно! Так что мы будем делать?

Жером. Спускаться, мсье, солнце заходит.

Сэм. Вот именно… Постойте, Жером, что это там за точка? Приближается к нам?

Жером. Птица, мсье.

Сэм. Орел!

Жером. Красавица птица…

Сэм. Наступит день — и мы с вами, Жером, бросимся с одной из этих вершин и взлетим… как и он! Что вы на это скажете?

Жером. Так точно, мсье!

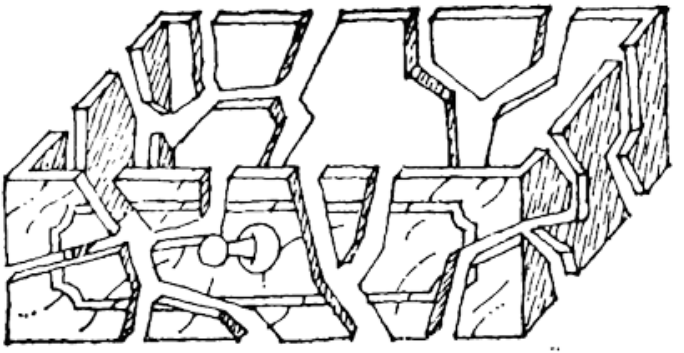
Сэм. Это ваше «мнение»?

Жером. Хм! То есть…

Сэм. В чем дело? Что вас не устраивает, старина?

Жером. А как спускаться…

Сэм. О! В случае неудачи усилий не потребуется!.. *(Смеется.)*



Пьер Руди
Омлет с горчицей

Pierre Roudy — DES OEUFS A LA MOUTARDE (1975)

На сцене он и она.

Он. Что ты там накупила?

Она. Ты со мной ходил, все видел. Пятнадцать лет я покупаю то же самое, у тех же самых продавцов, в один и тот же день педели, и ты всегда задаешь мне тот же самый вопрос.

Он. Все равно она слишком тяжелая. Разве обязательно закупать продукты на всю неделю

сразу?

Она. Понедельник — рыночный день. Я тут ни при чем. Он один раз в неделю, и ты это знаешь не хуже меня.

Он. Но зачем обязательно таскаться на рынок? Магазины открыты во все дни.

Она. Да, по на рынке дешевле.

Он. Что ты так трясешься над деньгами?

Она. А вдруг… *(Улыбаясь.)* Может быть, я захочу сделать себе какой-нибудь подарок.

Он. Все время ты говоришь одно и то же. Подарок… Уж не ждешь ли ты, когда я отправлюсь на тот свет, чтобы купить себе этот подарок?

Она *(иронично).* Конечно, только этого и жду. Яснее ясного.

Он *(серьезно).* Ну тогда будь спокойна. Я тебя не задержу. Каждый понедельник у меня сердце бьется все чаще и чаще.

Она. Ладно… Передохнем. Присядем на скамейку.

Он. Они должны поставить больше скамеек. На всей улице только одна.

Она. Я напишу мэру.

Он. Не поможет. Сколько раз ты ему уже писала? Было время — каждый день.

Она. Неправда. Я написала ему четыре или пять

писем, не больше.

Он. И он, естественно, тебе не ответил.

Она. Вот и нет, ответил. Такое любезное письмо.

Он. Письмо! Просто извещение без подписи.

Она. Была подпись.

Он. Какая-то. Неужели ты думаешь, что такие, как мы, кому-нибудь нужны? Мы слишком стары… Как я устал…

Она. Вон скамейка.

Он. Но уже кто-то сел!

Она. Да. И еще молодые.

Он. Да… Молодые…

Она. Что же делать?

Он. Вообще-то можно подождать, пока они уйдут. Они долго не просидят. Молодые ведь не устают, так как мы…

Она. Ты их разглядел?

Он. Нет. А что?

Она. Это девушки или парни, по-твоему?

Он. Не знаю. У меня нет хороших очков, а ты знаешь: без хороших очков я ничего не вижу…

Она. Это две парочки. Там две парочки. Влюбленные. Он. Ну?

Она. Ну и они будут долго сидеть.

Он. То есть, значит, ты думаешь, что они рас-

селись на нашей скамейке надолго и мне негде отдохнуть?

Она. Я-то тут при чем? Нельзя же их прогнать…

Он. Ты права .*(Помолчав.)* Но чем же ты все-таки набила свою кошелку?

Она. Ты знаешь.

Пауза.

Он. Можно с краю примоститься…

Она. Мы их будем стеснять.

Он. Ну совсем-совсем с краю.

Она. Все равно.

Он. В молодости я был не таким. Меня бы никто не стеснил. Уж точно!

Она. Мне кажется, ты забыл, как…

Он. Что кажется?

Она. Да. Ты забыл. Начисто.

Он. Но у меня хорошая память.

Она. Теперь уже нет.

Он. Всегда ты говоришь мне гадости.

Она. Не всегда. Только когда заслуживаешь.

Он. И по-твоему, сегодня я заслужил? Ну, знаешь…

Она. Конечно.

Он. Ты со мной разговариваешь, как с маль-

чишкой. Прямо как с мальчишкой! Думай, когда говоришь.

Она. Это из-за того, что ты всегда задаешь дурацкие вопросы…

Он. Никогда я не задаю дурацких вопросов. Это ты их так понимаешь. Большая разница. Очень большая.

Она. Нет никакой разницы.

Он. Я устал. Зайдем в кафе.

Она. Ты же знаешь, что тебе кофе нельзя.

Он. Можно взять что-нибудь другое.

Она. Что именно? Ну не стесняйся! Спиртного тебе тоже нельзя.

Он. То, что мне можно… Не знаю… липовый чай, например.

Она. У них его точно нет.

Он. Почему?

Она. Теперь его не пьют. Не пьют, и все. Никто не пьет.

Он. Никто? Удивительно!

Она. Говорю тебе.

Пауза.

И потом, ходить в кафе не принято.

Он. А вот теперь ты говоришь ерунду. В наше время правда было не принято, а теперь да. Те-

перь все ходят в кафе. Только ты уперлась, как старая ослица.

Она. Пусть так, но ноги моей не будет в кафе. И ты тоже не пойдешь, если меня хоть капельку любишь.

Он. Ладно. Ну что делать, если не в кафе?

Она. Пойдем дальше.

Он. Нет. Я очень устал.

Она. А что ты предлагаешь?

Пауза. Идут.

Он. О! Смотри! Они ушли. Вернемся?

Она. Не стоит. Мы почти дома.

Он. Конечно, ведь не у тебя в сердце перебои. Знала бы ты, что это такое, ты бы так легко не относилась.

Она. Ты уж очень прислушиваешься к себе.

Он. Неправда! Я не мнителен, и ты это знаешь.

Она. Ты изменился после болезни. Все время стонешь. Это я знаю.

Он. Никогда я не стону.

Она. Ты за собой не замечаешь.

Он. Я другое замечаю: то, что у тебя никогда не было сердца.

Она. Что ты имеешь в виду?

Он. То, что говорю. Никогда у тебя не было

сердца.

Она. У меня не было? После всего того, что я для тебя сделала?

Он. А что ты сделала?

Она. Разве я тебя не любила?

Он. Так всегда говорят.

Она. Ну, знаешь, это уже слишком! Я тебя любила, как… как… как только женщина может любить мужчину!

Он. Следовательно, немного.

Она. Ты старый дурак! И клоун! Пошли.

Он. Хватит с меня.

Она. Чего это с тебя хватит?

Он. Тебя и твоей кошелки. Неподъемной.

Она. Не устраивай сцен на улице. Мы уже не в том возрасте.

Он. Возраст, возраст… При чем тут возраст? Я говорю, что кошелка слишком тяжелая.

Она. Ты сказал: с тебя меня хватит.

Он. И кошелки.

Она. Пошли! Не стой посреди тротуара! Что стал как вкопанный?

Он. Я сказал — нет! Видишь парадное? Я сяду на ступеньки и не двинусь.

Она. Ты сядешь в своих чистых брюках?

Он. Чистые или грязные — мне все равно.

Она. Как ты позоришь меня перед людьми! Стыдно!

Он. Тебе всегда было за меня стыдно. Одним разом больше или меньше… какое значение…

Она. Не садись.

Он. Чего мне стесняться?

Она. Тогда я брошу тебя и уйду.

Он. Скатертью дорога.

Она. Ну… пошли. Перевел дух, и хватит. Что я тут перед тобою стою как идиотка.

Он. Подумаешь, неожиданное амплуа!

Она. Я тебе не позволю меня оскорблять.

Он *(хохочет).* Если ты будешь так кричать, всех прохожих перепугаешь… И тех, кто в кафе сидит. Вот я повеселюсь… Ты вся красная, как пион.

Она. И сравнения твои дурацкие, и в цветах ты никогда не разбирался. Ты знаешь, что такое пион?

Он. Это ты, когда злишься?

Она. Вставай, пойдем! Совсем я не злюсь, было бы из-за чего!

Он. Нет.

Она. Почему же опять нет?

Он. Потому что я еще не отдохнул.

Она. Не притворяйся.

Он. Тебе легко говорить, а у меня ноги подка-

шиваются и сердце еще не успокоилось.

Она. Ты всегда был изнеженным. А после болезни стал еще хуже.

Он. Кто бы говорил!

Она. А что? По сравнению с тобой…

Он *(перебивает).* Мадам слишком жарко! Мадам очень холодно! Ей нужно надеть что-то тепленькое, ей нужно снять что-то лишненькое. То ветер, то сквозняк, то мало солнышка, то в тени жарко, то воздух не такой. Да без конца.

Она. Я о себе всегда сама заботилась. И не тебе меня упрекать.

Он. Да уж, ты следила за своим здоровьем драгоценным! А другие, несчастные, должны были выслушивать твои жалобы и все время ухаживать за тобой.

Она. Вначале ты это делал с радостью.

Он. Да, раньше я думал, что это кокетство, по молодости, с годами оно пройдет. Не прошло. Ты со мной, как с рабом, обращалась. С рабом!

Она. А что же ты не вел себя так же?

Он. Как ты? Да я, голубушка моя, работал. Времени у меня не было обращать внимание на сквозняки. Я работал.

Она. Работал… Если можно назвать это работой.

Он. Да. И собой мне было некогда заниматься, как другим.

Она. А ты бы мог. Хотя кассир всегда защищен от сквозняков.

Он. Это чем же?

Она. Своей стеклянной будкой.

Он. Но у меня она была не стеклянная. Она была из проволочной сетки. Это сейчас они стеклянные. А сетка от сквозняков не защищает. Наоборот даже.

Она. Наоборот? Вот уж не верю.

Он. Ты хочешь меня вывести из терпения. И выведешь. Я тебя знаю.

Она. Я хочу тебя вывести на дорогу к дому, а это не то же самое.

Он. Не лучший способ. Я сказал, что не встану.

Она. Придется.

Он. Это почему же?

Она. Потому что, если через пять минут ты по встанешь, я пойду за полицейским!

Он. А?! И что ты ему скажешь?

Она. Правду!

Он. И ты думаешь, что полицейский что-нибудь сделает? Ошибаешься. Я просто вижу, как это будет. «Господин полицейский, мой муж, вон тот сумасшедший старик, который, вы видите,

сидит там на ступеньках, не хочет двинуться с места. Пожалуйста, помогите мне его поднять!» И знаешь, что полицейский тебе ответит? «Гражданочка, оставьте вашего мужа в покое!» Вот что он тебе скажет.

Она. Не выдумывай. Полицейские так не говорят.

Он. А что же они говорят, по-твоему?

Она. Они говорят: «Пройдемте!»

Он. Ну тогда я ему скажу, что я не могу, что я не виноват, если не могу «пройти».

Она. А кто же виноват?

Он. Я скажу — ты!

Она. Я?

Он. Конечно! Не надо было набивать кошелку. Ее поднять нельзя.

Пауза.

Она. Я знаю, что мне делать.

Он *(немного обеспокоенно).* Что делать?

Она. Вызову «скорую помощь».

Он. Сомневаюсь.

Она. Пусть они приедут и заберут тебя в больницу.

Он *(успокоенно).* В больницу? Вот здорово. Всегда мечтал попасть в больницу. Сестрички будут

за мной ухаживать. Молоденькие, хорошенькие. Не то что ты, вся в морщинах. Всегда любезные. А ты будешь сидеть дома одна! Сама с собой разговаривать, слоняться по комнатам… А я буду блаженствовать.

Она. Говорю тебе, что вызову «скорую».

Он. Ну иди! Чего ты тянешь?

Она. Значит, ты этого хочешь?

Он. Я — да, а вот ты — нет! Тебе страшно… очень страшно…

Она. Мне страшно?

Он. Да. Вдруг отправят в дом для престарелых?

Она. Замолчи.

Он. Это очень возможно. Почему бы и нет? В конце концов, мы уже в таком возрасте, и не впервые…

Она *(кричит).* Нет!

Пауза.

Он. Ладно… Ты бы лучше тоже присела на ступеньку. Смотри, я ее для тебя согрел… И потом… подстелю на камень. Садись…

Пауза.

Вот видишь, в ногах правды нет.

Она *(садится).* Уф! Все-таки очень я устала.

Вначале как-то не чувствуешь, насколько потом ноги устают.

Пауза.

Хорошо посидеть.

Он. Что верно, то верно.

Она. Немножко тут побудем. Несколько минуток… Чтобы бедные ноженьки отдохнули.

Он. Да.

Пауза.

Скажи, ты заметила машину внизу?

Она. Какую машину?

Он. Черную с решетками.

Она. Почему ты меня спрашиваешь?

Он. Это полицейская машина.

Она. Полицейская? Мы ничего плохого не делаем.

Он. Я и не говорю, но, может быть, это запрещено.

Она. Что запрещено?

Он. Сидеть здесь.

Она. Вот еще!

Он. А вдруг они нас примут за бродяг? Они ведь забирают бродяг…

Она. Глупости. И потом, у тебя есть пенсион-

ное удостоверение. Кассир на пенсии. Там так и написано.

Он. Видишь ли…

Она. Что? Что ты хочешь сказать?

Он. Так вот…

Она. Ой, ну говори наконец!

Он. Мне кажется, я потерял удостоверение.

Она. Как?

Он. Я его потерял однажды в понедельник, когда тащился с твоей чертовой неподъемной кошелкой. У меня его больше нет.

Она. Тогда лучше уйти.

Он. А может быть, это и не полицейская машина. Ты знаешь, ведь с моими глазами… Я не уверен.

Она. Вставай.

Он. Хорошо. Встаю. И ты вставай.

Она. Ты встал первый, дай мне руку.

Пауза.

Он. Нет.

Она. Помоги мне, кому я говорю.

Он. Не хочу, нет желания.

Она. Ну почему?

Он. Ты мне не верила, когда я говорил, что я устал. Ты не хотела, чтобы я присел.

Она *(решительно).* Помоги мне встать.

Он *(таким же тоном).* Я сказал — нет.

Она. Ты обязан.

Он. То есть, как?

Она *(торжественно).* Ты клялся делить со мной счастье и горе и оказывать мне помощь и поддержку.

Он *(прыскает со смеху).* Ах я клялся. Когда это было! Так давно, что уже и не считается. Как это называется? Ах да, вспомнил. Заповедь.

Она. Ты путаешь. Это не заповедь. И теперь это все больше и больше имеет значение…

Он. Кто это тебе наболтал?

Она. Это каждый знает.

Он. Уж лучше бы он помалкивал. Эти типы только глупости и говорят.

Она. Неправда.

Он. Одни глупости.

Она. Я всегда это чувствовала. Не надо было за тебя выходить замуж.

Он. С этим я согласен.

Она. Просто удивляюсь, почему я не разошлась с тобой.

Он. Я тоже.

Она. Бог свидетель, сколько ты мне давал поводов.

Он. Что правда, то правда.

Она. Я могла бы сто раз уйти.

Он. Я тоже.

Она. Но я оставалась. Не хотела бросать тебя на произвол судьбы. Потому что, скажу тебе, если ты еще не понял, я великодушна. Да-да, можешь смеяться — великодушна.

Он *(смеется).* Обопрись на свое великодушие и вставай.

Она. Ты изверг!

Он. Знаю.

Пауза.

Возможно. Мне все равно. Я уже стою.

Она. Это не они там идут? Помоги мне. Они подходят.

Он. Попроси вежливо.

Она. Хорошо. Помоги мне, сделай одолжение.

Он. Мало.

Она. Умоляю тебя!

Он. Уже лучше, но все-таки недостаточно.

Она. Я сделаю тебе омлет с горчицей.

Он. Честное слово?

Она. Честное слово.

Он. Чем поклянешься?

Она. Тем полицейским, который подходит.

Он. Ну так я тебе не поверю. Ты ведь его даже не знаешь.

Она. У тебя нет логики.

Он. Есть.

Она. Нет.

Он. И потом, ты никогда не умела вкусно готовить. И омлет с горчицей ты не любишь.

Она *(примирительно).* Я не буду над тобой больше смеяться и сделаю тебе омлет с горчицей.

Он. Ты не будешь надо мной смеяться? Это невозможно.

Она. Почему, скажи на милость?

Он. Потому, пожалуй, это и поддерживает тебя в жизни. Иначе ты давно бы умерла. Я тебя знаю как свои пять пальцев…

Она. Каким бываешь ты иногда вредным.

Он. Я? Вредным? Да я добр, как ягненок. Мне это всегда говорили. Но с тобой я стал вредничать. Теперь я знаю, как надо себя вести. Прекрасно знаю.

Она. Ну раз ты знаешь, я постараюсь сама подняться. И когда я встану, ты увидишь… Ты у меня, мой милый, дождешься…

Он. Ладно-ладно… Давай руку.

Она. Не нужна мне твоя рука! Держи ее при себе.

Он. Но теперь я хочу тебе помочь.

Она. Почему теперь, а не раньше?

Он. У меня были свои причины.

Она. Хотелось бы знать какие.

Он. Хотел проучить тебя. И проучил.

Она. Ну ты дождешься, ты дождешься…

Он. Теперь уже ты можешь взять мою руку.

Она. Ну теперь ладно, я ее возьму.

Он. И ты не сможешь сказать, что я тебе не помог.

Она *(подавая ему руку).* Ты только делаешь вид.

Он. Ну и тяжела ты. Это ты для себя накупаешь столько еды. Слишком много. Вот потому-то и кошелка неподъемная.

Она. Нет, это потому что в ней…

Он. Мне не важно, что в ней.

Она. Теперь, когда я встала, помогай дальше.

Он. Но ты уже стоишь.

Она. Помогай мне нести кошелку.

Пауза.

Он. Только ради тебя…

Она. Смотри-ка…

Он. Что такое?

Она. Полицейский ушел.

Он. Правильно. Когда он увидел, что мы встали, он понял, что мы не нищие бродяги.

Она. Ты должен заявить, что потерял пенсионное удостоверение.

Он. На что оно нужно?

Она. Вот ты так говоришь, а сам очень доволен, время от времени достаешь его. Я знаю. Достаешь из кармана и разглядываешь. Очень им гордишься.

Он. Не очень.

Пауза.

Все-таки. Как же насчет омлета?

Она *(ворчливо).* Не сделаю.

Он. Почему?

Она. Я не люблю.

Он. Знаю, но зато я люблю. *(Просительным тоном.)* Ради меня…

Она. Не могу.

Он. Чего не можешь?

Она. Не могу тебе сделать омлет с горчицей. Я не купила яиц.

Он. Тогда что же там в твоей чертовой кошелке?

Она. Все остальное.

Он. Что ж, значит, целую педелю я не буду есть

омлета с горчицей? Уму непостижимо. О чем ты думала?

Она. А ты помнишь, что доктор сказал?

Он. Плевать мне на доктора. Хочу омлет с горчицей, и яйца должны быть в твоей кошелке.

Она. Не стучи палкой по кошелке, пожалуйста.

Он. Почему?

Она. Потому, что ты их побьешь.

Он. Что я побью?

Она. Яйца…

Он. Но ты же сказала, что их нет.

Она. Хотела тебя позлить.

Он *(твердо, убежденно).* Ну я отомщу.

Она. Не представляю, каким образом.

Он. Сейчас увидишь… Очень просто. Сяду.

Она *(встревоженно).* Ой нет…

Он. Не надо было меня дразнить. Вот видишь… Сел.

Она. Прости меня.

Он. И не проси.

Она. Я знаю, что не нужно было… Как приду — сразу же тебе…

Он *(перебивает).* Что?

Она. Сделаю омлет с горчицей.

Он. Теперь уже поздно.

Она. Слушай, я извинилась. Не заводись снова.

Вставай.

Он. Нет.

Она. Будешь здесь торчать?

Он. Это мое дело.

Она. А мое?

Он. У тебя свои дела.

Она. Да, но мы всегда вместе?

Он. Нас вместе больше нет. Кончено.

Она. Но, в конце концов, мы же живем вместе.

Он. Мы жили вместе.

Она. Ты не хочешь идти домой?

Он. Нет.

Она. Куда же ты пойдешь?

Он. В больницу.

Она. В больницу?

Он. Да.

Она. Тогда я ухожу.

Он. Да. Катись.

Она. Прощай.

Он. Прощай.

Пауза.

Она. И у тебя не будет угрызений совести?

Он. Вот уж чего не будет.

Она. Если я правильно поняла, ты хочешь от меня избавиться.

Он. Да.

Она. И тебе не жалко? И сердце не щемит, и не жалеешь ни о чем?

Он. Совсем ни о чем.

Она. И ласкового слова не скажешь?

Он. Слово?

Она. Ну да. После стольких лет одно ласковое слово — не так уж много. Даже если ты так не думаешь, язык бы не отсох.

Он. Значит, ты хочешь, чтобы я тебе сказал одно только слово?

Она. Да.

Он. Хорошо. Дерьмо.

Она плачет или делает вид, что плачет.

Не рассчитывай меня разжалобить… Крокодиловы слезы.

Она шмыгает носом.

Держу пари — у тебя нет платка. На, возьми мой.

Она *(плача).* Спасибо.

Он. Не за что.

Пауза.

Ну теперь уходи… иди… Ты мне больше не нуж-

на… Она. Я не могу.

Он. Почему?

Она. Не знаю.

Он. Не надо было мне на тебе жениться. Ты даже хорошенькой не была.

Она *(продолжая плакать).* Ты говорил, что я умная.

Он. Ошибался.

Она. Значит, ты жалеешь?

Он. Да.

Она. Я тоже.

Он. Ты-ы? Ну нет, ты не шалеешь. Я тебя знаю. Ты очень довольна. Ты со мной была счастлива, не хитри. Тебе повезло невероятно. Я мог бы осчастливить другую женщину, более красивую, более умную, более женственную… Но получилось так… Не умел я выбирать.

Она. Выбирать?

Он. Взял первую попавшуюся. И самую заурядную.

Она. Так кто виноват?

Он. Но я тебе покажу, что никогда не поздно все начать сначала.

Пауза.

Она. Бумажник у тебя?

Он. Плевать мне на бумажник, на мое пенсионное удостоверение, на тебя, на все. Пойми наконец.

Она *(достает из сумочки).* Вот твой бумажник.

Он. Отлично.

Она. Бери же.

Он. Не надо.

Она. Кладу его рядом.

Он. Ладно.

Она. Смотри не потеряй.

Он. Постараюсь.

Она. Там немного денег.

Он. Еще бы. Ты всегда берешь все себе!

Она. О нет!

Он. О да… *(Вздыхает.)* Ты всегда у меня все отбирала.

Она. Ты жестокий человек.

Он. А ты нет?

Пауза.

Она. А если ночью будет холодно?

Он. Тебе-то что?

Она. Хочешь, я принесу тебе одеяло?

Он. Нет.

Она. Но ты же легко простужаешься.

Он. В больнице тепло.

Она. Скоро стемнеет. Поднимается туман и сырость. А твой бронхит?

Он. Плевать мне на бронхит.

Она. Что бы ты ни говорил, а сам будешь очень рад, когда я буду тебя лечить и ухаживать за тобой.

Он. Ты будешь меня лечить? Боже сохрани.

Она. Я купила все, что надо от кашля. Пастилки и микстуру.

Он. И яйца.

Она. Да, и яйца.

Он. На рынке.

Она. Как каждый понедельник.

Он. Как каждый понедельник… Вот именно… Тебе не надоело это — понедельник, воскресенья, паши будни?

Она. Нет. А что?

Он. Потому что мне надоело. В понедельник — рынок, во вторник — к соседям, в среду скучаем одни, в четверг — не знаю что, в пятницу — рыбный день, в субботу приходит инспекторша по социальному обеспечению или скауты. И каждую неделю все начинается сначала.

Она *(с иронией).* Ты забыл про воскресенья.

Он. Да, воскресенья… Про них-то я не забыл, поверь мне.

Она. Потому что по воскресеньям ты развлекаешься.

Он. Надоели мне и воскресенья. Если хочешь знать, я не люблю играть в шары.

Она *(с иронией).* Неужели?

Он. Да. Больше не люблю.

Она. И отчего такая перемена, разреши спросить?

Он. Я все время проигрываю. Почти месяц, как я ни разу не выиграл.

Она. Ну, это не от тебя зависит.

Он. Да нет…

Она. Но этого не может быть…

Он. Может. Я проигрываю, потому что не вижу яблочка. Маленькую бульку, как ты ее называла, когда ходила со мной. Так вот, я ее не вижу.

Она. Нужно сменить очки. Я давно это тебе говорю.

Он *(молчит, затем как будто бы просыпаясь).* Возможно, ты и права.

Она. Вот видишь.

Он. И все равно, мне надоело.

Пауза.

Она. Уже вечер. Рынок закрылся. Все разошлись. Остались только пустые стойки. Даже

влюбленные. Можно вернуться и сесть на скамейку. Там удобнее. А то торчим здесь, как два дурака.

Он. Можешь идти домой.

Она. Без тебя?

Он. Да, без меня. Я уже сказал, что ты мне не нужна. Ты и раньше-то не была хорошенькой. А сейчас? У тебя лицо сморщилось, как печеное яблоко. Ненавижу печеные яблоки. И потом, я думал, что ты умная. Это неправда. Ты притворялась. Я тебя раскусил!

Она. То есть, как — раскусил?

Он. Ты никогда не интересовалась тем, что я делал.

Она. Как бы я могла?

Он. Уж как-нибудь да могла.

Она. Как же? Объясни, пожалуйста.

Он. Не знаю.

Она *(с иронией).* Что ж, ты хотел бы, чтобы я приходила в твою будку и проверяла остаток?

Он. Нет, не это.

Она. Тогда что?

Он. Чтобы ты мне задавала вопросы, например. А ты их никогда не задавала. Никогда. Слышишь? Никогда.

Она. А ты? Ты задавал?

Он Нет.

Она. Значит, мы квиты?

Он. Нет.

Она. Ты упрямишься, как старый осел.

Он. Я знаю, что я прав. Ты всегда умеешь выкручиваться. Бог дал талант. Я это знаю. И тебя знаю. И тем не менее я прав, а ты нет.

Она. Чепуху ты городишь.

Он. Пусть чепуху. Но я прав. *(Начинает кашлять.)*

Она. Видишь, это от сырости. Я узнаю этот кашель. Я тебя предупреждала. Прекрасно знаешь, что тебе нужно беречься, но ты же сам себе голова… Вставай лучше.

Он. Нет.

Она. Вставай и бери одну ручку. Мы быстро дойдем.

Он. Нет, нет и нет.

Она. Не стучи палкой по кошелке.

Он Нет, нет и еще раз нет. Я перестал стучать. *(Продолжает бить.)*

Она. Сумасшедший старик! Ты все перебьешь.

Он. Значит, там яйца?

Она. Конечно, яйца. А что ты хочешь еще перебить? Ты что думаешь, они не в скорлупе, а в консервных банках?

Он. Не надо было говорить, что ты их не купила.

Она. Как же теперь быть?

Он. Не знаю.

Она. Они такие красивые были…

Он. Тем лучше.

Она. И очень свежие.

Он. Тем лучше, тем лучше, тем лучше.

Она. Полдюжины.

Он. Ах!

Пауза.

Она. Знаешь…

Он. Да.

Пауза.

Может быть, по дороге будет хоть один открытый магазин.

Она *(равнодушно).* Может быть.

Он. Тогда надо поторапливаться. Встаю.

Она. Чувствуешь, какая сырость?

Он. Ты думаешь, мне нужно новые очки заказать?

Она. Непременно нужно.

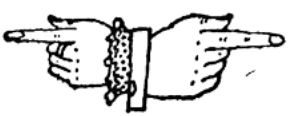
Он. Я берусь за эту ручку, а ты за другую.

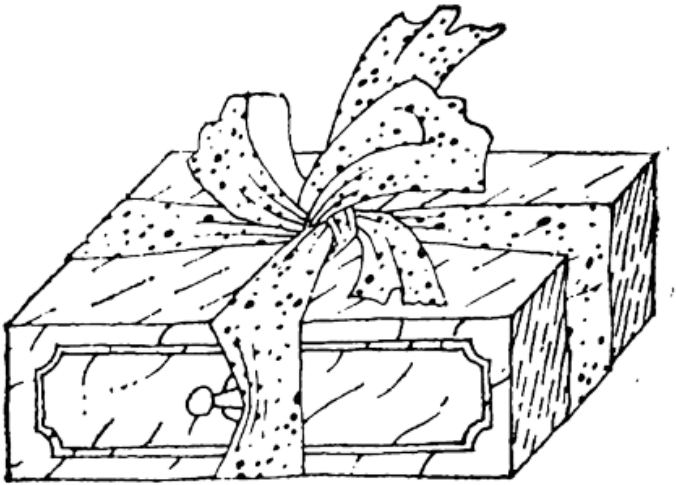
Она. Хорошо.

Пауза.

Он. Может быть, нужно пойти сказать им.
Она. Кому сказать и что?
Он. Влюбленным.
Она. Что ты хочешь им сказать?
Он. Они снова вернулись и сидят.
Она. Это другие.
Он. Вот именно. Они не знают, что узко сыро.
Она. Они заметят.
Он. Бедняги…
Она. Да…
Он. Скоро ночь. А знаешь… Ты не такая уж некрасивая…
Она. Купить бы яйца…
Он. Вот было бы здорово!

Удаляются, неся кошелку.





Пьер Барийе и Жан-Пьер Греди Счастливого Рождества

Pierre Barillet et Jean-Pierre Grédi — JOYEUX NOËL (1969)

Действующие лица:
Жоржетта.
Марсель.
Жан-Лу, *посыльный.*
Горничная.

Телевизионный мастер

Действие происходит в гостиной квартиры, расположенной на нервом этаже доходного дома. Вся задняя стена застеклена: через нес виден садик, с двух сторон зажатый домами. Слева — двустворчатая дверь, выходящая в вестибюль; справа, на переднем плане — дверь в спальню; между этой дверью и огромным окном — камин с зеркалом.

Двадцать четвертое декабря, около восьми часов вечера. В квартиру переехали только сегодня. Стоят диван, кресло и зажженный торшер; перед камином — ломберный столик, на котором накрыт праздничный ужин на двоих; красные свечи, рождественские розы, фужеры для шампанского. В серебряном ведерке — бутылка шампанского. В углу — елка, сверкающая шарами и гирляндами. Когда поднимается занавес, молоденькая горничная в розовом фартучке кончает накрывать на стол. Телевизионный мастер подключает телевизор, стоящий на передвижном столике, задней стенкой к

публике.

Мастер. А есть здесь антенна для второй программы?

Горничная. Не могу вам сказать. Надо спросить у мадам. Я новенькая.

Мастер. Как бы там ни было, но в этот час на крышу я не полезу… Приду после праздников. Пока поживете с комнатной антенной.

Горничная. Мадам хотела посмотреть рождественскую передачу.

Мастер. Вы только что переехали?

Горничная. Вещи перевезли вчера. Видите, еще не все распаковали.

Мастер *(нажимая на кнопки).* Черт побери! Что она так скачет, эта картинка! *(Смотрит на часы.)* Уже половина девятого, вы это понимаете? У меня не было сегодня пи минутки свободной, я подарок не смог купить, а живу я в Монтрее.

Горничная. Да еще много магазинов открыто!

Мастер. Что мадам, раньше не могла подумать? Заставлять меня подключать телевизор вечером под рождество! Наверно, она с нашим хозяином в хороших отношениях — сейчас мы принимаем заказы минимум за неделю.

Горничная. Для мадам Баллотэн, естественно,

можно было пойти навстречу.

Мастер. Почему? Что за птица ваша мадам?

Горничная. Гастроном «Братья Баллотэн»… Это она.

Мастер. Тот, что на углу улицы Севр?

Горничная. Напротив кино. Да он там один. Целый квартал.

Мастер. Тогда вопросов нет. Ясно, почему ваша хозяйка могла себе купить такую квартиру!

Горничная. Надо сказать, что вкалывает она не жалея сил… Женщина, одна, во главе такого большого дела… В каком-то смысле это даже лучше, она не будет много здесь торчать. Потому что моя последняя хозяйка, например, сидела у меня на голове с утра до вечера!

Входит Жоржетта.

Жоржетта *(в красивом пеньюаре, надевая серьги).* Очень хорошо, Жози, накрыла… Для шампанского не забудьте мозерские бокалы. *(Мастеру.)* Ну, молодой человек, как с телевизором?

Мастер. Мне кажется, мадам, все в порядке. Во всяком случае, лучше ничего не будет, пока не подключим к антенне.

Жоржетта. Хорошо-хорошо, меня устраивает… Жози, принесите сумку, она лежит на постели.

Горничная выходит.

Передайте от меня спасибо господину Адемару за то, что оп так быстро доставил телевизор. У вас сейчас, наверно, работы по горло?

Мастер. Ну не столько, сколько у вас, мадам Баллотэн.

Жоржетта. И не говорите, мои служащие уже еле ползают… В очередях просто драки. Кажется, могут убить друг друга за рождественский пирог. А еще удивляемся, что всюду войны… У меня даже не было времени пойти к парикмахеру!

Горничная возвращается с сумочкой.

Мастер. Трюфели, говорят, еще подорожали?

Жоржетта *(мастеру).* И все равно рвут из рук. Во всяком случае, жаловаться нечего! *(Горничной.)* Спасибо, детка. *(Достает из сумки деньги и дает мастеру.)* Держите, купите себе бутылочку. Выпьете ее за мое здоровье.

Мастер. О! Большое спасибо, мадам Баллотэн.

Жоржетта. Я всегда ценю тех, кто старается ради меня… У вас есть дети?

Мастер. Нет еще, мадам.

Жоржетта. Чего же вы ждете? Скорей бегите домой! Желаю хорошо встретить рождество.

Мастер. Спасибо, мадам Баллотэн, и вам того

же желаю.

Жоржетта. Ну насчет детишек — несколько поздно, но я тоже намерена встретить рождество как следует!

Мастер смеется.

Горничная уходит с мастером. Жоржетта, оставшись одна, любовно поправляет стоящие на столе приборы.

Горничная возвращается.

Вы вынули из холодильника гусиную печенку? Когда ее подают слишком холодной, она теряет вкус.

Горничная. Я все сделала, как вы сказали, мадам.

Жоржетта *(подходит к елке)*. Прекрасно… Подайте мне ту коробку. Надо кончать с елкой.

Горничная приносит коробку, из которой на протяжении последующего разговора Жоржетта достает шары и звезды и вешает их на елку.

А вы мне нравитесь, деточка… Мы еще как следует но узнали друг друга, но думаю, мы обе будем довольны. Вы увидите, со мной очень легко, при одном условии: чтобы вы всегда были хорошо причесаны и в веселом настроении.

Горничная *(поправляя прическу)*. Да, мадам.

Жоржетта. Не выношу надутых лиц. А что касается работы — нужно только к ней честно относиться, и с моей помощью вы далеко пойдете.

Горничная. Я не очень хорошо готовлю.

Жоржетта. Ничего, я вами займусь… Я, девочка, умею все. Столовое серебро, пироги, глажка — любому дам сто очков вперед…

Горничная. Но как вы всему этому научились?

Жоржетта. Так же, как и ты научишься: поступив на службу к той, кто потом стала моей свекровью — к старой мадам Баллотэн. Уверяю тебя, у нее на работе было не до сна, чертова карга!

Горничная. Так вы… тоже… были горничной? Никогда бы не сказала!

Жоржетта. Да? Ты думаешь? Ну спасибо… Но не буду забивать тебе голову глупостями, потому что в этом доме нет неженатого сыночка. Последнего свободного Баллотэна подцепила я.

Горничная. Прибрали к рукам, значит?

Жоржетта. И еще как! (Спохватываясь.) Эмиль — то есть мсье Баллотэн, мой муж, — был младшим. Младшим-то младшим, но ему было уже около пятидесяти. А по сути дела, он всегда был маленьким мальчиком, запуганным до смерти любимой мамочкой… До меня он и женщин не

знал. Как только он меня увидел, влюбился без памяти. Правду сказать, что в то время я была как картинка. И все же, чтобы жениться, пришлось ждать, пока старуху не разобьет паралич. Но я отплатила ей, когда кормила ее кашкой из ложечки.

Горничная. Сказка!

Жоржетта. Во всяком случае, когда Эмиль скончался — вот уже два года, — я имела полное право сказать себе, что со мной он был счастлив, по-настоящему счастлив…

Горничная. Отчего ж он умер?

Жоржетта. Автомобильная катастрофа… Бедный Эмиль! *(Смахивает слезу.)*

Горничная. Бедный мсье Баллотэн.

Жоржетта. Хотя, понимаешь, при такой разнице в возрасте я питала к нему, скорее, уважение… Уже давно мы спали врозь.

Горничная. Вот как?

Жоржетта. Правда, до свадьбы он частенько наведывался ко мне на шестой этаж. В моей сказке — как ты называешь — это не лучшие страницы.

Горничная. Да уж конечно!

Жоржетта. В конце концов, что было делать… Но расскажи мне о себе. С такими хорошенькими глазками у тебя, наверно, отбою нет?

Горничная. Не знаю, в глазках ли дело…

Жоржетта. Есть у тебя парень? Жених? Рассказывай.

Горничная. О! Ничего серьезного. Пока мне не везло.

Жоржетта. Но хочу тебе сразу сказать, что постоянная смена караула наверху меня не устраивает. Как бы еще не ограбили. Один дружок — пожалуйста. Это нормально, полезно для здоровья, но если ты их будешь все время менять, предупреждаю сразу: я не потерплю. Не говоря уже о том, что я считаю очень печальным фактом, что тебе двадцать лет и ты не влюблена…

Горничная *(презрительно)*. О, любовь…

Жоржетта. Что-о, любовь?

Горничная. Это все кино.

Жоржетта. Куриные мозги! В жизни только и есть что любовь.

Горничная. Но… вы мне сами только что сказали, что у вас с мсье Баллотэном…

Жоржетта. При чем здесь мсье Баллотэн! Я тебе покажу его фото, и ты сразу поймешь, что даже если этот человек и мог удовлетворить любые мои потребности, то потребность в любви — никогда!

Горничная. Тогда, значит, удовлетворял другой?

Жоржетта *(пожимая плечами)*. Естественно!

Горничная. И это его вы ждете сегодня на ужин?

Жоржетта. Не хочу от тебя скрывать!

Горничная. Мадам влюблена?

Жоржетта. Влюблена? Да посмотрите на меня. Мне даже стыдно, так это бросается в глаза.

Горничная. А он?

Жоржетта. Что он?

Горничная. Он тоже влюблен?

Жоржетта. Глупый вопрос! Разве по мне не видно, что я не буду одна изображать парное катание?.. Это Любовь с большой буквы!

Горничная *(восхищенно)*. Ах, черт возьми!

Жоржетта. Вот так!

Горничная. А почему вы за него не вышли, когда овдовели?

Жоржетта. Он не был свободен.

Горничная. А! Понимаю.

Жоржетта. Кроме того, Эмиль ведь умер очень недавно. Из уважения к памяти мужа и чтобы не компрометировать меня, тот, кого я люблю, уехал в Канаду. Мы не виделись уже больше года…

Горничная. Больше года!

Жоржетта. Но испытание приближается к концу… Скоро мы будем иметь право любить

друг друга открыто… При одной только мысли, что через минуту он будет здесь, передо мной, и обнимет меня, — я вся дрожу. Потрогай мою руку. Как лед.

Горничная. Вы так его ждете?

Жоржетта. О, если бы ты знала, Жози… Как будто я девушка и бегу на свое первое свидание. Глупо, да?

Горничная. О нет, мадам, это прекрасно… У меня слезы на глазах!

Жоржетта. Когда-нибудь ты тоже переживешь такое…

Горничная. Если для этого нужно ждать столько, сколько пришлось вам…

Жоржетта *(меняя тон)*. Что за мысли, моя милая! Вы много себе позволяете!

Горничная *(смущенно)*. Я не хотела обидеть мадам. Мадам еще так молодо выглядит…

Жоржетта. Ладно, брось, разве я пе вижу, что хитрости у тебя кот наплакал!

Звонок.

Горничная *(возбужденно)*. Это он, мадам, это он!

Жоржетта *(прикладывает руку к сердцу)*. Мне кажется, я сейчас упаду в обморок!

Горничная. А мне что делать, мадам?

Жоржетта. Да открывай же, дура безмозглая!

Горничная в полной растерянности бежит к двери в спальню.

Куда же ты? Дверь там!

Горничная *(поворачивается на сто восемьдесят градусов)*. Ах да, правда… *(Выбегает.)*

Через минуту появляется Марсель. Он в канадской куртке и меховой шапке. В руках у него чемодан. Горничная входит за ним и стоит, сгорая от любопытства.

Марсель *(ставит чемодан на пол, срывающимся голосом)*. Жоржетта…

Жоржетта *(так же)*. Марсель…

Они стоят не двигаясь в противоположных концах комнаты, обмениваясь долгим выразительным взглядом.

Жози, помогите мсье раздеться.

Горничная *(тоже срывающимся голосом).* Да, мадам. *(Помогает Марселю снять куртку и стоит, держа ее в в руках, как вкопанная.)*

Жоржетта *(Жози)*. Ну? Чего ты ждешь? Иди-иди. Ты мне больше не нужна.

Горничная берет чемодан и выходит, бросив последний взгляд на Марселя. Он теперь в твидовой куртке и шотландской рубахе. Но по-прежнему в меховой шапке.

Марсель. Моя любовь…

Они бросаются друг другу в объятия.

Жоржетта. Ты! Ты! Ты!

Страстный поцелуй.

Марсель. Не могу поверить…
Жоржетта. Я тоже…
Марсель. Как тянулось время!
Жоржетта. Не вспоминай. Мы теперь вместе. И навсегда. О! Марсель, Марсель…

Они снова обнимаются.

(Высвобождаясь.) Но дай на тебя посмотреть. Сними шапку!
Марсель. Ах да! *(Снимает шапку.)*
Жоржетта. У тебя прекрасный цвет лица!
Марсель. Свежий воздух.
Жоржетта. Виски чуть-чуть поседели. С ума сойти, как это тебе идет!
Марсель. А ты все такая же стройная, такая же молодая…

Жоржетта. С разницей в один год!

Марсель. Ты никогда еще не была такой красивой…

Жоржетта. Это потому, что ты рядом.

Марсель. Ах, Жоржетта, как вспомню все ночи без тебя…

Обнявшись, они опускаются на диван.

Жоржетта *(через некоторое время высвобождаясь).* Ты задушишь меня, мой любимый… задушишь…

Марсель. Прости, я совсем одичал… но я так мечтал, как я обниму тебя… *(Надевает шапку.)*

Жоржетта. Время от времени надо устраивать передышку. Хотя бы для того, чтобы начать с большим пылом… Впрочем, нам так много нужно друг другу рассказать…

Марсель. Ты права… Я даже не знаю, с чего начать…

Жоржетта. Сними же шапку, Марсель…

Марсель. О! Прости… *(Обводит взглядом комнату.)* Значит, это твоя новая квартира?

Жоржетта. Да… Тебе нравится?

Марсель. Очень мило.

Жоржетта. Как раз то, что нам нужно для двоих. Я ее тебе сейчас всю покажу. Но, предупреждаю,

еще ничего не устроено. Видишь, даже вещи не распакованы. Но я непременно хотела нашу первую ночь провести здесь. У нас дома.

Марсель. У нас! Как радостно это слышать!

Жоржетта. Ты знаешь, тут и садик есть… Ты сможешь сажать тюльпаны. А весной будем пить кофе на солнце, в шезлонгах. О! Мой любимый, как мы будем счастливы… Но скажи: ты не хочешь есть? Может быть, ты пока что-нибудь перекусишь?

Марсель, Нет-нет, не надо… Нас в самолете кормили.

Жоржетта. Ну тогда подождем немного до ужина…. Я тебе такие вкусные вещи приготовила.

Марсель. За это я не беспокоюсь.

Жоржетта. Как ты долетел?

Марсель. Летели через грозу. Качало ужасно.

Жоржетта. Ах, замолчи! Больше никогда не будешь летать в самолете без меня. Слышишь? Никогда! И если что-то должно случиться, пусть случится с нами вместе.

Марсель *(растроганно).* Да, моя родная!

Жоржетта. Клянись мне, клянись!

Марсель *(надевая шапку).* Клянусь!

Жоржетта. Шапка!

Марсель *(рассеянно).* Мм?

Жоржетта. Ну сними же свою шапку наконец! *(Снимает ее и бросает в сторону.)* Ты больше не в Канаде!

Марсель. Это правда, я рядом с тобой!.. В тепле. Ах,

Жоржетта, Жоржетта! *(Обнимает ее.)*

Жоржетта. Ай!

Марсель. Я тебе сделал больно?

Жоржетта. Твой пыл настолько же похвален, насколько понятен, но я буду вся в синяках…

Марсель. Прости. Целый год я корчевал деревья…

Жоржетта. Да, но я не бревно!

Марсель. О моя хрустальная вазочка…

Жоржетта. Придется снова приучать этого медведя… Сюда! Сидеть, сидеть…

Марсель. Буду стараться.

Жоржетта. Ты не огорчился, что не увидел меня в аэропорту?

Марсель. Но я же сам просил тебя не приезжать… Встретиться вот так, в общественном месте… Я боялся, как бы мне от счастья не разреветься при всех.

Жоржетта. Мой родной… я бы сдержалась, но ты знаешь, у меня ведь магазин…

Марсель. Я об этом и думал!

Жоржетта. Двадцать четвертое декабря! Представляешь себе?

Марсель. Большая выручка?

Жоржетта. Еще не знаю, но не удивлюсь, если больше, чем в прошлом году.

Марсель. Здорово!

Жоржетта. Дела идут, дела идут! Ты будешь доволен.

Марсель. Ты не очень устаешь?

Жоржетта. Ты же знаешь, Марсель, что такой магазин, как «Баллотэн», нельзя пустить на самотек… Вот, например, весь прошлый месяц у меня были инспектора.

Марсель. Черт!

Жоржетта. Успокойся, все кончилось прекрасно! У меня все всегда кончается прекрасно!

Марсель. Ты сильная женщина!

Жоржетта. А как было в Канаде? Не очень тяжело?

Марсель. Там был лес! О Жоржетта, лес — это…

Жоржетта. Да, лес… А кроме?

Марсель. Ну, вечерами было тоскливо. Но я учил английский: ай спик инглиш. Я много читал… больше, правда, детские книжки с картинками! Но все время у меня уходило на письма к тебе.

Жоржетта. Такие прекрасные письма, мой любимый. «Ай лавю» — я их все храню… *(Ласково кладет голову на плечо Марселю.)* Тебе хорошо?

Марсель. Да, очень.

Пауза.

Жоржетта. Я хотела сделать тебе сюрприз, но не могу удержаться…

Марсель. Что такое?

Жоржетта. Я открыла в магазине отдел глубокозамороженных готовых блюд. И хочу поставить тебя заведующим.

Марсель. Меня? В «Баллотэне»?

Жоржетта. Мы все время будем вместе. Это будет чудесно. Ты доволен?

Марсель. Жоржетта… ты с ума сошла?

Жоржетта. Я?

Марсель. А как служащие?

Жоржетта. Что — служащие?

Марсель. Это невозможно, ты не отдаешь себе отчета! После всего, что произошло!

Жоржетта. А что произошло?

Марсель. Да суд!

Жоржетта. О! С этим покончено, все давно забыто.

Марсель. Такой процесс за год не забывается!

Для всех это как будто вчера,

Жоржетта. «Все», «все»… Тебя же оправдали! Да или пет?

Марсель. Оправдать-то оправдали…

Жоржетта. Все же оправдали!..

Марсель. Послушай, Жоржетта, смотри правде в глаза: я был обвинен в убийстве твоего мужа… против нас были такие улики…

Жоржетта. Позволь тебе заметить, что я лично фигурировала только как свидетель.

Марсель. Да, но я отбыл год на каторжных работах!

Жоржетта. Мой родной, если бы ты знал, как я страдала… А адвокат запретил мне даже навещать тебя! К счастью, ты сидел только в следственном изоляторе.

Марсель. Но суда присяжных я все же не избежал.

Жоржетта. На котором и установили твою невиновность… Нет-нет, чем больше я об этом думаю, Марсель, тем больше убеждаюсь, что эта история больше никого не интересует.

Марсель. Допустим… Но если я снова появлюсь в магазине, да еще любимчиком хозяйки, тут все всплывет снова. Языки развяжутся. Анонимные письма посыплются градом! А там какой-нибудь

журналист тиснет статейку — и опять начнется следствие…

Жоржетта. Не накликай беды! Конечно, всегда найдутся завистники, которые будут на нас лить грязь. Но в магазине меня очень любят, и ты можешь рассчитывать, что большая часть служащих будет на нашей стороне, а других я вышвырну за дверь.

Марсель. Нет, Жоржетта, мне кажется, нам пока надо держаться осторожно.

Жоржетта. Плевать нам на то, что другие говорят и думают… Самое главное — чтобы совесть была чиста. Я верю в Справедливость с большой буквы.

Марсель. Что ты несешь?

Жоржетта. Я говорю, что раз нам не в чем себя упрекнуть…

Марсель. Жоржетта, Жоржетта… кому ты это говоришь?

Жоржетта. А что? Ты себя можешь в чем-то упрекнуть?

Марсель. Ну, послушай… ведь твой муж убит не кем другим, как нами…

Жоржетта. Тсс… Горничная! *(Встает и идет закрыть дверь.)* Что с тобой? Что ты вбил себе в голову? Ты, наверно, спятил… в своем канадском

лесу!

Марсель. Жоржетта, мы с тобой одни. Зачем нам ломать комедию?

Жоржетта. Это был несчастный случай! Доказано, что это был несчастный случай.

Марсель. Хочешь, я тебе напомню…

Жоржетта. Да замолчишь ли ты?

Марсель. Мы возвращались втроем из Жуи-ан-Жозе, куда ездили на уик-энд…

Жоржетта. Пе-ре-стань!

Марсель. Как всегда, я был за рулем. Эмиль — рядом… Ты — сзади… Наступила ночь. Мы ехали молча…

Жоржетта. Я затыкаю уши.

Марсель. Как было заранее договорено, ты сказала: «Марсель, мне кажется, у нас спустила шина». Я остановился. И опять, как было договорено, ты сказала: «Эмиль, пойди посмотри!».

Жоржетта. Я это сказала? Это ты сказал!

Марсель. Нет, ты.

Жоржетта. Раз я говорю, что ты, — значит, ты!

Марсель. Врешь!

Жоржетта. Перечитай мои показания!

Марсель. Твои показания! Это записано здесь, представь себе! *(Стучит пальцем по лбу.)*

Жоржетта. Слушай, Марсель, не будем копать-

ся в этих мелочах.

Марсель. Тем более что результат был достигнут. Эмиль вышел из машины.

Жоржетта. Несчастный! Зачем, зачем он только вышел?

Марсель. Потому что ты ему приказала, черт побери!

Жоржетта. Ну хватит! Ты опять начинаешь?

Марсель. Эмиль вышел. Во всяком случае, на этот счет у нас одно мнение. Он наклонился, чтобы осмотреть шину. Я нажал на газ. И — ррр! Машина проехала по нему.

Жоржетта. Да нет, совсем не так! У тебя соскользнула нога с педали.

Марсель. А когда я дал по нему задний ход? Опять соскользнула нога? Ну? Отвечай! Нога соскользнула?

Жоржетта. Что ты привязался?

Марсель. Хочешь ты этого или нет, но мы с тобой собственными руками отправили его на тот свет, красавица моя.

Жоржетта *(решительно)*. Советую тебе, Марсель, никогда, никогда не повторять этого!

Марсель. А почему? Боишься правды? Я ни о чем не жалею.

Жоржетта. А кто жалеет?

Марсель *(упрямо)*. Мы не можем строить наше будущее на лжи… между нами всегда будет труп Эмиля, Жоржетта, и с этим надо смириться.

Жоржетта. Эмиль на Пер-Лашез. А мы еще молоды, богаты и любим друг друга. Перед нами все радости жизни. Я не хочу, чтобы ты попрекал меня прошлым. Понятно?

Марсель. Тем не менее надо подбить итоги, когда начинаешь с нуля.

Жоржетта. Ну что ж, тебе непременно надо вытащить все грязное белье? Тебе после этого будет легче? *(Изображая, что засучивает рукава.)* Раз так… Да, Эмиля надо было убрать. Это была плата за наше счастье. Может быть, ты считаешь теперь, что заплатили слишком дорого?

Марсель. Нет, при условии, что найду это счастье.

Жоржетта. Пережевывая все это, мы его не найдем. Я дам тебе счастье, Марсель, если ты не будешь мешать. Посмотри, как все сейчас благоприятно складывается!

Марсель. Если ты вобьешь что-то себе в голову… бульдозер!

Жоржетта. Если бы Эмиль закрывал кое на что глаза, он бы и сейчас был на этом свете! Нет, ему захотелось, видите ли, ревновать! Жизнь

превратилась в ад… Ох! Да если прямо говорить, он и так достаточно прожил. У него уже был один удар. Он вообще впадал в маразм… Мы избавили его от тяжелой старости.

Марсель. Уж скажи сразу, что оказали ему услугу.

Жоржетта. Двадцать лет я терпела его прихоти, его скупость, его нотации. Магазин поглощал меня настолько, что и в голову не могло прийти ему изменять… До того дня, когда впервые наши взгляды встретились. Помнишь, Марсель? Как электрическая искра!

Марсель. Как будто вдруг мы оказались одни в целом мире. Как будто вокруг ничто не существовало.

Жоржетта. Как сейчас вижу тебя таким, как ты тогда вошел. Великолепный, в большом синем фартуке… в сапогах… на левой руке татуировка… С огромным омаром в руках…

Марсель. И ты мне сказала: «Вы, новенький, откройте мне три дюжины средних устриц…»

Жоржетта. И я добавила: «Вам не трудно будет доставить их ко мне домой?»

Марсель. Да, ты шла прямо к цели!

Жоржетта. Ты минутку поколебался, а потом ответил с улыбкой: «Чего не сделаешь ради вас,

хозяйка!» — от которой у меня внутри все перевернулось.

Марсель. Я так сказал?

Жоржетта. Да, ты сказал.

Марсель. Совсем не помню.

Жоржетта. А вот сказал! Как сейчас слышу!

Марсель. «Чего не сделаешь ради вас, хозяйка»?.. Тогда я не думал, как далеко это меня заведет.

Жоржетта *(влюбленно)*. Не дразни меня!.. В тот же вечер мы были вместе.

Марсель. Но недолго. Потому что неожиданно вошел твой муж. Пришлось залезть под кровать.

Жоржетта *(смеется).* Мы потеряли голову!

Марсель. Сейчас я уже на такие подвиги неспособен.

Жоржетта. Уже нет?

Марсель. Год тюрьмы не укрепляет.

Жоржетта. Но ты был такой крепкий! Скала!

Марсель. Теперь к концу дня я устаю.

Жоржетта. Ну что ж, будешь позже вставать по утрам. И даже, если захочешь, целый день сможешь лежать в постели, и никто тебя не потревожит.

Марсель. Еще бы, Эмиль теперь не застанет врасплох.

Жоржетта. Хватит! Хватит с меня Эмиля! Ты что же, собираешься произносить его имя каждые две минуты? Веселая история!

Марсель. С тобой не соскучишься! Я же всегда тебя знал только рядом с Эмилем!.. «Осторожно — Эмиль!», «Будь вежливее с Эмилем!..», «Потише, Эмиль услышит»... Мне нужно отвыкнуть от твоего Эмиля!

Жоржетта. Марсель, если ты еще раз произнесешь его имя, со мной будет истерика!

Марсель. Это сильнее меня. Все время кажется, что вот-вот откроется дверь и войдет Эмиль.

Дверь медленно открывается.

Жоржетта *(испуганно)*. Ай!

Марсель. Кто там?

Появляется горничная.

Жоржетта. А! Это вы... Что вам нужно?

Горничная. До сих пор не привезли торт.

Жоржетта. Какой торт?

Горничная. От «Баллотэна».

Жоржетта. Ах торт... Нет, это уж слишком!.. Если через пять минут его не будет, я позвоню и...

Горничная. Так что мне делать?

Жоржетта. Ступайте на кухню и ждите...

Горничная выходит.

Какой еще торт! *(Марселю.)* Чем ты меня пугаешь?

Марсель. Я не знал, что ты веришь в привидения.

Жоржетта. Марсель, не шути.

Марсель. Жоржетта, давай не ссориться!

Жоржетта. Прости меня, мой любимый… Твое возвращение так меня взволновало, что я пе знаю, где я нахожусь…

Марсель. Находись здесь!

Жоржетта *(прижимаясь к нему)*. Обними меня…

Он обнимает ее.

Наша любовь сильнее нас, Марсель. Правда?

Марсель. Да, Жоржетта. Сильнее всего на свете.

Жоржетта. Теперь ты понимаешь, почему я непременно хотела переехать на новую квартиру? Нужно было покончить с воспоминаниями. Здесь нас ничто не связывает с прошлым. Эти стены будут единственными свидетелями нашего медового месяца.

Марсель. Если плотно задернуть занавески. Надеюсь, ты о них подумала?

Жоржетта. Да, конечно, из серо-розовой тафты… Это очень изысканно, ты увидишь… Но почему ты об этом спрашиваешь?

Марсель. Потому что из противоположного дома все видно, что здесь происходит.

Жоржетта. А что, соседям больше нечего делать, кроме как на нас глазеть? Впрочем, на таком расстоянии… им придется покупать бинокли!.. Ты правда думаешь, что мы их так заинтересуем?

Марсель. Пока они не знают, кто мы, — нет… Но подожди, узнают, и тогда…

Жоржетта. У тебя идефикс!

Марсель. А консьержка что из себя представляет?

Жоржетта. Очень любезная… Впрочем, за те деньги, которые я ей плачу…

Марсель. А ты не очень много даешь? Потому что, когда слишком, еще покажется подозрительным…

Жоржетта. Нет-нет. Я все делаю правильно. Я это умею.

Марсель. Она замужем?

Жоржетта. Кто? Консьержка?.. Да, у нее всегда там торчит какой-то полицейский — наверно, ее муж.

Марсель *(подскакивая)*. Полицейский! Браво!

Ты другой дом не могла выбрать?

Жоржетта. У тебя мания преследования. Меня это начинает беспокоить!

Марсель. Перед тем как покупать эту квартиру, могла бы посоветоваться со мной.

Жоржетта. Были еще желающие, надо было быстро решить… Впрочем, квартира отличная. А без консьержки и без соседей квартир не бывает.

Марсель. В Канаде у меня была.

Жоржетта. В Канаде, в Канаде… остался бы там насовсем!

Марсель. Жоржетта!

Жоржетта. Да правда, что тебе нужно? Я предлагаю великолепное место в «Баллотэне» — мсье не хочет… Я покупаю квартиру, выкладываю деньги — мсье не подходит… Хотелось бы знать, чем можно тебе угодить? Терпению есть предел!

Марсель. Я хочу, чтобы обо мне никто ничего не знал. Я не хочу слышать, как шепчутся за моей спиной, когда я покупаю газеты в киоске.

Жоржетта. Как можно до такой степени бояться пересудов? Я одна сумела с ними справиться! Все заткнулись!

Марсель. А заткнутся ли, когда постоянно будут видеть нас вместе?

Жоржетта. Положись на меня, малыш. Я жен-

щина добрая, но лучше мне не наступать на ногу. Несдобровать тому, кто встанет поперек дороги Жоржетты Баллотэн.

Марсель *(отшатываясь).* Ты знаешь, иногда я тебя просто боюсь…

Жоржетта *(смягчаясь)*. Меня, любимый?..

Марсель. У тебя глаза сверкнули как молния.

Жоржетта. Иногда я вынуждена обороняться.*(Нежно.)* Правда, теперь ты снова со мной и я под твоей защитой.

Марсель. Вот именно… Я не предполагал, что ты уже все решила за нас двоих. Я думал — мы будем решать вместе. По правде говоря, я не совсем так все себе представлял…

Жоржетта. Да? И как же ты представлял?

Марсель. Раз мы начнем новую жизнь, почему бы ее не начать на новом месте?

Жоржетта. На каком это новом?

Марсель. Где-нибудь, где никто нас не знает. Где люди, завидев нас, не будут говорить друг другу: «Эти двое пришили старого мужа».

Жоржетта. На необитаемом острове?

Марсель. Нет, в Канаде!

Жоржетта. В Канаде? Ну конечно!

Марсель. Ты знаешь, это потрясающая страна! Можно ехать сотни и сотни километров и не

встретить живой души…

Жоржетта. Вот весело!

Марсель. Когда возвращаешься оттуда, здесь все кажется таким мелким! Мы можем купить ферму, заняться сельским хозяйством… Я даже присмотрел одну, она продается, триста гектаров…

Жоржетта. Триста гектаров! Конечно, там соседи но помешают!

Марсель. На рассвете я буду выезжать на тракторе в поля, а ты будешь задавать корм свиньям и курам.

Жоржетта. Прекрасная программа!

Марсель. Конечно, я предлагаю тебе жизнь простую и даже трудную. Но мы будем в постоянном общении с природой и, самое главное, совершенно одни. Я с тобой. И ты со мной.

Жоржетта *(лицемерно).* Конечно, это было бы чудесно! Но, увы, вряд ли осуществимо!

Марсель. Не вижу почему.

Жоржетта. А фирма «Баллотэн»? Как с ней быть?

Марсель. Продашь… Тебе сколько за нее дают?

Жоржетта. Дело не в этом, Марсель… Я унаследовала фирму моего мужа. Я не имею морального права ее бросить!

Марсель. Ну ты даешь!

Жоржетта. Я все же ношу его фамилию…

Марсель. В Канаде ты будешь мадам Руссо.

Жоржетта. Почему мадам Руссо?

Марсель. Потому что станешь моей женой.

Жоржетта. Ах! Правда!.. Извини, любимый, я так волнуюсь, что… Я была бы так счастлива называться «мадам Руссо», но боюсь, не будет ли это слишком опрометчиво…

Марсель *(мрачно).* Ты не хочешь выходить за меня?

Жоржетта. Это мое самое сокровенное желание, но разве я и без того не твоя жена?..

Марсель. Я не хочу, чтобы ты называлась Баллотэн.

Жоржетта. Но для тебя я просто Жоржетта. Твоя Жоржетта.

Марсель. Теперь приказываю я!

Жоржетта. Марсель!

Марсель. Ты поедешь со мной в Канаду. Там мы поженимся… Ради тебя, Жоржетта, я рисковал попасть под гильотину… Преступление нас связало. Разлучить может только смерть.

Жоржетта. Веселый разговор.

Марсель. Никогда этого не забывай!

Жоржетта *(высвобождаясь).* Не надо упря-

миться,

Марсель... Для тех, кто любит друг друга так, как мы любим, нет преград. Просто все так внезапно... Я не ждала... Обещаю тебе, что обдумаю вопрос о Канаде!

Марсель. Очень тебе советую.

Жоржетта. Поговорим об этом завтра на свежую голову... А сегодня — пусть будет радостным вечер нашей встречи! Кстати, выпьем-ка шампанского! Что может быть лучше для поднятия духа! *(Идет к ведерку с шампанским.)*

Марсель. Мне не хочется.

Жоржетта. Ты разлюбил шампанское?

Марсель. Отвык. Там я пил только молоко.

Жоржетта. Что ж... Тогда без шампанского. А жаль, у меня к нему такая гусиная печенка!

Марсель. Мне нужно ограничивать себя в жирах. Представь себе, у меня холестерин!

Жоржетта. Да брось! Может быть, тебе манную кашу сварить?

Марсель. Ничего. Съем кусочек печенки, чтобы доставить тебе удовольствие.

Жоржетта. Не принуждай себя... В любом случае я ей отдам должное.

Марсель. Давай скорее за стол! Не хочу слишком поздно ложиться.

Жоржетта *(прижимаясь).* Я поняла, бесстыдник! Не еда тебе нужна… Догадалась?

Марсель. О, еще бы! Хотя не знаю, то ли это от самолета, то ли от изменения времени, но я смертельно захотел спать.

Жоржетта. Ну, полный набор!

Марсель. Не сердись, пожалуйста!

Жоржетта. Нет, ничуть!.. Воображаю, какое у меня будет веселое рождество… Слава богу, телевизор установили. По крайней мере рождественскую мессу послушаю на худой конец… *(Включает телевизор.)*

Передается рождественская служба.

Они садятся за стол, повернувшись к телевизору; у обоих хмурый вид. Появляется горничная.

Горничная. Мадам, торт доставили.

Жоржетта. Лучше поздно, чем никогда! Ну, раз доставили, кладите на блюдо и подавайте.

Горничная. А как с посыльным? Мне ему что-нибудь дать?

Жоржетта. Пришлите его сюда. Я ему скажу пару слов.

Горничная выходит.

Марсель. Слушай, не спускай собак на беднягу

в рождественский вечер!

Жоржетта. С твоего разрешения — и до нового приказа— я все еще хозяйка фирмы «Баллотэн».

Марсель пожимает плечами и поворачивается к телевизору.

Горничная вводит посыльного и уходит. Это красивый парень в кожаной куртке и сапогах. Он непринужденно улыбается.

Посыльный. Мое почтение.

Жоржетта. Скажите на милость, вам что, наплевать на заказчиков совсем?

Посыльный. Мадам Баллотэн, это не моя вина.

Жоржетта *(рассматривая его).* Но кто вы? Я вас не знаю. С каких пор вы работаете в магазине? *(Встает и подходит к посыльному.)*

Марсель продолжает сидеть, как сидел, то есть спиной к входной двери. Он не обернулся, когда вошел посыльный, и не обращает на них никакого внимания, полностью поглощенный телевизионной передачей.

Посыльный. Меня взяли временно, на предпраздничные доставки.

Жоржетта. И вы доставляете заказы в такое позднее время?

Посыльный. Там перепутали адреса… Ваш торт отправили вместо горячего паштета на другой конец Нейи… Мне пришлось два раза скатать туда и обратно.

Жоржетта *(неожиданно кокетливо)*. Тогда другое дело. Беру свои слова обратно… Вы просто молодец.

Посыльный. Я уже закончил свой маршрут и отвел машину в гараж. Пришлось сесть на свой мотоцикл и мчаться к вам. *(Тыльной стороной руки вытирает пот со лба.)*

Жоржетта. Ради того, чтобы привезти мне торт? Это очень мило с вашей стороны.

Посыльный. Чего не сделаешь ради вас, хозяйка!

При этих словах Марсель внезапно к ним оборачивается.

Жоржетта. Как тебя зовут, мой мальчик?

Посыльный. Жан-Лу.

Жоржетта. Так вот, Жан-Лу, выпьешь с нами шампанского?

Посыльный. Не откажусь, мадам Баллотэн…

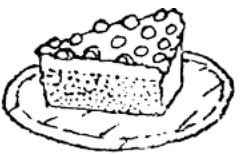
Жоржетта берет бутылку шампанского, наполняет два фужера и протягивает один из них посыльному.

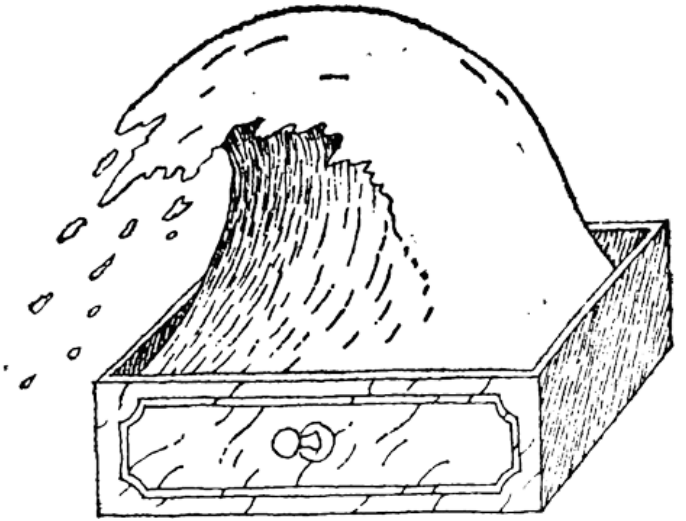
Спасибо.

Жоржетта *(поднимая бокал).* Счастливого рождества, Жан-Лу…

Посыльный (*поднимая в свою очередь бокал).* Счастливого рождества, мадам Баллотэн. *(Поворачивается к Марселю и очень вежливо говорит.)* Счастливого рождества я вам, мсье Баллотэн!

Жоржетта *(рассеянно протягивает свой фужер в сторону Марселя, не сводя глаз с молодого человека).* За твое здоровье… Эмиль!





Пьер Жакез Элиас
Одержимые морем

Pierre Jakez Hélias — LES FOUS DE LA MER (1965)

Действующие лица:
Мишель,
Лан-Мария,
Гаид,
Смуглянка,

Мать.

Нижнее помещение ветряной мельницы на крайнем западе Бретани. Мельница огорожена стеной, которую видно через две узкие двери: одну — на переднем плане слева, другую — справа, в глубине. Между ними — парус, натянутый на сломанную мачту, он служит пологом, за которым лежит мать. Она не видна зрителю, слышен только ее голос. Мишель, облокотившись на притолоку правой двери, вслушивается в глухой рокот моря. В центре комнаты Лан-Мария чинит парус. Он сидит на стремянке, к которой прислонен его костыль. Еле слышным голосом он напевает заунывную песню — плач о погибших в море; иногда начало фраз он выкрикивает неожиданно громко.

Голос матери. На этот раз ты умрешь, Мари-Жанна Керноа. Какая разница — через несколько минут или через несколько часов! Напрасно ты так долго боролась! Всю свою жизнь ты сражалась с морем. Но в тот день ты выпустила весла из рук и упала на скамью. Ты была сломлена. Твой сын Мишель, твой матрос, на руках перенес

тебя сюда, в эту мельницу, в наше логово. А твой другой сын, хромой Лан-Мария, постелил тебе постель из водорослей за этим старым парусом, который не надует уже никакой ветер. И ты в агонии. Теперь они оба около тебя ждут, когда ты умрешь. Ну развяжи им руки!

Мишель *(брату).* Хватит! Заткнись!

Лан-Мария. Ты не хочешь, чтобы я пел?

Мишель. Нет. Так лучше. Отвлекает от дум.

Лан-Мария. Кого?

Мишель. Нас обоих.

Лан-Мария. А что нам тогда остается?

Мишель. Ничего.

Лан-Мария. Пусть будет так!

Голос матери. Они не выдерживают. Жизнь слишком тяжела. Никто бы не выдержал. Я, Мари-Жанна, была последней. Времена изменились, и это к лучшему. Ну же! Ступай ко всем остальным Керноа!

Лан-Мария снова принимается за работу. Мишель идет к двери. Он хочет заглянуть к матери за полог, но колеблется. В двери бесшумно появляется Смуглянка. С притворно-униженным видом она входит в комнату.

Смуглянка. Здравствуйте, мужчины!

Голос матери *(разгневанно).* Это она? Ты еще не остыла, а она уже тут как тут, падаль!

Мишель. Зачем ты явилась, гадюка?

Смуглянка *(плаксиво).* Стыдись, Мишель Керноа! Неуместные слова! Я пришла вам пособить. Я подумала, что, если, часом, ваша мать умрет, мужчины не сумеют ее обрядить. Вот будет беда!

Мишель. Беда будет, если я допущу, чтобы твои грязные руки касались моей матери! Стыдись, Смуглянка! Ты торговала своим телом в городских предместьях и вернулась оттуда с дочерью, имени отца которой ты не знаешь, если это только не был сам дьявол во плоти! И ты хочешь обряжать Мари-Жанну Керноа! Ты недостойна даже смотреть на ее лицо.

Смуглянка *(притворно смиренно).* Я могу стоять на коленях.

Мишель. Прочь отсюда! И если я увижу, что ты бродишь вокруг мельницы, я переломаю тебе кости! Этими руками.

Лан-Мария *(мягко и устало).* Повинуйся, Смуглянка. Тебе здесь нечего делать. Наша мать еще жива.

Смуглянка. Хорошо, Лан-Мария. Не буду держать зла за худые слова. Я приду позднее. *(Выходит.)*

Голос матери. Она вернется. Да! И скоро. Падаль! Мои бедные дети слишком слабы, чтобы устоять против нее. И особенно против ее дочери, плода греха. Мари-Жанна Керноа, ты не можешь умереть сейчас, ты должна защитить своих сыновей. Ох! Если бы я только могла встать!

Лан-Мария. Почему ты ее так ненавидишь, Мишель? Она несчастная женщина.

Мишель. Она плохая женщина. Ты думаешь, она вернулась бы на побережье и жила в свинарнике, если бы ее не прогоняли отовсюду?

Лан-Мария. На них, наверно, проклятье, на ней и на дочери.

Мишель. Не говори о дочери!

Лан-Мария. Я говорю только, что и на пей и на дочери лежит проклятье. Какое? Наверно, нетрудно догадаться, если хорошо подумать.

Голос матери *(повелительно).* Об этом не надо думать!

Мишель. Змеи, Лан-Мария. Я чую запах их яда. Наша мать сворачивала в сторону, когда встречалась с ними на дороге.

Лан-Мария. Она, разумеется, знала почему. А ты, ты знаешь?

Мишель не отвечает и возвращается к двери.

Голос матери. Нет, бедный Мишель. Откуда ему знать? Он просто чует ядовитый дух. Лан-Мария, почему ты вырываешь оружие из его рук? Ведь он старается спасти и тебя.

Мишель *(тихо и просительно).* Лан-Мария!

Лан-Мария. Что?

Мишель. Посмотри-ка еще! Может быть, она уже умерла?

Лан-Мария. Нет, сейчас прилив. Когда море высокое, люди не умирают.

Мишель. Все же посмотри. Я не могу!

Лан-Мария идет, хромая, за полог.

Голос матери. Я вижу, как мой сын смотрит на меня. Глаза его полны слез. Лан-Мария, бедное мое дитя!

Лан-Мария *(из-за полога).* Нет. Губы ее шевелятся. Пальцы ее поглаживают саван. У таких стариков не хватает сил умереть. Им нужно время.

Голос матери. Когда носишь имя Керноа, нелегко перейти от живых к мертвым.

Мишель *(нетерпеливо-раздраженно).* Я жду уже семнадцать дней, Лан-Мария! И чего ради? Лежащая там женщина больше мне не мать. Она меня даже не узнает.

Лан-Мария. Она тебя чувствует.

Мишель. Не знаю.

Лан-Мария. Ты плоть от плоти ее.

Мишель. Я слишком давно отделился от нее.

Лан-Мария. Тебе так кажется. Но она не отделилась от нас. И может быть, из-за нас она и не может умереть.

Мишель. Ты опять бредишь, Лан-Мария.

Голос матери. Он не бредит. Да, из-за вас.

Лан-Мария. Можно подумать, что она нарочно тянет, что она не хочет умереть раньше…

Мишель. Раньше чего?

Лан-Мария. Раньше, чем что-то произойдет. Она тоже ждет.

Мишель. Конечно, ждет. Смерти! Это единственное, что ей остается.

Лан-Мария. Нет. Ее что-то очень беспокоит. А ведь эта женщина не из тех, кто страшится смерть, ты знаешь.

Мишель. Так что же?

Лан-Мария. Даже когда глаза ее закрыты, я ясно вижу по чертам ее лица, что она настороже. Каждый ее мускул напряжен.

Мишель. Пусть успокоится с миром. До самого конца здесь ничего больше не может случиться. Все рассыпается, и люди и вещи.

Голос матери. Ах! Как бы мне удержать эту

жизнь, покидающую мое тело! Я истерта до костей, и именно теперь я им больше всего нужна.

Лан-Мария. Это так. Бури подтачивают утесы. Я пас коров там, где ты сегодня бросаешь якорь. А там был раньше хутор, и огонь горел в семи очагах, и все люди назывались Керноа. По возвращении с моря в ограды домов они на руках втаскивали семь баркасов. А потом шесть семей Керноа ушли одна за другой, после того, как шесть раз находили на берегу обломки баркасов, выплюнутых морем, как объедки, после того, как мужчин поглотила пучина. И зимой после каждого отъезда прибой обрушивает еще один дом под соломенной крышей. Наш был последним. Но уже в ночь твоего рождения волны хлестали в дверь, знаменуя твое морское крещение. Когда дома не стало, на всем побережье осталось одно укрытие — эта мельница, давно заброшенная мельником, забывшим золотой цвет зерна. Едва мы успели перенести сюда свой скарб, как баркас отца пошел ко дну и на наших глазах утонул с тремя старшими братьями — Иваном, Жозефом и Луи.

Голос матери. Да примет бог их души!

Пауза.

Мишель *(разгневанно).* Что ты замолчал? Раз уж ты стал сам себе рассказывать жизнь Керноа, говори до конца.

Лан-Мария. Не могу. Потом началась ее жизнь, только ее. И я уверен — она меня слышит.

Голос матери. Да, слышу. Молчи!

Мишель *(после минутного колебания подходит к парусу-пологу и берется за него рукой).* Тогда продолжу я. Слушай, мать, если можешь. Тебе пора умереть, и пора, чтобы настал всему конец и берег обезлюдел. Твой муж и твои старшие сыновья погибли, ты не захотела отступить, как другие женщины, перед натиском западных волн. Раньше, мать, ты была такой красивой в белых расшитых повойниках, а теперь волосы твои висят спутанными космами. От весел задубели руки, и лицо постепенно потемнело от водяной пыли. С каждым годом все яростней ты направляла против ветра жалкий баркас. Мне не было еще двенадцати лет, когда ты взяла меня на борт вместо юнги, потому что прежний ушел в город. И с тех пор я скрепя сердце пашу это море, а во мне клокочет ненависть к черной живой воде. Еще ребенком я приходил в бешенство, видя клубящиеся водовороты. Я хватал палку и бил на песке пену прибоя. И взгляд мой отдыхал, только

когда, повернувшись спиной к разъяренному морю, я смотрел на далекие шпили колоколен. Мать, почему ты меня держала здесь на цепи?

Голос матери. Потому что место Кериоа здесь.

Мишель. Моя настоящая жизнь еще не началась. Я жду, когда умрет эта старая женщина, чтобы уйти в края, где о ветре узнаешь только по шелесту листвы, где волны — это овсяное поле в грозу, где горизонт — не линия, а сиреневый холм, с которого вечером спускается стадо. Понимаешь?

Лан-Мария. Не кори мать. Дай ей умереть.

Мишель. А кто ее корит? Я требую от нее вслух того, о чем мои глаза просили ее двадцать лет. Двадцать лет беспрекословного повиновения, как завещали наши предки. Но семнадцать дней назад она свалилась на дно баркаса, вытаскивая сеть. Когда мы причалили, ноги ее подкашивались, и я принес ее сюда. А теперь она не хочет умирать. Не хочет освободить меня. Почему? Я не заработал своей свободы?

Лан-Мария. Уходи!

Мишель. Ты же знаешь: я не могу. Я должен отдать ей последний долг. Когда она умрет, я отнесу ее в баркас и в открытом море опущу тело на то кладбище, где уже ждут ее мужчины. Я дал

слово и сдержу его.

Лан-Мария. Я это сделаю. Я старший.

Мишель. Нет. Здесь у каждого своя ноша, и я свою не переложу ни на чьи плечи. Впрочем, ты так слаб, что не справишься с баркасом.

Лан-Мария. Знаешь, какое обещание она с меня взяла?

Мишель. Я никогда не касался того, что было между вами.

Лан-Мария. Я дал слово, что в день ее смерти, повернувшись к морю спиной, я пойду вперед, как можно дальше от соленых волн.

Мишель *(удивленно).* Это разумно. Мы уйдем вместе.

Лан-Мария. Нет. Она сказала, что ты должен остаться, потому что всегда один из нас должен стоять к ветру лицом. Честь Керноа держаться до конца.

Голос матери. Да. Это так. Честь. Я всегда это слышала. И повторяла за другими Керноа.

Мишель. Семья погибла. На нас закончатся Керноа.

Лан-Мария *(вставая).* Мишель, не говори пустых слов. Позволь мне, мать, я расскажу, какая ты была женщина. В день, когда мне исполнилось шесть лет, я лежал на утесе и ждал возвращения

баркаса. Вдруг почва ушла из-под меня. Подмытая морем скала рухнула и разбилась о прибрежные камни. В водорослях люди подобрали тело, распластанное, как морская звезда. Но жгла меня не боль в перебитых костях, а сознание того, что никогда, никогда я не поведу отцовский баркас!

Голос матери. Лан-Мария!

Мишель. Перестань, Лан-Мария, это старая история.

Лан-Мария. Это моя единственная история. Через несколько дней, когда я в лихорадке боролся со смертью, я услышал с моего одра, как мать испустила глубокий вздох — вздох облегчения. Она тоже поняла.

Голос матери. Надо ему все сказать, Лан-Мария, все.

Мишель *(колеблясь).* Что она поняла?

Лан-Мария. Что я никогда не поведу отцовский баркас.

Мишель. Но…

Лан-Мария. Постой! Прошло несколько лет, и однажды мать надела свой самый красивый повойник и ушла к городским стенам. Когда она вернулась, глаза ее светились и она сказала, что сапожник согласен взять меня в ученье. Считается ведь, что хромые — лучшие сапожники.

Мишель. Керноа — сапожник! И мать этого хотела?

Лан-Мария. Она, Мари-Жанна Керноа, таяла от счастья при мысли, что один из ее детей будет вгонять гвозди в подметки! Он жил бы в деревенском домике, рядом с кладбищем, где мертвецам открывала объятия земля, а не клокочущие волны. Может быть, в старости она стала бы вести мое хозяйство. Всю ночь она молила меня об этом.

Мишель. Напрасно?

Лан-Мария. Напрасно.

Голос матери. Это правда, Мишель. Прости меня. Он калека, у меня было право спасти его. Ты силач, тебя я приношу в жертву. Могла ли я поступить иначе?

Мишель. Такой матери я не знал. Когда она открывала рот, то говорила о баркасе, о веслах, о парусах или сетях.

Лан-Мария. Ты всегда был мужчиной. Мужчинам не открывают сердец. А я для матери всегда оставался ребенком. Она знала, что всю мою жизнь я буду чувствовать под ногами только твердую землю.

Мишель. Почему я должен тебе верить?

Лан-Мария. Да, мать. Ты была, как и другие, бедной женщиной, в глубине своей души всегда

охваченной тревогой. Но ты вышла замуж за Керноа и взвалила на свои плечи их жребий, когда пошли ко дну твой муж и трое старших сыновей. Таков наш обычай. Твой долг был обучить ремеслу моряка того единственного, кто остался.

Голос матери. Такова воля отца.

Мишель. Я не хотел. Я всегда проклинал эту жизнь.

Лан-Мария. Вот именно. И все, что ты знаешь о силе ветра, подводных рифах, парусах, о секретах рыбной ловли, она вложила в тебя насильно. И она оставалась у руля, пока держалась на ногах. Чтобы ты не сдался.

Мишель. Я сдамся. Я уведу тебя на восток. Мы будем первыми из нашей породы, кого похоронят в гробах. Разве это позорно?

Лан-Мария. Ты уйдешь один. Я не смогу. Я не захотел стать сапожником. Я весь скрючен, я не могу налечь на весла, но во мне живет дух Керноа. Я не могу покинуть берег. Я не могу жить без шума прибоя. И кроме того, когда мать умрет, хозяином останусь я, потому что я старший. И может быть, я сумею управиться с баркасом. Если нет, тогда пойду на дно вместе с ним.

Голос матери. Нет-нет, Лан-Мария, не ты! Я не хочу!

Мишель. Тебе стыдно за меня?

Лан-Мария. Нет, малыш, мне за тебя не стыдно. К земле толкает тебя не трусость, а ярость и бессилие, и, как ты сказал, ненависть. Ты тоже из нашей породы. Берегись же. Ненависть привязывает сильнее, чем любовь. Ты убежишь в долины, быть может, но там тебя сгложет тоска.

Голос матери. Это правда?

Мишель *(неуверенно).* Все гораздо серьезней. Уже давно я не верю в то, что мы, Керноа, как сторожевые псы, должны стеречь море, в то, что мы сведем с ним вечные счеты. Послушай, я все тебе скажу.

Голос матери. Послушай его, сын мой! Я тоже хочу узнать.

Лан-Мария *(быстро).* Нет. Оставь при себе свои мысли. Ты надеешься что-то изменить? Что? Я остаюсь. Я морской Керноа. Эта мельница — мой корабль. Когда поднимается ветер, ее суставы трещат, крылья просят парусов и вал поворачивается, как руль. И правлю им я, я, который не сдался. Я — настоящий моряк.

Голос матери. Увы!

Мишель *(взволнованно).* Ты моряк, Лан-Мария.

Лан-Мария *(приходя в себя).* Нет, я — пустое место. Мешок с костями, береговая крыса, едва

годный на то, чтобы чинить сети, забрасывать которые будут другие. Как баба, я варю суп и убираю дом. Моя мать знает, что у меня не хватит сил выстоять против ветра. И умереть она не может от двойного страха: оттого, что ты забросишь пашню Керноа, и оттого, что на нее выйду я, потому что моя погибель предрешена еще до того, как парус взовьется на вершину мачты!

Голос матери. Лан-Мария, ты читаешь в моем сердце лучше меня самой. И, наверно, уже давно. У калек есть этот дар.

Мишель *(прислушиваясь).* Ты ничего не слышишь?

Лан-Мария. Лайды стонут. Поднимется ветер.

Мишель. Уже семнадцать дней воздух неподвижен.

Лан-Мария. Смерть близка. Она на крыльях ветра. Пойду посмотрю, что делается в небесах. И если все готово, я натяну полотна на крылья, все полотна, какие есть, и пусть улетит в небо ветряк, если его сорвет. Наша мать должна умереть, как умирают моряки, и черный оргн бури должен выть над ее кончиной. *(Поднимается по каменным ступеням башни в то время, как слышен голос матери.)*

Голос матери. Сын, спасибо! Но я не умру, пока

не узнаю, чем все кончится. Мой сын Мишель поднял полог и смотрит на меня. Что он хочет сказать мне? Какие у него голубые глаза! Я забыла, что у него голубые глаза. Так давно не смела я поднять на него взгляда.

Мишель *(нежно).* Мать, ты меня слышишь? Я совсем не знал тебя. Но на ком вина? Ты никогда со мной не говорила. В этом доме никто никогда не говорил. Тебе нужно покинуть нас для того, чтобы все сразу стало понятно. Боюсь, что уже поздно.

Через дверь на переднем плане входит Гаид, испуганная, но решительная.

Гаид. Мишель!

Мишель *(резко оборачивается к ней).* А-а, я ждал тебя/ подлое семя сорной травы! Марилканна Керноа, когда ты держалась на ногах, эти твари не смели ступить за твой порог. А теперь, когда остались одни мужчины, они взялись за свое.

Гаид. Что я такого сделала?

Мишель. В моих глазах ты — дочь Смуглянки. Этого мало?

Гаид. Я хочу поговорить с тобой.

Мишель. Ложь! Ты тоже пришла предложить обрядить нашу мать на смертном одре?

Гаид. Нет, я пришла не ради твоей матери.

Мишель. Тогда не оставайся надолго. Ты ранишь мои глаза.

Гаид. Я уйду. Но прежде мне надо поговорить с тобой.

Мишель. Я не хочу тебя слушать.

Голос матери. Отлично! Вышвырни ее, Мишель! Потом будет поздно.

Мишель *(в раздумье).* Хотя нет! Скажи, раз и навсегда! Скажи, почему ты ходишь за мной, как тень? Как только я поворачиваю баркас к берегу, я уже вижу, как развеваются твои волосы в расщелине утеса. Я оборачиваюсь на узких тропинках, а ты прячешься за поворотами. Куда бы я ни шел, я слышу за собой шаги твоих босых ног. А сейчас ты осмелилась войти в дом, хотя моя мать еще не умерла. Что тебе от меня нужно?.. Да нет! Зачем бояться слов? Ты хочешь, чтобы я взял тебя в жены.

Гаид *(со стоном падает на стремянку Лан-Марии).* Ты знал!

Мишель. Дура несчастная! Разве можно было не понять по твоим глазам? Ты еще была девчонкой, когда я подсмотрел, как ты целуешь на веслах следы моих рук.

Гаид. Не позорь меня.

Мишель. Позор! Да знаешь ли ты, что это значит? Твоя мать никогда не знала. И тебя научить не могла.

Гаид *(искренне).* Не понимаю, почему ты так жесток со мною.

Мишель. Хочешь знать? Потому что ты — грех во плоти. Ты — бурлящая плоть, а для нас плоть — последняя забота. Одно твое присутствие — вызов всей нашей жизни. Стоит посмотреть на тебя — и начинаешь думать: зачем люди веками лицом к лицу сражались с морем? И гибли. Не напрасна ли эта борьба? Уходит вера. Там на охапке водорослей умирает старая женщина, из последних сил боровшаяся до конца, но даже ей изменяло мужество, когда она встречалась с тобой на одной тропе. И я в конце концов, может быть, смирился бы с тем, что написано на роду у Керноа, если бы твое лицо не виделось мне всюду: в воде и в небе. Лихорадка треплет мое тело.

Голос матери. Уже поздно.

Гаид. Мишель! Значит, у тебя в груди есть сердце!

Мишель *(глухо).* Берегись. Когда-нибудь я убью тебя.

Гаид *(с восторгом).* Когда-нибудь ты убьешь меня! Наконец! Настанет день — и твое лицо при-

близится к моему. Твое дыхание коснется моих волос. Твои сильные руки сомкнутся на моей шее. А потом ты отнесешь меня на берег. Пусть я буду мертва, но тело мое прижмется к твоей груди. Ты перенесешь меня через руль, положишь на дно баркаса и бросишь в море там, где бросали всех Керноа, и я буду ждать, когда ты ко мне приедешь, в такой же высокий весенний прилив, как сегодня, да, как сегодня. Чего же ты ждешь?

Голос матери. Тварь! Тварь!

Мишель. Не подходи, женщина, сосуд греховный.

Гаид. Брани меня. Я сильнее тебя.

Мишель. Увидим… На какую добычу ты надеешься?

Гаид. Я уже тебе сказала. А теперь, когда я все знаю, я заставлю тебя страдать. И если смогу, то сделаю так, что ты будешь мучиться из-за других.

Мишель. Других? Мы одни на краю света. Мать моя в объятиях смерти, а мой брат…

Гаид. Вот именно. Твой брат.

Мишель. Лан-Мария! Зачем он тебе нужен?

Гаид разражается безумным смехом.

Голос матери. Оставь его в покое, дьявольское

отродье! Я выцарапаю тебе глаза, если ты дотронешься до моего сына Лан-Марии.

Гаид. Посмотри мне в глаза! В них ты прочел тайну, хранимую в моем сердце. Но, Мишель, не только меня выдал мой взгляд. То же говорят глаза и твоего брата, Лан-Марии.

Голос матери. Мало ему, что он хром и скрючен. Значит, он еще и слепец…

Мишель *(не решаясь понять).* Не может быть, чтобы…

Гаид. Может. И я выйду замуж за Лан-Марию, как только захочу.

Мишель. Нет.

Гаид. Выйду.

Мишель. Он жалкий калека.

Гаид. Ты сам сказал, что здесь не думают о плоти.

Мишель. Гаид, не терзай моего брата.

Гаид. Ты или он. Почему мучиться мне одной? Ты не хочешь меня. Я тебе отомщу. И увидишь, какой ценой твой брат заплатит за мое разбитое сердце.

Мишель. Мари-Жанна Керноа, соберись с последними силами! Твой страдалец сын в опасности. Ты вырвала его из морской пучины, но он в когтях дьявола. Скажи мне, что делать? Если

она завладела душой Лан-Марии, я нанесу ему смертельный удар, женюсь ли я на ней или задушу ее. Но есть ли правда в ее словах?

Гаид. Позови своего брата.

Голос матери. Все правда. Но как быть?

Резко распахивается дверь, и входит Смуглянка.

Смуглянка *(в тревоге).* Гаид!

Голос матери. Вот и другая!

Гаид *(в гневе).* Что тебе нужно?

Смуглянка. Не слушай ее, Мишель Керноа. Она потеряла рассудок.

Мишель *(в смятении).* Нет! Вы слетелись сюда, как воронье на мертвечину. Нет! Нет! *(Как безумный бросается прочь из комнаты.)*

Голос матери. Почему ты ушел, Мишель? Сжалься над своим бедным братом. Теперь они вдвоем набросятся на него. А Смуглянка одна стоит вас двоих.

Гаид. Гордишься? Ты успела вовремя.

Смуглянка. Не совсем. Я не помешала твоим безумствам. Мне надо было посадить тебя на цепь.

Гаид. Такую, как я, не удержишь на цепи.

Смуглянка. На нашу погибель ты сделала это,

Гаид. Послушайся матери. Тебе остается одно — выйти замуж за Лан-Марию.

Гаид. А я хочу Мишеля!

Смуглянка. Вбила в голову! Он никогда не посмотрит в твою сторону. Для него дочь Смуглянки — пыль на дороге.

Гаид. Я тебе больше не верю. Я сейчас поняла, что могу одолеть сына Керноа, что я уже взяла верх.

Голос матери. Никто никогда не брал верх над Керноа.

Смуглянка. Блаженная! Даже если это правда, он слишком горд, чтобы смириться с поражением. Я их хорошо знаю, морских Керноа. Когда мне было столько лет, сколько тебе, я хотела женить на себе их отца. Во всей округе не было девушки красивей и выносливей в работе, чем я! Тщетные надежды! Я была недостойна Керноа, хозяев моря. У моего отца был не баркас, а стадо коров. И наши мертвецы не, удобряли подводные луга. Поэтому я была ничто! *(Подходит к пологу и приподнимает его.)* Победила Мари-Жанна! Победила уже *тем,* что родилась на свет. По крови ты была им равной.

Голос матери. Я плюю тебе в лицо!

Смуглянка *(с яростью опускает полог).* Отчая-

ние меня снедало. Я ушла в город. А ведь во мне бушевало такое же пламя, как в Керноа.

Гаид. Когда ты прекратишь свои завывания?

Смуглянка. Скоро, если ты мне подчинишься. Я вернулась к морю в день, когда узнала, что Лан-Мария переломал себе кости. Свет надежды вспыхнул в моем сердце. Керноа — калека, Керноа, который не может вести баркас, — это добыча! Когда умрет мать, хозяином по старшинству станет он. А жена его станет хозяйкой баркаса!

Гаид. Нет! Я не хочу.

Смуглянка. Послушай меня!

Гаид. Нет!

Голос матери. Не сдавайся! *(Другим тоном.)* Пусть пожрут они друг друга!

Смуглянка. Несчастная, что ждет тебя в жизни? Через несколько лет уйдет молодость, а с ней красота, поймавшая в ловушку Лан-Марию. Помнишь, как мы ликовали в тот день, когда он тебе впервые улыбнулся?

Гаид. Лан-Мария добр.

Смуглянка. Вот видишь.

Гаид. Но сердце мое стремится к другому.

Голос матери. Не уступай!

Смуглянка. Ты его не получишь. Ты никогда

его не получишь. Смирись и возьми то, что идет тебе в руки. Это неплохая добыча.

Гаид. Но твоя будет лучше?

Голос матери. Сказала как отрезала! Ты не глупа, дочь моя.

Смуглянка. Наша дочь. Мы станем Керноа. Ничего нет выше. Ну, время не терпит. Завершим наши дела. Жизнь Мари-Жанны чуть теплится. Ей надо умереть скорее.

Голос матери. Мразь!

Смуглянка *(поднимается на несколько ступеней по лестнице, зовет).* Лан-Мария! Лан-Мария!

Гаид *(разражается рыданиями).* Мать, сжалься надо мной.

Смуглянка. Не о чем лить слезы, Гаид Керноа.

Лан-Мария спускается по лестнице сверху.

Голос матери. Если ты сдашься, ничтожная девка, мы погибли. Все! И живые, и мертвые!

Лан-Мария. Это ты, Смуглянка? Слышишь, поднимается ветер?

Смуглянка. Да. Будет высокий прилив.

Лан-Мария. Мельница готова. Сейчас натяну крылья… *(Замечает Гаид.)* Вы пришли узнать, как…

Смуглянка. Да. Она сейчас уходит. Она сейчас

уйдет.

Лан-Мария. Она уже по ту сторону. Но мне кажется — что-то мешает ей уйти. А если она хочет поставить на своем… ты ее знаешь.

Смуглянка. Она — Керноа.

Голос матери. Хоть будь сто раз Керноа, продлить жизнь никто не в силах. Спешите!

Лан-Мария *(подходит к Гаид, прислонившейся к стремянке, и гладит ее по голове).* Почему ты плачешь, Гаид? Над женщиной, которая отжила свое и гордо несла свой крест, не проливают слез.

Смуглянка. Лан-Мария, у нее нежное сердце. Но оно зачерствеет.

Лан-Мария. У моей матери тоже нежное сердце. Это можно.

Голос матери. Он предаст меня. Перед ними.

Смуглянка. Она не любила нас.

Лан-Мария. Да. Поэтому вам лучше уйти. Она никогда не хотела с вами знаться. Я уверен, что даже сейчас вы ей причиняете боль. *(Идет и пологу и приподнимает его.)*

Смуглянка. Ни боль, ни радость. У нее сейчас другая забота.

Голос матери. Никакая забота не помешает мне вырвать сына из твоих когтей.

Лан-Мария. Ну же!

Гаид. Ты прогоняешь нас, Лан-Мария?

Голос матери. Он вас прогоняет.

Лан-Мария. Хозяйка здесь она.

Голос матери. Да.

Гаид. Но скоро хозяином станешь ты.

Лан-Мария. Да.

Голос матери. Нет.

Гаид. А что будет делать твой брат Мишель?

Голос матери. Править баркасом.

Лан-Мария. Кто постигнет душу брата моего? Он сам не знает, что его влечет и что отвращает.

Голос матери. Нет, он знает.

Смуглянка. Он уйдет. Он ждет смерти матери, чтобы уйти. Он всегда хотел уйти на восток.

Голос матери. А если он заблуждается?

Лан-Мария. Возможно.

Смуглянка. Ты останешься один.

Голос матери. Он будет сапожником.

Лан-Мария. Уже семнадцать дней, как я стараюсь с этим примириться.

Смуглянка. Тебе нужна будет женщина в доме.

Голос матери. Наконец-то!

Лан-Мария *(медленно). Я.* хорошо знаю, что ты Хочешь сказать, но прежде пусть скажет твоя дочь.

Пауза.

Послушайте меня.

Голос матери. Молчи, несчастный!

Лан-Мария. Уж много лет на этом берегу нет никого, кроме нас. И никто из нас не может обмануть других, если не обманывается сам. А я вижу все яснее вас, потому что ничто не отвлекает меня в моих мыслях. Ты, Смуглянка, хотела женить на себе моего отца и подняться до морских Керноа, как называют нас те, кто пасет на равнинах коров. Это было невозможно. Сегодня же ты не помышляешь ни о чем другом для своей дочери. Гаид хочет Мишеля Керноа, да, Мишеля. Не возражай мне, Смуглянка, даже морские птицы это знают. И Гаид волнует Мишеля, как ты, молодая, — моего отца. Как видишь, тайн не существует.

Смуглянка указывает ему на полог.

Не волнуйся, мать тоже знает. Но и твоей дочери никогда не достанется морской Керноа. Мишель скорее сбежит в равнины и изведется там от ярости и тоски.

Пауза.

Я поверженный Керноа, у меня нет сил править

баркасом. На что мне гордость? *(Наклоняется к пологу.)* Прости, мать, когда-нибудь это должно было случиться… Смуглянка, я беру твою дочь при условии: пусть сама скажет, что хочет пойти за меня.

Голос матери. Я не хочу ее.

Смуглянка. Она хочет за тебя, Лан-Мария.

Лан-Мария. Гаид?

Гаид *(стиснув зубы),* Я стану твоей женой, если хочешь.

Голос матери. Дрянь!

Гаид *(одушевленно).* Я научусь водить баркас по восточным волнам. Я смогу все, что двадцать лет могла Мари-Жанна Керноа!

Лан-Мария *(взволнованно).* Гаид, ты никогда не сможешь. Знаешь, в чем гордость Керноа? Не в том, что мы моряки, — есть много моряков, и среди них много отважных. Но нужно быть одержимым, чтобы не уйти с этого берега, где нет ни одного причала, где волны смывают любой мол, а ветер уносит любое укрытие. Веками Керноа бросали вызов морю и ветру в яростных схватках, когда рушились утесы и шли ко дну корабли. Говорят, что первые из нашей породы были огородниками. Крестьянами. Море поглотило их поля. Тогда они стали моряками, чтобы пахать

килями там, где раньше бороздили землю их плуги и сохи. Им принадлежит дно на шесть миль в открытом море. Всегда один баркас Керноа сторожит свои подводные земли, и его не прогонит никакая буря. Когда-то нас было много. В старых песнях поется о большом селенье под камышовыми крышами; оно было там, где сейчас бухта Мертвых. Там похоронены все мужчины Керноа и многие их жены. Последние вдовы и последние сироты ушли в равнины. Там затеряется память о них. А сейчас умирает моя мать и уходит брат. Это конец Керноа.

Гаид *(твердо).* Что ж, мы будем последними. Но тем, кто в бухте Мертвых, не будет стыдно за нас.

Лан-Мария. Знаешь ли ты глубину нашей страсти? Мы спускаем на воду баркас тогда, когда ни один рыбак в мире не решится рисковать жизнью. Керноа выходят в море не ради улова, а ради того, чтобы бросить вызов буре.

Гаид. Мы бросим вызов буре.

Лан-Мария. У тебя не хватит сил.

Гаид *(упрямо).* Что смогла твоя мать, смогу и я.

Лан-Мария. Правда, Гаид? Вот моя рука. Я научу тебя различать ветра и течения. Никому они так не ведомы, как мне, я видел их жизнь с вершины утеса.

Гаид. Ты будешь командовать баркасом, Лан-Мария.

Лан-Мария. Я не смогу занять это место.

Гаид. Я прошу тебя быть только капитаном.

Лан-Мария *(с надеждой).* А может быть, я и справлюсь? Ах, Гаид, ты даришь мне жизнь! Но нам надо будет помогать, Смуглянка.

Смуглянка. Увидите, на что я способна.

Лан-Мария. Двадцать лет, как эта мельница — моя игра. В жерновах ее нет зерна. Когда все уходили в море, я смотрел на них из верхнего окна. Их паруса и мои крылья раздувались одним ветром. А пустые жернова грохотали, как волны под килем. Мне казалось, что я с ними.

Гаид. С играми покончено, Лан-Мария. Ты станешь настоящим моряком.

Лан-Мария. Слушайте, дорогие женщины! Ветер крепчает. Мы поборемся с тобой, ветер бури! Скоро мы выйдем в открытое море. Пойдем, Гаид! В последний раз я запущу свои крылья. Это похоже на труд моряка. Я покажу тебе. Ты увидишь, как я силен и ловок. *(Увлекает за собой Гаид, но останавливается и говорит с разочарованием.)* Увы! Я забыл о Мари-Жанне Керноа, о хозяйке.

Смуглянка. Хозяйке никогда больше не подняться на баркас. Прошло ее время.

Лан-Мария *(оборачиваясь).* Пойдем. *(Уходит, ведя за руку Гаид.)*

Смуглянка. Мари-Жанна, ты должна наконец умереть. С тех пор как тридцать лет тому назад ты увела у меня Жана Керноа, я ношу в себе свою муку. Больше я не могу ждать ни часа.

Голос матери *(умиротворенно и строго).* Я готова. Ты своими руками уничтожишь плоды своей победы. Я боялась, что жила и боролась зря, но зато знаю, ради чего я умру. Ну, иди! Тебе не придется потратить много сил.

Смуглянка идет за полог.

Поднимается ветер. Крылья мельницы начинают вращаться. Слышен скрежет жерновов, шум крыльев.

Вдруг, еле переводя дух, вбегает Мишель — как раз в тот момент, когда Смуглянка появляется из-за полога.

Мишель. Снова ты, ведьма! Я тебе запретил приходить. *(С ужасом замечает бледность Смуглянки. Охваченный страшным предчувствием, бросается за полог, почти тотчас же выходит из-за него и, шатаясь, прислоняется к стене.)*

Смуглянка *(с торжеством).* Да, это я. Я больше не могла. У меня своя гордость! Она, и ты, и за ва-

ми ваши мертвые предки. Нельзя всегда ползать на брюхе. Я больше не раба, Мишель Керноа. Я освободилась!

Мишель пристально смотрит на нее, стоя у стены.

(Становится уверенней и говорит обличительным тоном, иногда с оттенком презрительной иронии.) Я освободила и тебя. Ты тоже был рабом. Самым подневольным из нас. У тебя не было сил. Тебе безумно хотелось уйти, бросить все. Что ж, теперь ты можешь уходить. Я разорвала твои путы. Ты должен благодарить меня. *(Приближается к нему почти вплотную.)*

Мишель поворачивается к ней, хватает ее и бросает на земляной пол.

Убирайся! Тебе здесь нечего делать. Теперь хозяйка здесь я! Моя дочь выходит замуж за Лан-Марию. Слышишь? Моя дочь выходит замуж за твоего брата. Твоего брата Лан-Марию! Не веришь мне? Спроси саму них. Они сейчас придут. Придут рука об руку и пригласят тебя на свадьбу. Дружкой.

Мишель срывает со стены пеньковый трос, на котором еще болтается пробковый поплавок, и

начинает завязывать его в узел.

(Встает.) Да. Я знала, что умру с нет лей на шее. Ио мне все равно! Я прожила всю жизнь ради вот этих десяти минут. И считаю, что жила не зря. А ты, ничтожный дурак, ты любил мою дочь, и она тебя любила. А ты все потерял из-за гордыни Керноа. Гордыня Керноа отняла у меня твоего отца. Но я в душе своей взрастила гордыню больше вашей, и я победила вас. Всех!

Мишель. Ведьма!

Смуглянка *(подходит совсем близко к нему и обнажает свое горло).* Ну же! Что за моряк — не умеет связать затяжного узла! Я и то умею связать петлю на веревке, когда привязываю корову. Тебе помочь?

Резким движением он накидывает петлю ей на шею. В этот момент распахивается дверь и появляется Лан-Мария, опирающийся на Гаид, которая с вызовом смотрит на Мишеля.

Лан-Мария. Друзья, страшный прилив. Северный ветер бушует. На этот раз мои крылья обломятся. Слышите, как они воют? *(Замечает их позу.)* Что с вами? Что случилось?

Смуглянка. Ваша мать наконец преставилась.

Лан-Мария *(снимая шляпу).* Да примет господь

ее душу! *(Направляется за полог.)*

Мишель *(не выдерживает).* Она умерла не своей смертью. Эта женщина задушила ее своими руками.

Лан-Мария. Смуглянка? Почему?

Мишель *(в ярости).* Почему? Потому что ты оставил ее здесь одну, когда пошел ворковать с ее дочкой. Ловко сыграли они на твоей слабости, жалкий калека. Дух твой не сильнее тела!

Лан-Мария *(страдальчески).* Мишель!

Мишель. А не был ли ты с ними заодно? Вы хотели прогнать меня отсюда и остаться одни, греясь теплом собственного позора.

Гаид *(гневно).* Ты сам хотел уйти! Кто больше трус: ты — сильный, но оставляющий борьбу, или твой брат-калека, позвавший нас на помощь, чтобы выстоять вместе?

Мишель. Сильно сказано! Вы убили Мари-Жанну Керноа, потому что на ней держалось все и она заставляла держаться и меня. И я бы держался, клянусь громом животворящим, если бы девка эта не перевернула мне душу. Но теперь я свободен, как сказала только что эта ведьма. Я старший Керноа, единственный. Мне принадлежит баркас. Попробуйте его отнять! И это я вас всех отсюда прогоняю. Ищите, ищите где хотите

вашу геенну огненную, свой адский жребий я ни с кем не разделю.

Лан-Мария. Мишель, не нужно… Успокойся… Все это…

Мишель *(исступленно).* Вон из дома! Я последний морской Керноа! Сапожники нужны людям, Лан-Мария, но я ступаю босыми ногами. Иди, мни кожу и уведи с собой этих самок — своей ядовитой слюной пусть смолят тебе дратву!

Смуглянка. Уйдем! Но мы вернемся. Немного осталось ждать.

Лан-Мария *(робко).* Гаид?

Гаид *(не глядя на него).* Я остаюсь. Я в его власти. Лан-Мария, хромая, выходит. Короткая пауза.

Гаид. Лан-Мария!

Мишель. Куда ты, Лан-Мария! Братец! *(Убегает следом.)*

За ним — Гаид.

Смуглянка *(снимает петлю с шеи и бросает ее на землю).* Неужели страдания напрасны?

Гаид *(появившись в дверях, безжизненным голосом).* Все кончено.

Смуглянка. Я знаю.

Гаид. Лан-Мария бросился под мельничные крылья.

Смуглянка *(угрюмо).* Да будет так!
Гаид. Мать, я боюсь. Что с нами будет?

Смуглянка отвечает уклончивым жестом.

Мишель *(появляется, медленно неся ¡брата; опускает на пол, прислонив его голову к своему колену).* Лан-Мария, зачем ты это сделал?
Лан-Мария. Я хочу уйти за своей матерью и вместе с пей. Здесь я никому не нужен. Теперь я уверен, что ты останешься. Я всегда хотел сделать как лучше. Мишель. Керноа, тебе не в чем себя упрекнуть. Лан-Мария. Когда ты отнесешь в баркас Мари-Жанну Керноа, чтобы… в бухту Мертвых… отнеси и меня. Если сочтешь меня достойным.
Мишель. Я отнесу тебя, Керноа. Я не позволю тебе гнить в земле.
Лан-Мария *(бредит, движения его рук и тела напоминают движения гребца).* Какая буря! Вздымается прилив! Спускайте баркас! К востоку! Парус поставить! Весла на воду! *(Голова его падает на грудь.)*

Мишель приподнимает его. Женщины жмутся к двери.

Мишель *(мягко).* Оставайтесь здесь. Вы завер-

нете в саван мать и сошьете из паруса мешок для брата. Сейчас будем грузиться. Гаид, ты станешь моей женой. А ты, Смуглянка… моей матерью. Вы выбрали жребий Керноа. Это имя дорого стоит. И всей цены вы еще не заплатили.

Сведения об авторах

Андре Руссен родился в 1911 году в Марселе. По настоянию родителей поступил на юридический факультет университета, но вскоре оставил его. Работал страховым агентом (1931–1932), журналистом в «Пти марсейе» (1933–1935), актером в труппе Луи Дюкре «Серый занавес» (1934), в «Труппе всех времен года» Андре Барсака (1933–1938). С 1936 года А. Руссен целиком посвящает себя драматургии.

Первое драматическое произведение, принесшее ему успех, — комедия-фарс «Ам-страм-грам» (1944). Он сам ставит ее в Марселе и играет в ней одну из главных ролей. После войны А. Руссен переезжает в Париж; первый успех в столице приносит ему комедия «Маленькая хижина» (1947). Перу А. Руссена принадлежит более тридцати комедий, не сходящих со сцен французских театров и неоднократно отмеченных литературными премиями. В 1973 году Французская Академия выбирает его в число «сорока бессмертных», признав официально его заслуги драматурга.

Наиболее известные комедии А. Руссена: «Ам-

страм-грам» (1944), «Взрослая простая девочка» (1944), «Нелюбимый Жан-Батист» (1945), «Гробница Ахилла» (1945), «Маленькая хижина» (1947), «Нина» (1949), «Страусиные яйца» (1950), «Безумная любовь» (1955), «Святое семейство» (1956), «Когда появляется ребенок» (1957), «Мамма» (1957), «Изысканные женщины» (1960), «Женщина, говорящая правду» (1960), «Шалунья» (1962), «Любовь не кончается» (1963), «Ясновидящая» (1963), «Паровоз» (1966), «Никогда не угадаешь» (1969), «Пощечина» (1970).

Кроме драматических произведений А. Руссену принадлежит книга воспоминаний «Терпение и нетерпение» (1953) и книга о жизни театра «За бордовым занавесом» (1981).

Марсель Митуа родился в 1922 году в Порт-Саиде (Египет), где его отец работал инженером на строительстве Суэцкого канала. Он получил юридическое и историческое образование, и с 1948 года начал заниматься журпалистикой, став заведующим отдел ом литературы журнала «Реалитэ» (1948–1964), а с 1957 года активно сотрудничая в «Кур де Франс». Продолжительное время М. Митуа — советник но литературе и драматургии Французского общества кинопродюсеров.

М. Митуа — автор многих драматических

произведений для сцены, радио и телевидения (радиопьесса «Изабелла и генерал» получила премию за лучшую комическую пьесу Французского радио и телевидения за 1958 год).

Наиболее известные пьесы Марселя Митуа: «Пожирательница мужей» (1967), «Блоха» (музыкальная комедия, 1968), «Преступление хорошего топа» (1970), «Триумфальная арка» (1973), «Сумасшедшие субботнего вечера» (1978).

М. Митуа известен не только как драматург, но и как прозаик. Его романы печатались в популярном женском журнале «Шур де Франс» («Лакомый кусок», «Хорошенькая чума», «События жизни Памелы» и др.),

Жан Ануй родился в 1910 году в Бордо в небогатой семье (отец был портным, мать — скрипачкой в женском оркестре). Поступив на юридический факультет Парижского университета, вскоре оставляет его и работает вначале в рекламном агентстве, а затем — секретарем известного театрального деятеля, актера и режиссера Луи Жуве.

Первой пьесой, принесшей автору успех, была комедия «Горностай» (1932). С этого времени он становится профессиональным драматургом, а также режиссером-постановщиком многих своих произведений.

Среди известных: «Антигона», «Жаворонок» (1953), «Оркестр» (1962), «Директор оперы» (1972), «Мсье Барнет» (1973), «Птички» (1976) и др. В 1980 году Французская Академия присудила Ануя Гран при театра.

Марсель Беркье-Маринье (дочь известного шансонье Паяя Маринье) — автор нескольких драматических произведений, ив которых наиболее известно «Любо-дорого», получившее в 1059 году премию журнала «Авансцена».

Ги Абекассис родился в 1930 году; уже первая его пьеса, «Кровь чужих» (1955), получила первую премию на конкурсе спектаклей молодежных трупп.

С 1955 по 1967 год Ги Абекассис работает гид ом-переводчиком, совершив за это время несколько кругосветных путешествий. Жизненные впечатления этого периода нашли отражение в двух юмористических книгах, иллюстрированных известным карикатуристом Мозом, — «Сотня чемоданов на крыше» и «Странная планета».

Из драматических произведений Ги Абекассиса наиболее известны переведенная на многие языки и поставленная телевидением Франции, ФРГ, Италии и Греции пьесы «Приезжий из Рангуна»

(1967) и «Автоматы» (1979).

Клод Фортюно. Журналист и поэт Клод Фортюно много лет работал на радио. Был автором популярных серий радиопередач («Диалог экспромтом», «Будьте здоровы», «Ежедневное счастье» и др.). За свои поэтические произведения неоднократно удостаивался литературных премий. Как драматург, является автором нескольких переводов-адаптаций иностранных пьес и автором многих одноактных пьес и скетчей, из которых наиболее известны: «Жертва» (1969), «Конфронтация» (1972), «Филигрань» (1979).

Мишель Фор. Жил много лет в Англии, потом в Канаде, где работал на Монреальском телевидении.

Как журналист, он является автором многих статей в газетах. Кроме пьесы «Бес вселился» (переведенной в Англии) написал «Сколько лет было Моцарту».

Ги Фуасси родился в 1932 году. Видный театральный деятель, борец га создание Нового театра, доступного самым широким массам. В настоящее время он руководитель «Культурного центра» г. Макова.

Одноактные пьесы — наиболее известные

драматические произведения Ги Фуасси; они не сходят с подмостков французских театров, переводятся на другие языки и ставятся га рубежом. Среди них наиболее известные: «Стены рушатся», «Одно сердце на двоих», «Меня зовут Рюбарб», «Речь отца» и др.

Произведения Ги Фуасси неоднократно удостаивались литературных премий — премии «Театральный эффект» (1969), Премии Куртелина и др.

Габриель Ару родился в 1909 году в городе Нахичевани в армянской семье, впоследствии переехавшей во Францию (настоящая фамилия — Аручев). Закончив филологический факультет Парижского университета, Ару становится профессиональным журналистом, а в 30-е годы пробует свои силы как драматург («Орфей», «Гордиев узел»),

Г. Ару много сделал для пропаганды во Франции русской и советской литературы. В числе его переводов-адаптаций, поставленных на сценах французских театров, — «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Идиот» и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Это странное животное» и «Яблоки для Евы» по рассказам А. Чехова. Основные

оригинальные драматические произведения Г. Ару: «Полина, или Морская пена» (1948), «Бал лейтенанта Хелта» (1950), «Бродяга» и др.

Пьер Руди родился в 1927 году в Ангулеме. Получив гуманитарное образование, он закончил Парижскую консерваторию по классу пения.

Основная профессия П. Руди — преподаватель английского языка. Он работал во многих высших учебных заведениях, перевел и адаптировал пьесы английских авторов и сам приобщился к драматургии.

В настоящее время П. Руди — профессор Высшей школы журналистики, профессор Центра заочного обучения. В издательство «Маньяр» курирует серию «Театр — молодежи».

Основные драматические произведения П. Руди: «Номер» (1907), «Шахты» (1968), «Без страха и солнца» (1971) и др.

Его перу принадлежат несколько романов: «Надежда сдана в ломбард» (1962), «Флоризаиа» (1968), «Библиотечная любовь» (1975).

Пьер Барийе, Жан-Пьер Греди. Пьера Барийе (родился в 1923 году в Париже) и Жан-Пьера Греди (родился в 1920 году в Александрии) связывает многолетняя творческая дружба, зародившая-

ся еще в студенческие годы, во время учебы на юридическом факультете Парижского университета (Ж.-П. Греди окончил, кроме того, еще филологический факультет и Высшую школу кинематографии). Со времени написания первой пьесы («Дар Адели», 1949 г., получившей театральную премию «Тристан Бернар») этими известными французскими драматургами создано более двадцати произведений, закрепивших за ними репутацию блестящих мастеров современного комедийного жанра.

Наиболее известные произведения: «Друг — друг» (1950), «Гора с плеч» (1953), «Перо» (1954), «Безумная Аманда» (1971), «Роза к завтраку» (1973), «Коровья шкура» (1975), «Любимый» (1978).

Пьер-Жакез Элиас родился в 1914 году в небольшом городе Пульдрезике, в департаменте Финистер, считающемся центром Бретани. Закончив филологический факультет Реннского университета, П.-Ж. Элиас становится профессиональным журналистом и писателем. Он главный редактор вещания на бретонском языке радиостанции «Радио-Бретань». П.-Ж. Элиас — видный лингвист, с 1947 года — профессор лингвистики в университете в Кимпере, а с 1971 года — в уни-

верситете Западной Бретани.

Творчество П.-Ж. Элиаса разнообразно: он пишет стихи, романы и пьесы.

Сборники: «Большой валет», (1977), «Изольда Вторая» (1979).

